

WAYSTHROASOYBINGLADNYID95TBLOVCHIGHROASNI90

# СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА ГРУ

МИХАИЛ  
БОЛТУНОВ



TOP SECRET



## Annotation

Самая малоизученная и особая разведка в империи ГРУ - стратегическая. Она выдвинута далеко впереди пограничных застав и ведется, как правило, на территории противника или его союзников.

В первой части герои очерков - офицеры-фронтовики, которые прошли войну на "передке", некоторые из них - в качестве полковых и дивизионных разведчиков. А после войны их, героев-орденоносцев, направили в академию, а потом вновь на фронт, только теперь "холодной войны". Они были военными атташе, работали "под крышей" в Европе и на Востоке.

Вторая часть повествует о детях войны, о мальчишках, которые мечтали о фронте, но пока обучались в спецшколах, военных училищах, война закончилась. Послужив в войсках, лучшие из них оказались в стратегической разведке. Работали в США, Греции, Швейцарии, на Ближнем Востоке. Леонид Медведко трудился "под крышей" ТАСС в Дамаске, Валерий Калинин под прикрытием", торгпредовской должности в Афинах, Василий Ловчиков служил в посольств" в Женеве.

На их счету завербованные ценные агенты, добытые новейшие секретные образцы военной техники и оружия, материалы под грифом "Топ-секрет". Как добывались эти материалы и образцы, какие уникальные спецоперации были проведены нашими стратегическими разведчиками, и повествуется в книге.

- 
- [Михаил Болтунов](#)
    - [Предисловие](#)
    - [«Симпатичный журналист из ТАСС»](#)
      - 
      - [«Пушкинская» фамилия](#)
      - [Командир расчета «сорокопятки»](#)
      - [Сборы были не долги...](#)
      - [«Дядька» Нил Иванович](#)
    - [«Я волнуюсь, услышав французскую речь...»](#)
      - 
      - [Добыть «языка»](#)
      - [«Выражаю благодарность...»](#)
      - [«Вам партия приказывает...»](#)
      - [За одного битого двух не битых дают](#)

- [Должность высокая и ответственная](#)
  - [Вещий сон](#)
- [Начальник главного штаба](#)
  - 
  - [Скупые строки разведдонесений](#)
  - [«Вы летите в иностранную армию»](#)
  - [«Я молюсь за ваших солдат»](#)
  - [Навстречу своей судьбе](#)
  - [Зимние горы — суровые горы](#)
  - [Майор Джон Сегмер и капитан Джеймс Грин](#)
  - [Обеспечить крепкую оборону долины](#)
  - [«Даю адреса, пароли...»](#)
  - [«Обстановка... чрезвычайно напряженная»](#)
  - [Впереди была злата Прага](#)
  - [Военный атташе СССР](#)
- [Кавалерист и военный атташе](#)
- [Поединок с «Черными полковниками»](#)
  - 
  - [«Прошу доложить: завтра война!»](#)
  - [Встречи с Мессершмидтом](#)
  - [Где скрывается Гитлер?](#)
  - [«На русских смотрели исподлобья»](#)
  - [Работа с нелегалами](#)
  - [Резидент советской разведки](#)
- [Русский разведчик Иванов](#)
  - 
  - [«Учиться всегда готов!»](#)
  - [Помощник военного атташе](#)
  - [«На сборы вам неделя...»](#)
  - [«Специальный посланник»](#)
  - [На китайской земле](#)
- [Мы встретимся с тобой, Устаз\[1\]](#)
  - 
  - [«И швец, и жнец...»](#)
  - [Билет в Дамаск](#)
  - [На «умной службе»](#)
- [Швейцарский «бумеранг»](#)
  - 
  - [«Дорогой товарищ Сталин...»](#)

- [Как «утихомирить» дизель](#)
  - [Ни слова по-турецки](#)
  - [Жизнь «под крышей»](#)
  - [Грубая провокация](#)
  - [Довести дело до конца](#)
  - [Место службы — Вашингтон](#)
    - 
    - [«Курсант Наркомпресса»](#)
    - [Суровые морские уроки](#)
    - [Водитель «Линкольна»](#)
    - [Не ради американских красот](#)
  - [Хождение за три границы](#)
    - 
    - [Как обычный специалист Внешторга](#)
    - [Продажный пес](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

**Михаил Болтунов**  
**Стратегическая разведка ГРУ**

## Предисловие

Война ставит человека перед самым страшным выбором: или ты убьешь врага или враг тебя. Но чтобы опередить противника и победить, о нем надо знать многое. Это многое может дать только разведка. Именно поэтому каждый командир от мала до велика ведет разведку. И делает это, как предписывают боевые уставы, *непрерывно, активно, целеустремленно, своевременно, оперативно, скрытно и достоверно.*

Существует много видов разведки. В зависимости от целей, характера решаемых задач и масштабов деятельности, она делится на *тактическую и оперативную.* Тактическая, в свою очередь, на *войсковую, артиллерийскую, радиолокационную, радио- и радиотехническую, инженерную, радиационную, химическую и бактериологическую.*

Но есть особая разведка — *стратегическая.* Ведется она в интересах высших органов государственной власти и военного руководства. Добываемые ею сведения, материалы, документы используются для выработки внешнеполитического курса страны, планирования и осуществления мероприятий по национальной обороне и безопасности.

Стратегическая разведка выдвинута далеко впереди пограничных застав и действует, как правило, на территории противника и его союзников. Впрочем, работа стратегических разведчиков возможна и с нейтральных позиций.

Агенты стратегической разведки стараются проникнуть в самое сердце противника — в высшие государственные органы, в военные штабы, в оборонно-промышленные и научные центры, на базы и арсеналы ядерного оружия. Их задача — добыть секретную и совершенно секретную информацию. Ибо по ней будет определяться военно-экономическая мощь противника, уровень его научно-технического развития, военный потенциал, транспорт, связь, промышленность, финансы. Словом, спектр задач необычайно широк. И только стратегической разведке под силу решить их.

Именно о них, людях стратегической разведки, которые трудились над решением сложнейших государственных задач и идет речь в этой книге.

Герои повествования — офицеры-фронтовики, которые прошли Великую Отечественную, что называется, «на передке», полковыми и дивизионными разведчиками, противотанкистами, командирами пехотных взводов. После войны их, героев-орденоносцев, направили в академию, а

потом вновь на фронт, только теперь уже «холодной войны». Они были военными атташе, работали «под крышей» в Европе и на Востоке.

Вторая часть книги повествует о детях войны, мальчишках, которые мечтали о фронте, но пока обучались в спецшколах, военных училищах, война, к счастью, закончилась. Послужив в войсках, лучшие из них оказались в стратегической разведке. Работали в США, в Швейцарии, в Греции, на Ближнем Востоке.

На их счету — завербованные особо ценные агенты, добытые новейшие образцы оружия и военной техники, материалы под грифом «совершенно секретно». Как трудно и опасно добывались эти образцы, документы и материалы, какие уникальные спецоперации для этого были разработаны и проведены и рассказывается в книге.

## «Симпатичный журналист из ТАСС»

*Так называли Нила Ленского французские газетчики. В 1978 году в Париже состоялся громкий процесс: судили Жоржа Бофиса, героя Сопротивления, офицера Почетного легиона. Он получил восемь лет заключения за шпионаж в пользу Советского Союза. Как утверждалось на суде и в прессе, завербовал Бофиса Нил Ленский, советский военный разведчик, работавший под крышей телеграфного агентства.*

В нашей стране в те годы о Ниле Ленском, разумеется, никто не обмолвился ни словом. Открыл его для российского читателя известный французский журналист Тьерри Вольтон, чья книга «КГБ во Франции» была переведена на русский язык и издана в Москве в 2000 году. Он достаточно подробно расписал, сколь значимой фигурой был Жорж Бофис. О том же, кто его завербовал, упомянул лишь несколько раз, да и то весьма скупно.

Хорошо понимаю французского коллегу Вольтона, тут как в старой басне: «видит око, да зуб неймет». Понимаю еще и потому, что все эти годы сам по крупицам собирал сведения о полковнике Ниле Ивановиче Ленском. Не скажу, что полностью удовлетворен результатами своей работы. Многое осталось за семью замками, и, боюсь, к горькому сожалению, так и канет в Лету. С другой стороны, осознаю: Ленский, не цветочки-ягодки разводил, и потому все сказать о его работе невозможно, да и не нужно. А то, что удалось собрать, представляю на суд читателей.

## «Пушкинская» фамилия

Справедливости ради надо сказать, что о Ниле Ленском я узнал не из книги Вольтона, а несколько раньше. Его имя назвал мне Виктор Любимов, коллега Нила Ивановича, который тоже работал в Париже, потом здесь в Центре, в Москве.

В первый раз услышав это имя и фамилию, подумал, какое странное сочетание — древнее библейское имя и «пушкинская» фамилия. Как они сошлись в одном человеке? Впрочем, в следующую минуту сам улыбнулся над наивностью вопроса. Как, как? Просто папа Ленский назвал своего сына Нилом. Может, он был любителем греческой мифологии или кельтских языков, откуда, по мнению ученых, это оригинальное имя и вошло в наш современный обиход. Допустим, что это так. Но откуда у самого папы фамилия одного из любимых пушкинских героев?

Оказалось, история обретения фамилии весьма интересна и, я бы сказал, поучительна. А началась она с отца Нила — Ивана Андреевича Анисимова. Да, именно так. Ибо от рождения и сам Иван Андреевич носил эту фамилию, и родители его тоже были Анисимовы.

Мальчик Ваня рос в крепкой крестьянской семье, мать его была не только первой красавицей во всей округе — статной, черноволосой, но и весьма начитанной, образованной женщиной. В их семье любили чтение, стихи Тютчева, Фета, Кольцова, Никитина, но особенно боготворили Пушкина. В доме всегда был журнал для домашнего чтения «Нива».

Сызмальства стихи и сказки Пушкина полюбил и маленький Ваня. Был он сметливым и не по годам серьезным. В церковно-приходской школе по всем предметам успевал на «отлично», и уже в 12 лет его приняли в ученики волостного писаря Молотудского уезда.

Через два года, всего в 14 лет, ему доверили весьма ответственную работу — должность конторщика службы тяги железной дороги в городе Ржеве.

В 17 лет Иван Анисимов ушел в Красную Армию, а уже в 20 лет был комиссован по здоровью.

Женился он в 1923 году, и тогда же сменил фамилию, стал Ленским. Почему это случилось, можно только догадываться, так как тайну сию Иван Андреевич никому не раскрыл до самой смерти.

Его второй сын, Рафаил, оставил небольшие записки о своей семье, в том числе и об отце. Вот как он пытался объяснить перемену фамилии.

*«Папа изменил фамилию. Что подвигло его на это? Возможно, неприятие двумя крестьянскими родами их брака с мамой? Мои деды, оба Андреи, были двоюродными братьями. Так что, пойдя против моральных устоев крестьянской общины, родители навлекли на себя недовольство. Да и церковь браки троюродных родственников не приветствовала. Во всяком случае, ни мать, ни отец по этому поводу распространяться не любили...*

*Но тогда почему отец выбрал фамилию Ленский, а не Печорин или Иванов? Скорее всего, сыграл свою решающую роль культ Пушкина в семье моей бабушки Марии».*

Что ж, так или иначе, но старший сын, появившийся на свет в 1924 году, и нареченный Нилом, уже получил новую романтическую фамилию — Ленский.

## Командир расчета «сорокопятки»

Нилу было всего 17 лет, он окончил школу, и грянула война. Семья тверских крестьян Анисимовых-Ленских заплатила дорогую плату за победу. Ивана Андреевича на фронт не призвали по состоянию здоровья, а вот три его младших брата Анатолий, Владимир и Константин погибли в самом начале войны. Свои головы они сложили, считай, на пороге отчего дома, защищая родной Ржев. В последнем письме сыновья сообщали матери, что готовы сражаться с врагом, правда, у них нет оружия. Но ничего, успокаивали они самого родного на свете человека, оружие добудут в бою. Для этого готовят крепкие колья. Судя по всему, колья не помогли.

Еще одному брату Василию «повезло»: он прошел всю войну в пехоте, был ранен, стал капитаном и в 1945 году возвратился домой. Воевала также и младшая сестра Ивана Андреевича — Настя.

Что же касается непосредственно семьи Ленских, то первым на фронт ушел Нил. За ним — Рафаил, младшие Альберт и Владимир были слишком малы, чтобы держать оружие. В семейном архиве Нила Ивановича Ленского сохранились обрывочные записи, скорее всего, наброски будущей книги. Говорят, он мечтал ее написать, но не успел. Однако некоторые эпизоды выписаны довольно тщательно. Например, получение повестки из военкомата.

И пусть главный герой, от лица которого идет повествование, носит иное, выдуманное имя, нет сомнения: автор записок передает свои чувства и переживания.

*«Война подступилась к мальчишкам неожиданно. И невозможно было осознать не только размера накатившей беды, но и ее истинное содержание.*

*В первый день, после объявления об этом по радио, навязчиво лезли в голову слова из песни: «Если завтра война, будь сегодня к походу готов». Он достал из коробочки хранившиеся там значки ВЕТО и ПВХО, удостоверения к ним, пересмотрел и опять спрятал.*

*О дальнейшей учебе нечего было и мечтать. На пятый день войны мотоциклист привез и вручил под расписку повестку из горвоенкомата о призыве. Повестку ждали, но появление ее вызвало удивление: отпечатана она была на пишущей машинке, на тонкой папиросной бумаге, чересчур скромным текстом.*

*Он ждал чего-то большего, торжественно-значимого, слов о войне,*

ссылок на закон. Листок же просто оповещал, что в связи с призывом на действительную военную службу в Красную Армию ему надо прибыть туда-то. Но в то же время сугубо деловая простота изложения сразу же настраивала на серьезность ситуации, на отсутствие времени для долгих размышлений, на желание как можно быстрее занять место, отведенное тебе в создавшейся обстановке.

После отца повестка прошла через всех домочадцев, в том числе и младших братьев, которые не нашли в ней ничего интересного.

Увидев осунувшиеся лица родителей, растерянность старшего брата, они уцепились с обеих сторон за мать. Та обняла их, как бы защищая от беды, крепко прижала к себе и тихо заплакала. Не понимая состояния матери и готовые разреветься, ребята с испугом глядели то на нее, то на отца. К горлу подкатил горький комок...»

Так Нил ушел на фронт. Определили его в школу младших командиров-противотанкистов. Школа располагалась в Песочных лагерях, что в 30 километрах от Костромы.

Воспоминаний Ленского об этом периоде его жизни не сохранилось, но удалось найти другие свидетельства, что из себя в ту пору представляли Песочные лагеря.

«На фронте оказался не сразу, — вспоминал ветеран войны Н. Панков, — сначала попал в учебку, где готовили младших командиров. Она находилась под Костромой, в Песочных лагерях. Когда мы прибыли туда, увидели вокруг только лес. Нас встречал офицер, который сказал: «Весной птички прилетают вить себе гнездо, так и мы будем строить себе жилье».

Начались наши строительные будни. Нужно было построить землянки на 200 человек — целую роту. Одно бревно несли на себе 15 человек — так мы все были обессилены. Кормили плохо, два раза в день. Утром — вобла сушеная, два сухаря. Обед — тоже самое. Пили привозную воду из реки.

Освещения, отопления не было. Из травы и камыша сделали постели. Форму не выдали, ходили в гражданке. Правда, через три месяца стали получать усиленный паек, по 200 граммов белого хлеба, варили каши, супы. Привезли гимнастерки, шинели».

Нет сомнения, через все это прошел и Нил Ленский.

Летом 1943 года он оказался в действующей армии, в 53-й мотострелковой бригаде 29-го танкового корпуса. Под свое начало старший сержант Ленский получил оружейный расчет истребительно-противотанковой батареи.

Противотанкисты тогда имели особый статус. В связи с массовым применением фашистами танковых войск, советское командование уделяло большое внимание укреплению противотанковых частей. Младшие командиры и рядовые получали двойной оклад денежного содержания, весь начальствующий состав до командира дивизиона был взят на особый учет и использовался только в соответствующих частях. Сержанты и бойцы-противотанкисты после излечения в госпитале направлялись строго в истребительно-противотанковые подразделения.

Даже формой они отличались от других: имели специальный нарукавный знак — черный ромб с красной окантовкой со скрещенными оружейными стволами.

За каждый подбитый танк командиру орудия и наводчику выдавалась премия в 500 рублей, остальному оружейному расчету — по 200 рублей.

Все эти поощрения были назначены не зря. Противотанкисты всегда на переднем крае и деться им оттуда некуда. Более того, они — последняя надежда командования: кроме них немецкие танки остановить некому. Как правило, они воевали при численном превосходстве врага. Противотанковые пушки, те же знаменитые «сорокопятки», были эффективны только на весьма малой дальности, всего в несколько сотен метров. И тут уж, как говорят в народе, «либо грудь в крестах, либо голова в кустах». Третьего не дано. В кино и то страшно смотреть на эту крохотную пушечку, вступающую в дуэль с бронированным монстром. А что уж в жизни. Да и немецкие танкисты уделяли им самое пристальное внимание.

Нил Иванович оставил запись в несколько абзацев о своей встрече с пушкой-«сорокопяткой». Он рассказывает о ней, словно о живом человеке, боевом друге.

*«Добравшись до пушки, наскоро оглядел свое новое хозяйство. «Сорокопятка» стояла в тени невысокого клена. Первым делом, опустив карабин на землю, взялся за рукоятки маленьких зеленых дисков и уверенными движениями проверил их. Подъемно-поворотный механизм орудия действовал плавно, безотказно.*

*Старенький прицел был укреплен на нужном месте, снятый с него брезентовый чехол, пробитый в нескольких местах осколками, висел тут же на шнурке. Он опустился на колено и заглянул в окуляр прицела. Участок дороги вдруг приблизился к нему с такой четкостью, что ясно стало видно танковую колею и валявшийся на обочине телеграфный столб. Над землей тонкими струйками поднималось неровное марево горячего воздуха.*

*Оторвавшись от прицела, он посмотрел вверх, отметил про себя: крона дерева защищает от горячего полуденного солнца и, судя по всему, хорошо маскирует орудие. Вновь опустился к прицелу и еще раз внимательно оглядел участок опасной дороги. Открытый ящик со снарядами был рядом, под рукой. Бронебойные головки тускло светились матовым отливом. Он готов был встречать врага».*

Хорошо выписано, ничего не скажешь. Чувствуется, Нил Иванович знал свою боевую работу тонко и досконально. Да и как иначе? Почти полтора года не вылезал с переднего края старший сержант Ленский. Что поразительно, за эти полтора года жестоких боев не был ранен, даже царапины не получил, словно заговоренный.

В июле 1944 года наградили его первым боевым орденом. Командир моторизованного батальона автоматчиков гвардии капитан Соколов, в состав которого входила батарея, так писал о подвиге Нила Ивановича: *«Товарищ Ленский за период боевых действий на Кировоградском направлении в районах Корсунь — Шевченково и Писаревка, а также в последующих боях показал свою умелость командовать орудийным расчетом.*

*Проявил смелость и решительность в боях за ст. Заславль (03.07.1944 г.) своими выстрелами из орудия остановил поезд противника, пытавшегося удрать в тыл. Своевременно выкатил орудие на выгодный рубеж и первым же снарядом попал в паровоз. В этом же бою тов. Ленский взял в плен пятерых немцев из разбитого эшелона.*

*При отражении контратаки в районе м. Ракув первым открыл из орудия огонь, и контратака немцев была сорвана. Его расчетом за период боев с 24.06.1944 г. по 05.07.1944 г. уничтожено 12 автомашин и 32 немца».*

Командир 31-й танковой бригады 3-го Белорусского фронта подполковник Молчанов утвердил представление, и Нил Ленский получил орден Красной Звезды.

Командир батареи лейтенант Расщепов и взводный младший лейтенант Шляхов в свою очередь направили родителям Нила Ивановича письмо: *«Уважаемые Иван Андреевич и Степанида Андреевна, мы, бойцы и командиры части, в которой служит ваш сын, шлем вам искренний фронтовой привет.*

*Решили сообщить и одновременно поблагодарить вас за воспитание сына Нила. Ваш сын и наш боевой товарищ сражается вместе с нами. Он прошел суровый боевой путь через Украину, Бессарабию, Белоруссию и Литву. В боях с немецко-фашистскими захватчиками Нил показал чудеса*

*бесстрашия. Награжден орденом Красной Звезды».*

В это же время ему было присвоено воинское звание старшины.

Командир орудия Нил Ленский был известен в батальоне не только смелостью и умением управлять расчетом «сорокопятки» в бою, но и веселым, шутливым

характером, добрым нравом, умением ладить с людьми. Когда в батальоне освободилась должность комсорга, комбат предложил кандидатуру старшины Ленского.

Начальник политотдела бригады охотно согласился. Он и сам давно присматривался к этому веселому, не унывающему старшине. Так, осенью 1944 года противотанкист, командир расчета Ленский стал комсоргом родного батальона автоматчиков.

Воинскую профессию Нил Ленский сменил, а вот характер у старшины остался тот же — боевой, бесстрашный, порывистый. В тылу, в период подготовки к наступлению, комсорг всегда с людьми. Как напишет позже в наградном листе комбат капитан Быков, «проводил большую работу среди комсомольцев и с личным составом, разъясняя предстоящие задачи батальона в наступлении».

В бою комсорг был впереди. *«В боях за станцию Понки, показывая образцы мужества и отваги, — сказано в представлении на орден, — в числе первых в составе десанта ворвался на танках в расположение противника и огнем из автомата беспощадно уничтожил немцев. Только в этом бою он лично уничтожил семерых фашистов.*

*В боях за населенный пункт Косины — Коньични лично уничтожил 12 немцев и был ранен, однако с боевого поста не ушел до тех пор, пока не была выполнена задача батальона. Своим бесстрашным примером и храбростью воодушевлял весь личный состав.*

*Достоин награды ордена “Отечественной войны ”11 степени».*

В январе 1945 года удача изменила бесстрашному комсоргу. Был тяжело ранен, попал в госпиталь. Здесь его и догнала радостная весть: он стал офицером, младшим лейтенантом. А вскоре, через несколько месяцев, и войне пришел конец. Нил вернулся домой.

*«Весенним поздним вечером раздался звонок, — вспоминал Альберт Ленский. — Наш Рекс, огромная овчарка, начала вдруг скулить. Мы кинулись к дверям. На пороге стоял незнакомый офицер. Я не признал старшего брата, а Рекс неожиданно бросился его лизать, хотя прежде никогда его не видел, ведь папа взял щенка, когда Нил воевал на фронте.*

*Этот эпизод мне врезался в память потому, что Рекс был очень свирепым псом, никого из чужих к себе не подпускал, а Нила, поди ж ты,*

*учуял, признал».*

## Сборы были не долги...

После победы младшего лейтенанта Ленского оставили в армии, направили учиться в Военный институт иностранных языков. Здесь он не только получил отменное образование, освоил французский язык, но и обзавелся семьей — женился, а в 1948 году у него появился сын Евгений.

Вот как о тех годах вспоминает жена Нила Ленского, Маргарита Владимировна: *«Нина (сестра Маргариты) решила устроить меня в столовую официанткой (речь идет о столовой Военного института иностранных языков). Возражать было бесполезно, я согласилась.*

*Когда в первый раз с двумя огромными чайниками вошла в зал, у меня подкосились ноги, закружилась голова. За столами сидели молодые офицеры, их было так много.*

*Как я познакомилась с Нилом? Они с Лешей Волховским искали жилье, забрели к нам. Мы их угостили чаем, свою проблему они потом решили, но к нам продолжали приходить на чай.*

*Втроем ходили в библиотеку, в кино, в клуб «Серп и молот», когда там выступал Эдди Рознер. Алексей и Нил не могли понять, кому я отдаю предпочтение. Но однажды на концерт я пошла с Нилом. Своего туалета у меня не было, одевал весь этаж. Алексей все понял и больше не приходил.*

*Мне нравился заразительный смех Нила, немного смущал его рост. На его фоне я выглядела маленькой «золушкой».*

*С Нилом встречались, дружили, он за мной ухаживал. Строили планы на будущее, решили пожениться, как только он закончит институт».*

Так, собственно, и случилось. После окончания института Ленского направляют служить по специальности — инструктором по работе среди войск и населения противника в Северную группу войск.

Прослужил на этой должности инструктор Ленский два года. Судя по всему, соседи из Разведуправления внимательно присмотрелись к молодому офицеру. Завидная кандидатура — фронтовик, орденосец, прекрасно владеет французским языком. И ему предложили поступить в Военно-дипломатическую академию. Ленский успешно сдал экзамены и в 1952 году стал слушателем.

В 1956 году — выпуск и первая командировка во Францию. Официально Нил Ленский — корреспондент ТАСС в Париже.

*«Нил закончил академию, — вспоминает Маргарита Владимировна Ленская, — его направили в Париж. Была готова виза, назначен день*

*отъезда. Женя учился в третьем классе. Быстро собрались, сели в самолет, он взлетел, и мы сверху наблюдали, как исчезает Москва.*

*Прилетели в Париж. Нас встретили, поместили в какую-то гостиницу под названием «Монтевидео».*

*Вскоре предложили перебраться, но не в торгпредовский дом, а всего лишь в пристройку. В ней когда-то посольский врач принимал пациентов. Что поделаешь, тогда в посольстве с квартирами была напряженка.*

*В этой клетушке, совсем не приспособленной к жилью, было неудобно, но мы вполне довольствовались и этим. Я с Женей спала на матрасе, Нил — на раскладушке. Чтобы протянуть ноги он открывал дверь в коридорчик. Обед готовили на общей кухне.*

*Когда уезжали из Советского Союза, нас предупредили: с собой ничего не брать. Так и поступили. Однако скоро об этом пожалели. В магазинах все дорого, цены запредельные. Нилу к празднику понадобился смокинг, а с его габаритами он стоит вдвое дороже. Ничего, как-то выкручивались».*

*Нил Иванович спокойно относился к бытовым трудностям. В конце концов, со временем все уладилось, утряслось. Волновало, главное — работа.*

*Жорж Бофис был человеком во Франции весьма уважаемым и заслуженным.*

*Под псевдонимами полковник Дрюмон, Жозеф Марсо во время войны, постоянно рискуя жизнью, он обеспечивал связь между штабом Сопротивления и Великобританией.*

*В начале войны, будучи активистом компартии, он попал в плен к фашистам, бежал из застенков, возвратился в столицу. Вместе с Артуром Далиде создал «Специальную организацию», которая защищала партию и ее активистов.*

*После нападения фашистов на Советский Союз эта организация приняла участие в движении Сопротивления. В 1942 году она уступила место ставшей впоследствии крупнейшей военной организацией французского Сопротивления «Франтиреры и партизаны» (ФТП). Бофис вошел в руководство ФТП и занялся созданием радиосети для связи Сопротивления с Советским Союзом.*

*В 1942 году Жорж Бофис налаживал и обеспечивал связь с голлистскими секретными службами в Лондоне. После войны он продолжал службу во французской армии в штабе Первого военного округа.*

*«Бофис утверждал, — пишет Тьерри Вольтон в уже названной книге «КГБ во Франции», — что советские представители установили с ним*

контакт в 1963 году, когда он уже демобилизовался из армии. Его пригласили в посольство СССР на прием по случаю годовщины Октябрьской революции и там с ним познакомился симпатичный журналист из ТАСС Нил Ленский. Они стали встречаться: журналист задавал ему вопросы о политической жизни Франции, просил безобидную информацию об армии.

*«Мы встречались в «Кафе дю коммерс», беседовали об американском империализме и немецких реваншистах», — оправдывался он на суде. — Советский журналист просил все больше и больше информации. Бофиса это не насторожило».*

Французская контрразведка в ходе допросов добилась от Бофиса признания, что он передал советскому офицеру план обороны Западного округа. Это был весьма болезненный удар, ведь на территории округа расположены крупнейшие арсеналы Шербура и Бреста, порт Сен-Назера, на острове Лонг — база атомных подводных лодок. Стало также известно, что Жорж Бофис познакомил своих кураторов из ГРУ с биографиями старших армейских офицеров и политических деятелей страны.

Он так же сообщил, что тайно посещал Советский Союз, где получал соответствующие инструкции. Организовывал эту поездку Нил Ленский.

*«Мы с женой поехали в отпуск в Чехословакию, — передает рассказ Бофиса на суде Тьерри Вольтон. — В пражском аэропорту случайно встретили Нила Ленского. «Приглашаю вас на несколько дней к себе на дачу, — сказал он. На следующий день он передал нам документы».*

*«Любопытное совпадение», — иронизирует журналист. Действительно любопытное, тем более что в то время у Ленского не только дачи, но и квартиры-то своей в Москве не было. Правда, в ГРУ на этот случай имелись свои «дачи». Именно на такую «дачу» и пригласили Жоржа Бофиса.*

*«На то, что это не было простым времяпрепровождением, — считает Вольтон, — указывают две детали. Прежде всего, Бофис тщательно скрыл свой «отпуск» в СССР от близких, в том числе и от детей. Более того, виза на поездку в Москву, переданная ему Ленским в Праге была оформлена на отдельном листе, чтобы в паспорте не осталось никаких следов. Когда советские разведслужбы переправляют своих агентов на тайную стажировку, они всегда поступают именно так. Кроме того, обычно поездки осуществляются не напрямую, а через столицу какой-нибудь дружественной социалистической страны, в данном случае через Прагу.*

*Признания, а также аппаратура, найденная дома, убедили УОТ*

*(французская контрразведка): Бофис — важный агент ГРУ. «Тем не менее, как признал комиссар Нар в суде, «в данном деле к правде мы только приблизились. Она нам известна лишь на 25 процентов. Это не безответственная фраза».*

Что тут скажешь? Сдается, что комиссар Нар знал, о чем говорил. В сущности, это и есть истинная оценка деятельности военного разведчика Нила Ленского и его ценного агента Жоржа Бофиса.

Но это, как говорят, взгляд с той стороны. А с нашей? Генерал-лейтенант Юрий Бабаянц, президент Союза ветеранов военной разведки хорошо знал Ленского, работал вместе с ним в Париже. Вот что он сказал по этому поводу:

*«Нил Иванович — обаятельный человек, манера общения притягательная. За долгий срок службы в разведке я знал только двух таких людей. Один из них — Ленский.*

*Блестящий аналитик, хорошо писал. После отъезда Нила одного из его агентов передали на связь мне. Так вот, считалось, что этот агент работает на идейной основе. Но вся его идейная основа базировалась на огромной симпатии к Нилу.*

*Заслуга Ленского не только в том, что он завербовал Бофиса, и даже не в том, что Жорж передавал нам ценные материалы. Самое важное было другое — Нил сумел донести до Бофиса, насколько важно иметь агентурную сеть на случай войны, боевых действий и в военное время обеспечить ее жизнедеятельность. И это было сделано.*

*Все задачи по первой командировке Нил Иванович полностью решил. Его оставили в Центре. А в ту пору в Центр назначали только тех, кто эффективно отработал за рубежом».*

Коллега Ленского Виктор Любимов рассказывал мне, что когда он позже приехал из Франции, то его назначили старшим офицером 1 — го направления европейского управления ГРУ. Начальником у него был генерал Иван Чередеев, а сослуживцами Нил Ленский и Иван Прозоров.

Я до сих пор помню, как светились глаза Любимова, когда он вспоминал те годы. «Коллектив был, что надо!» — говорил Виктор Андреевич с восхищением.

Через несколько лет работы в центральном аппарате Ленского направили во вторую командировку. Вновь во Францию, в Париж, но теперь уже первым секретарем советского посольства.

Они уехали втроем, только на этот раз с младшим сыном Андреем. Старший Евгений остался в Москве, он уже был студентом.

В своих записках Маргарита Владимировна описывает это так:

*«Совершенно неожиданно для нас Нил сообщил, что его опять посылают в командировку. Я ухожу с работы. Навела для Жени в квартире порядок. Андрею купили учебники для поступления в первый класс. Сборы были недолгими.*

*В первой командировке у меня было много сил, я не болела, занималась общественной работой, меня хватало на все. На этот раз не повезло, заболела, положили в больницу, два месяца провела в постели. Нилу пришлось тяжело».*

Действительно тяжело. На руках сын-первоклассник, больная жена, «крышевая» должность первого секретаря в посольстве, а главное — работа разведчика. Нилу несмотря ни на что удалось поднять жену и наладить работу.

В 1972 году Нил Иванович возвратился из командировки на Родину.

## «Дядька» Нил Иванович

За спиной у полковника Ленского была война, учеба в Институте иностранных языков, в дипломатической академии, две зарубежные командировки. Опыта, и жизненного, и профессионального, достаточно. Да и силы, энергии еще хватало на двоих. Командование предложило поработать в родной академии. Нил Иванович согласился и вскоре был назначен старшим преподавателем первой кафедры.

Он вел специальную подготовку. А подготовка эта и есть основа всей деятельности офицера-разведчика. Как разобраться в контрразведывательной обстановке страны пребывания, каким образом подбирать объекты для изучения, где знакомиться с будущими агентами, как устанавливать первые контакты, разрабатывать кандидатов, проверять их, потом руководить ими, организовывать связь, поддерживать ее и еще многое, многое другое. Вплоть до провала. Что делать, если он случился, как действовать в подобной ситуации, как оборвать связи, вывести из-под удара агентов.

Всю эту «науку разведывать» и преподавал Нил Ленский. А вот каким он был педагогом, мы решили спросить у его учеников. Кто лучше них расскажет о своем учителе? Тем более что с тех пор, как Нил Иванович выступал в этой роли, прошло много лет и его воспитанники сами стали генералами и полковниками, работали за границей, руководили разведаппаратами.

Но прежде чем предоставить им слово, хочется сказать: все, кого учил Ленский, вспоминают о нем с удивительной теплотой и нежностью. Он принял французскую группу на втором курсе. Так вот, как сказал кто-то из этих ребят, «учебная группа у нас была, а вот коллектива не было».

Нил Иванович сумел сплотить ребят, организовать. Уже закончив академию, они работали за границей, но возвращаясь из командировок собирались группой и, конечно, всегда приглашали своего учителя. Словом, учил он их не по учебнику, а по душе.

Вспоминает полковник в отставке Юрий Соломонов:

*«Нила Ивановичами звали между собой уважительно «дядькой». Тем, который и учит, и любит, и болеет за нас. Конечно же, он давал нам какие-то теоретические тезисы из утвержденной лекции, а потом откладывал ее в сторону и говорил: «А в жизни бывает так...» И на все случаи у него были жизненные, практические примеры.*

Учил нас, что доверенное лицо или будущий агент — это человек, которого надо любить, уважать и помнить: он рискует гораздо больше, чем ты. Даже если в этой стране нет высшей меры, то предусмотрены длительные тюремные сроки за измену. «Поэтому думайте в первую очередь не о себе, а об агенте», — учил Ленский.

У Нила Ивановича было бережное отношение к нам. Он знал наши сильные и слабые стороны, умел понять, поддержать. Никогда не ругал, не отчитывал. Но если делал замечание в полушутку-полусерьезно было очень стыдно.

Помнится, на занятии я выбрал один из вариантов действий. Ну, прямо шикарный вариант, как мне казалось. А Нил Иванович раскритиковал. Очень болезненно я воспринял его критику. А он заметил мои переживания и говорит: «Вот что, Юрий, ты не думай, что жизнь разведчика состоит только из блестящих вариантов. Это кропотливая, нудная и неблагодарная работа. Но побеждает тот, кто терпеливее. Кто несмотря на неудачи идет вперед». До сих пор я эти слова помню.

Когда после окончания академии я приехал во Францию, недели две с мокрой спиной ходил. Вроде и в группе французского языка был в числе лучших, а тут слушаю, понимаю, а ответить, как немой, не могу. Вот тогда и вспомнились советы Нила Ивановича: «Не стесняйтесь, говорите с ошибками, но говорите...» И, знаете, помогло.

Сам Ленский владел французским языком прекрасно. Какую-нибудь коронную фразу выдаст и как лис хитро смотрит: пойдем — не пойдем. А потом начинает рассказывать, что у него с этой фразой было связано в оперативной работе».

Рассказывает полковник в отставке Владимир Кулемеков:

«У Нила Ивановича мы многому научились. Как, например, действовать в той или иной ситуации. Особенно он акцентировал внимание на первых шагах, когда ты молод, неопытен.

Моя служба проходила так, что я часто вспоминал его советы. На раннем этапе работы мне не повезло с руководителями, которые могли бы подсказать, как верно, правильно действовать, но не подсказали. А молодость, горячность приводила к поспешности, желанию как можно скорее достичь результата.

Нил Иванович не жалел своего времени, часто беседовал лично с каждым, учил уважать противника. Всегда говорил: надо понимать, что там тоже сидят люди, преданные своему делу.

По натуре он был очень коммуникабельным человеком и считал, что разведчик должен быть интересен своему собеседнику. При этом он

нередко ссылался на своих соратников, с которыми работал в Париже. В шутку говорил: «О, это такие лихие ребята! С ними можно было брать Елисейский дворец!»

Ленский всегда творчески подходил к занятиям, был большим выдумщиком, изобретал нестандартные ситуации. Как-то проходили у нас занятия по тайниковым операциям. Один из наших ребят выбрал в качестве тайника фонарный столб в парке. Внизу у него дверца, куда и предполагалось закладывать разведматериалы. Дело было зимой, однако наш товарищ выбрал именно этот тайник и описал его в задании.

Нил Иванович поручил другому слушателю поехать в парк и облить этот столб водой. Разумеется, вода замерзла. И вот «творец тайника» с замиранием сердца подходит к фонарю и... немая сцена. Что ж, прекрасный урок. При выборе тайника надо учитывать погодные условия.

Ленский всю жизнь незримо шел со мной. Я и сейчас его часто вспоминаю».

«Что сказать о Ниле Ивановиче Ленском? — продолжает так же один из учеников, который просил не называть его фамилии. — Он — русский мужик. С виду — рубаха парень. На самом деле очень глубокий человек. Капитально разбирался в людях. Когда к нам пришел, сказал: «Хочу, чтобы у нас был единый коллектив. Вы начинаете заниматься боевой работой и важно, чтобы у вас было чувство локтя».

Нил прекрасно знал французский, почерку него каллиграфический. Регулярно читал французскую прессу и каждому из нас на специальных плотных листах бумаги писал задание.

Человек удивительного обаяния, знал множество французских прибауток, поговорок. «Представь себе, ты сидишь с французом, — говорил он, — кушаете сыр. А вот она, поговорка про сыр, к месту, ко времени. И твоему собеседнику приятно, он приятно удивлен». Нил любил Францию.

Ленский был классным наставником. Тщательно изучал каждого из нас. Совершенно не конфликтный мужик, хохмач, любил и ценил шутку. Не злобный. Никого не обижал.

Нил Ленский — это удивительный человек, большой разведчик, аналитик, воспитатель».

Вот таким запомнили его ученики. И дай Бог каждому такую добрую, теплую память.

Р. С. Этот очерк о Ниле Ивановиче Ленском не состоялся бы, если бы не помощь его сослуживцев, учеников, и особенно сына — Евгения Ленского. Он кропотливо и упорно собирал все, что связано с отцом:

архивные документы, материалы, воспоминания. Казалось бы, что ж тут особенного, так и должно быть, ведь это память об отце. Однако с сожалением должен признать: более четверти века пишу о разведчиках и опыт встреч с их детьми имею не малый. Не хочу никого обидеть, но опыт этот зачастую горек и негативен. За редким исключением сыновей и дочерей разведчиков мало интересуют дела и подвиги своих отцов. Разумеется, речь не идет о тонкостях разведывательной работы.

Недавно один из сыновей нашего крупного военного разведчика выслушав мои слова, с едва сдерживаемым раздражением бросил: «Да кому это нужно сегодня!»

А действительно, нужно ли нам это сегодня? Думаю, очень нужно. И нам, и нашим детям, и нашим внукам. Конечно, если мы не хотим превратиться в страну манкуртов, в страну тех самых «Иванов, не помнящих родства».

Поэтому я искренне благодарен Евгению Ниловичу Ленскому за добрую память об отце-фронтовике, за неоценимую помощь в работе по созданию этого очерка.

## «Я волнуюсь, услышав французскую речь...»

Полк с тяжелыми боями отступал уже третий месяц. Разбитый под Бельцами, но сохранивший боевое знамя, он пополнялся уже несколько раз, однако через неделю-другую от него мало что оставалось. Командир полка хотел знать, что за враг противостоит ему. И разведчики каждую ночь ползали за линию фронта, чтобы достать «языка».

Порой им улыбалась удача, и они притаскивали с переднего края испуганного до полусмерти помятого фрица. Однако он мало что знал, а платить приходилось за него, ох, как дорого — жизнями его ребят-разведчиков.

А сегодня случилось несчастье. И комвзвода разведки Владимир Стрельбицкий пытается объяснить, как это произошло. Но, судя по реакции командира полка, его сбивчивый рассказ не убеждал майора.

Когда он закончил доклад, в землянке повисла тишина. Долгая. Мучительная. Молчал взводный. Как скала, уперев взглядом в стол, сидел комполка.

— Это все, лейтенант? — глухим, каким-то загробным голосом спросил комполка.

— Так точно, товарищ майор.

— Тогда иди...

Лейтенант растерялся, не веря своему счастью. После всего случившегося его отпускали с миром? Он слегка замешкался, но потом четко, как учили в училище, развернулся, и шагнул на выход.

У дверей его, словно пуля в затылок, догнала вторая часть недосказанной командирской фразы:

— ... Готовься к трибуналу.

Владимиру показалось, он ослышался. Остановился, словно споткнулся, оглянулся, не веря ушам своим.

Комполка уже стоял за столом во весь рост.

— Тебе повторить? — зло бросил он вдогонку.

Повторять было ни к чему. Лейтенант дернул дверь и вырвался на улицу. Хотелось бежать подальше от этой землянки, да ноги не несли, хоть убейся.

Едва доковылял до расположения своего взвода, опустился на землю у

сгоревшей старой березы.

Стрельбицкий чувствовал, нутром чуял — командир сказал такое не ради красного словца. За эти месяцы боев он нагляделся всякого. На войне командиры быстры на расправу, долго не разбираются, к стенке — и готов.

Обида заполняла сердце. Ведь вроде и не за что его под трибунал. С первого дня войны от немца не бегал, воевал честно и даже, как говорили ему в политотделе дивизии, вручая карточку кандидата ВКП(б), храбро и умело. Эти слова он не сам себе приписал.

«А-а, — с горечью подумал Владимир, — слова к делу не пришьешь». Да, но перед тем как его приняли в партию, был бой, и если бы не та бутылка с горючей смесью.

Лейтенант вспомнил немецкие танки, выкатившиеся на опушку леса, и их взвод, в оцепенении замерший в окопах. Он тогда, как загнанный волк, почуял настроение стаи. «Надо что-то сказать им, крикнуть, — подумал Стрельбицкий, — иначе побегут».

Да и как не побежать, ни тебе артиллерии против танков, ни ружей противотанковых, по две бутылки «коктейля Молотова» в руках и все.

— Не дрейфь, ребята, — заорал он что было сил. — Приготовиться к атаке! И сам выполз на бруствер окопа.

Направо-налево не смотрел- боялся, что никто не встанет за ним. Глядел на танк. Полз, бежал, упал. Метнул, что было сил, одну бутылку, вторую. И тут же услышал крик своих ребят: «Ура! Горит!» Увидел, как вспыхнуло, заиграло пламя на броне.

Танк словно уткнулся в невидимую преграду, остановился, медленно развернулся и стал уходить. За ним следом второй, третий.

К лейтенанту сбежались солдаты его взвода, поздравляли, радовались, хлопали по плечу. А через неделю на партийном собрании его приняли кандидатом в партию, и, вручая карточку, те самые слова, про храбрость и героизм сказал комиссар дивизии.

Но это было вчера. А сегодня ночью со своими орлами-разведчиками он совершил такое, чем, выходит, заслужил трибунал.

«Черт, — выругался Стрельбицкий, — знал бы, застрелил бы этого фрица собственной рукой. А то мучились, тащили собаку всю ночь по болоту...»

— Ты чего, командир, сам с собой разговариваешь? — услышал Владимир голос своего лучшего разведчика Копылова. Тот подошел, присел рядом.

— Да заговоришь тут. Завоешь волком. — махнул рукой с досады Стрельбицкий.

— Что, круто забрал комполка?

— А круче не бывает. Обещал под трибунал отдать.

— Это он для красного словца, товарищ лейтенант, — успокоил разведчик.

— Эх, Копылов, Копылов, хотелось бы верить.

Они замолчали. Копылов был правой рукой лейтенанта. Это он бесшумно подобрался и оглушил немца прикладом автомата в сегодняшнем ночном рейде. А когда тот по дороге пришел в себя и стал сопротивляться, «притушил» его еще разок. Правда, потом тащить гада пришлось через болото на себе. Но что поделаешь, работа у них такая.

— Знаешь, командир, — сказал Копылов, — история, конечно, не приятная. Лопухнулись мы. Но ведь не преступление это. Разберутся. Ну, посуди сам, в чем мы виноваты?

— Судить, друг мой Копылов, буду не я. Нас ведь в другом подозревают, понимаешь, — бросил Стрельбицкий. — И самое тяжкое — не верят ни хрена.

— А я думаю что, комполка с его трибуналом — полбеда, особистов боюсь. Вот беда. Злые ребята, в каждом изменника видят.

— Так на то они и особисты, — развел руками лейтенант. Копылов в ответ на это промолчал.

Владимир и сам знал: от особистов доброго не жди. Приходилось с ними сталкиваться.

Как-то в одном из боев удалось подбить два немецких танка. Фашисты бежали, бросив машины, и он сумел под огнем забраться внутрь танка. Товарищи по взводу залегли поблизости. Каково же было их удивление, когда из люка танка показалась головка сыра, потом вторая.

Запасливые немцы сыр возили с собой. Он оказался хорошей добавкой к питанию взвода. Ведь кормили тогда скудно, в лучшем случае кашей-перловкой, а тут такое богатство.

Нашел лейтенант в боевом отделении и десяток наручных часов. Раздал сослуживцам, взял себе. Однако уже на следующий день о часах прознали в особом отделе. Ну и предстал лейтенант пред ясными очами «особняков». Сначала расспрашивали, что да как, а потом едва судилище не устроили, мол, мародерство, грабеж. На что Стрельбицкий резонно ответил: во-первых, с мертвых часы не снимал, достались они в качестве трофея, во-вторых, не прикарманил, не зажал их, раздал разведчикам, и себе взял всего одни.

Однако особисты не унимались, требовали вернуть. Только не понятно, вернуть им, в особый отдел, или в немецкий танк назад отнести.

Сгоряча он сдернул часы с руки и запустил в дальний угол комнаты, где его допрашивали. Такой поступок явно не понравился представителям особого отдела, но, как говорят, тогда обошлось.

А теперь? Теперь все оказалось намного сложнее. Прав был Копылов. На следующий день в полк по душу комвзвода разведки Стрельбицкого прибыл майор-особист из штаба дивизии. И вскоре Владимир уже стоял перед ним, как Сивка-Бурка из старой сказки.

— Рассказывай, лейтенант... — Майор, не торопясь, закурил папиросу, затянулся всласть. — Только я тебе не комполка. Лапшу вешать не надо. Быстро расколю.

— А что тут колоть, товарищ майор, я и сам расскажу. Каждую ночь мы ходим в поиск. И каждую ночь нужен «язык». Только где ж его взять? Три дня назад в ходе наблюдения за передним краем противника обнаружили, что по нашим войскам с той стороны ведет огонь немецкая артиллерийская батарея. Определили, что находится она километрах в трех от нас.

Ночью 13 разведчиков во главе со мной вышли через лес к батарее. Залегли у фашистских землянок, стали изучать обстановку. Надо сказать, что мы еще не успели обнаружить орудия, как из ближайшей к нам землянки вышел немец. Хотел малую нужду справить.

Разведчик Копылов оглушил его и мы поволокли фашиста в лес. В пути разглядели, что нам попался не солдат, а лейтенант. Но придя в себя, он стал кричать, сопротивляться. Пришлось «успокоить» крикуна, чтоб не шумел, уложить на плащ-накидку и тащить. Немец здоровый, волокли его по болоту — вода, грязь. На пленного особо внимания не обращали. А у него в кармане оказался браунинг. Вот он из этого браунинга и застрелился. Когда как, ну, не слышали мы выстрела.

— Стало быть, лейтенант, в расположение полка вы притащили труп. Стрельбицкий пожал плечами.

— А ты сам веришь в этот бред, взводный? — майор поднялся из-за стола. — Я желаю знать, где вы нашли труп и как пытались выдать его за «языка»?

Особист подошел вплотную, схватил за грудки Владимира.

— Да ты знаешь, что я с тобой сделаю. Надоело в разведку ходить, ночь, грязь, болота мешают? Дураков из нас делаешь? Последний раз спрашиваю: где труп взяли?

— Какой труп, товарищ майор? — не выдержал взводный, — На хрен он нужен, чтоб его по болоту на своем горбу всю ночь таскать под немецким обстрелом? Я что, сумасшедший...

— Нет, ты не сумасшедший, Стрельбицкий. Ты — враг. Скрытый враг советской власти. Когда другие жизни кладут за Родину, ты со своими бойцами командование обманываешь. Вместо разведанных трупы подсовываешь. Да тебя расстрелять мало.

— Да как же так, товарищ майор, какой же я враг? — прошептал лейтенант.

— А это мы сейчас посмотрим, разберемся, — «особняк» вернулся за стол, раскрыл планшет, вытащил папку. — А скажи мне, лейтенант, где ныне твой отец?

— Отец? — переспросил Стрельбицкий. — Он умер в 1932 году.

— Ну, допустим. А братья?

— Братья воюют.

— Где встретил войну?

— В Одессе, на курсах политруков.

— В разведку как попал?

— Добровольно попал. Приехал в наш автозвод комиссар полка и говорит: «Вот что, Стрельбицкий, в разведке у нас беда, всех перебили. Пойдешь? Только добровольно». Пойду, ответил.

— Ну и что?

— А ничего, товарищ майор. Неделю походим в ночные рейды — из 20 человек во взводе половины не остается. Наберу новых — и опять в рейд. Вот такой я, враг народа, удумал трупы таскать. Свой лоб и своих ребят под пули подставлять. За труп, конечно.

Майор посмотрел на лейтенанта и захлопнул папку.

— Знаешь, Стрельбицкий, одного в толк не возьму: как он мог застрелиться у вас на глазах? И никто ничего не слышал. Как это объяснить?.

— Не знаю, как объяснить. Если б все на войне объяснить можно было, то немец не дошел бы до Александровки, — тихо произнес взводный.

Особист откинулся на стуле и долго смотрел на взводного. Потом расстегнул кобуру, вытащил из нее пистолет, положил перед собой на стол.

— Видишь? — спросил он.

— Вижу.

— Еще раз повторится, — майор вскинул ладонь, — вот этой собственной рукой пристрелю, как собаку. Не забудь.

Стрельбицкий посмотрел на майора, на его растопыренные коротенькие, пухлые пальцы, на пистолет на плохо обструганном столе:

— Не забуду.

## Добыть «языка»

В избе, где вповалку спали разведчики, распахнулась дверь. В ту же секунду лейтенант Стрельбицкий открыл глаза и нащупал цевье автомата.

На пороге стоял часовой.

— Командир, ребята, немцы!

С окраины села уже слышались выстрелы, крики солдат. Разведчики быстро выбежали из избы. Часовой, наклонившись к Стрельбицкому, доложил:

— На левом фланге прорвались, товарищ лейтенант.

— Вижу, что прервались. А где третья рота?

— Драпает третья рота.

Теперь взводный уже и сам видел, что драпает. По селу, прямо по дороге, бежали десятка два солдат. Они даже не отстреливались. Иногда оглядывались, далеко ли немцы, и вновь бросались наутек. Разведчики сосредотачивались за домами деревни, вели огонь в сторону фашистов.

Стрельбицкий беспомощно смотрел, как мимо них пробежали бойцы третьей роты, и уже с окраины села показалась цепь немецких солдат. На снегу их мышинного цвета шинели были видны издалика.

Лейтенант подал знак своим — отходим.

У сельского дома, где располагался штаб, он увидел, как из окна вылезает командир полка. Взводного не ко времени инек месту разобрал смех: таким он своего строгого командира еще не видел. И тут Владимир вспомнил: у штаба полка всегда стояла зенитная установка. Четыре пулемета вместе, в едином кулаке. Почему они молчат?

Он бросился вокруг дома и увидел установку без зенитчиков. «И эти сбежали, — в сердцах подумал Стрельбицкий, заскочив в кресло наводчика. Перевел пулеметы из зенитского положения в горизонтальное, и только тогда, совсем рядом, за деревьями, разглядел фигуры фашистов.

... Зенитная установка — это лавина огня. В бескрайнем небе попробуй, поймай самолет, а на земле — мощное оружие. Мышинные шинели сначала бросились на землю, укрываясь за деревьями и камнями, а потом поползли обратно.

Лейтенант поливал огнем фашистов, сколько было сил. А когда кончились боеприпасы, посиневшие от напряжения пальцы разжать не смог. Уже с криком «Ура!» пробежала в обратную сторону третья рота, а он все сидел на месте зенитчика, не чуя ни рук, ни ног.

Вокруг сгрудились его разведчики, подошел командир полка.

— Ну что, Стрельбицкий, молодец! — бодро сказал майор, оправившись от волнения.

Владимир лишь грустно усмехнулся, вспомнив задницу комполка в окне дома.

— Все свободны, — скомандовал комполка, — а взводный ваш останется со мной. Майор отвел лейтенанта в сторонку.

— Давай к делу, Стрельбицкий. Я тебя уже собирался вызывать. А ты сам тут как тут. В ближайшие две ночи во что бы то ни стало надо добыть «языка».

Комполка посмотрел на взводного, словно пытаясь понять, достаточно ли сильное впечатление произвели его слова.

— Есть, товарищ. — взял под козырек взводный. Договорить он не успел. Майор положил свою руку на ладонь лейтенанта и опустил ее вниз.

— Не надо, Володя, — неожиданно он назвал его по имени, — ты понял главное: во что бы то ни стало. Командир вытащил из планшета, карту, расстелил ее на земле, опустился на одно колено.

— Смотри, сегодня вечером при поддержке артиллерии ты со своими разведчиками проникнешь в тыл немцев. Выйдешь на окраину села Рай-Александровка. Укроетесь в разрушенных колхозных конюшнях. По нашим предварительным данным, на другом конце села — немцы. Это все, что я могу сказать. Остальное за тобой.

Когда стемнело, разведчики лейтенанта Стрельбицкого сделали все, как приказывал командир полка. Под прикрытием отвлекающего артогня пробрались в немецкий тыл, в то самое село, в разрушенные конюшни. Действительно в ходе наблюдения установили, что на противоположной окраине села немцы.

Под утро разведчик Копылов снял часового, четверо во главе со Стрельбицким вошли в дом. Немцы спали на полу, комната освещалась тусклой лампочкой, которая работала от аккумулятора. Автоматы стояли в углу, вдоль стенки.

В первую минуту приглядевшись и увидев в полутьме такое количество немцев, взводный растерялся. Им нужен всего один «язык», а тут по меньшей мере десяток фрицев. Всех надо пленить здесь, в тылу, где вокруг вражеские солдаты, а потом с эдакой оравой еще добраться до своих. Задача казалась невыполнимой.

Но, как говорят в народе, глаза боятся, а руки делают. Стрельбицкий пнул ближайшего спящего фрица. Тот вскочил и что-то закричал по-немецки.

Сонные вражеские солдаты сбились в кучу под дулами автоматов советских разведчиков.

Лейтенант как мог спокойнее сказал: «Ребята, будем выводить всех».

Немцам приказали снять ремни, взять штаны в руки и выходить из дома. В это время, скрываясь за спинами своих, один из фашистов схватил попавший под руку котелок и запустил им в лампочку. Однако промахнулся и попал в разведчика. Тот выстрелил, наповал уложив немца.

Все остальные замерли, потом, подхватив штаны, стали быстро покидать избу. На улицу выбежали восемь человек.

Стрельбицкий приказал их уводить, а сам с тремя разведчиками остался прикрывать отход. Как всегда, рядом с ним был его первый помощник Копылов.

Не успела основная группа отойти, как из окна дома прилетела граната. Ее бросил скрывшийся в комнате и незамеченный разведчиками немец. Упал сраженный осколком Копылов, легко ранены двое солдат, Стрельбицкий получил ранение в руку, в живот и в лицо.

Немца уничтожили. Однако ничего этого уже не слышал лейтенант. Он потерял сознание и очнулся лишь в полевом госпитале.

Разведчики не бросили своего командира, на плащ-палатке дотащили до переднего края. А вот тело геройски погибшего Копылова так и осталось на вражеской территории. Вынести его не было сил.

Восемь фашистских «языков» доставили в штаб. Так что задачу, которую ставил комполка, взвод Стрельбицкого перевыполнил с лихвой.

Сам же лейтенант в это время находился в медсанбате. У него поднялась высокая температура. Вскоре стало ясно, что ранения Стрельбицкого очень серьезны, и его доставили в госпиталь в городе Клухори, что на Северном Кавказе.

Там Владимир лечился полгода. На поправку он шел медленно, плохо заживала рука. О возвращении на фронт не могло идти и речи.

В октябре 1942 года лейтенант Стрельбицкий выписался из госпиталя и отправился к новому месту службы — в город Куйбышев, в Первое пехотное училище. Командование вспомнило о том, что перед войной он окончил курсы политруков, и назначило боевого разведчика помощником начальника политотдела по комсомольской работе.

## «Выражаю благодарность...»

Старший лейтенант Стрельбицкий приоткрыл дверь кабинета начальника политотдела училища.

— Разрешите, товарищ полковник.

Начпо широко улыбнулся, поднялся из-за стола и раскинул руки, словно хотел обнять старшего лейтенанта.

— Заходи, заходи, Владимир Васильевич!

«Что это с ним? — подумал с тревогой Стрельбицкий и остался стоять там, где стоял. Он в училище почти год, но таким начальника политотдела видит впервые. Опять же, это странное обращение по имени-отчеству. Видать, не к добру.

— Ты что там застыл? Заходи, коль зовут. Стрельбицкий сделал шаг в кабинет, доложил, как положено по уставу: прибыл по вашему приказанию.

— Садись, раз прибыл, — начпо кивнул на стул у приставного столика. Сам опустился напротив.

— Знаешь, Володя, праздник у нас сегодня в училище.

— Какой праздник? — удивился старший лейтенант.

— Сдается мне, что в первую очередь твой праздник... Полковник протянул руку и в стопке бумаг нащупал листочек, похожий на телеграмму.

— Вот, слушай, — начпо поднес телеграмму поближе к лицу, — Первое пехотное училище. Город Куйбышев. Но кому, кому!

Он вскинул вверх указательный палец.

— Старшему лейтенанту Стрельбицкому В. В. Выражаю благодарность за помощь Красной Армии. И подпись, заметь, — И. В. Сталин.

— Ста-лин?. - недоверчиво спросил Стрельбицкий. Начпо развернул к нему бланк телеграммы.

— На, насладись сам.

Владимир читал, перечитывал телеграмму и не верил своим глазам. Он даже поначалу от волнения никак не мог вспомнить, за что его благодарит сам Верховный Главнокомандующий. Может, за тех «языков» на фронте? Так ведь столько времени уже прошло.

И тут вдруг обожгло: «За подводную лодку!» «Ну как же он мог забыть. Конечно, за подводную лодку. Стрельбицкий, как помощник по комсомолу, организовал преподавателей и курсантов на сбор денежных средств на постройку подводной лодки «Комсомолец ПриВО», что

означало «Комсомолец Приволжского военного округа». Куйбышевское училище входило в состав округа. Удалось собрать немало — 5 миллионов! Он сам внес 10 тысяч рублей.

Начальник политотдела с удовольствием смотрел на взволнованного старшего лейтенанта.

— Что, Стрельбицкий, душа в пятки ушла? Не каждый день Верховный благодарит!..

Владимир только улыбался и ласково разглаживал на столе телеграмму.

Когда улеглось первое волнение, полковник хитро прищурился:

— А скажи, мой дорогой помощник, все хотел спросить, да не досуг было. Ты сам-то как эту сумму собрал? 10 тысяч — деньги немалые.

— Да это премия. — отмахнулся Владимир.

— Ничего себе, премия. У вас что, в разведке за каждого «языка» по тысяче дают? Не слышал я такого.

— Да уж, за «языка», дадут. Меня как-то особист премировал. Обещал расстрелять собственной щедрой рукой. И расстрелял бы в следующий раз. Только не повезло ему, ранило меня сильно. Потом, сами знаете, к вам попал. А тут, вроде, расстреливать не за что. Даже вот товарищ Сталин благодарность прислал.

Владимир умолк, вспоминая злобную физиономию особиста и его вскинутую в гнев короткопалую руку. Встряхнул головой, стараясь отогнать дурные воспоминания: «Приснится же такое, как шутят фронтовики». Он глянул на сидящего напротив начпо и осознал: полковник ничего не понял и ему, естественно, хочется узнать, где взял его помощник 10 тысяч рублей, и что же это за премия такая. Н-да, полковник был неплохим мужиком, но уж страсть как любопытным.

— Под Бельцами немцы разгромили наш артполк, и я служил в отдельной автороте дивизии. Дивизия отступала.

Стрельбицкий стал рассказывать, вспоминать, и словно в замедленном кино поплыли, потекли отрывки из его недавнего прошлого.

Основные силы дивизии уже переправились на левую сторону Днепра, а он отстал и теперь со своей ротой догонял штабную колонну. Немцы только что бомбили город. Днепропетровск горел.

Машина, на которой он ехал, мчалась по улице к переправе. Слева у дороги Стрельбицкий увидел здание госбанка и женщину, одну на пустой улице. Она испуганно смотрела то в небо, видимо опасаясь нового налета фашистских самолетов, то вдоль улицы, ожидая откуда-то помощи. У ее ног лежал банковский брезентовый мешок, в котором обычно инкассаторы

переносят деньги.

— Тормозни, — скомандовал лейтенант водителю. Машина остановилась, Владимир выпрыгнул из кабины.

Обрадованная женщина замахала рукой.

— Товарищ военный! Товарищ военный!

— Что случилось?

— Здесь деньги нашего банка. Много денег, — сказала она, указывая на мешок, — он опечатан, опись внутри. Возьмите.

— Да куда ж я с ним?! — растерялся Стрельбицкий.

— Передадите командованию или в другой банк по дороге. Жалко. К немцам попадут.

— Ладно, — он схватил мешок и забросил в кузов, — передам.

Владимир вскочил в кабину, водитель дал «по газам» и машина покатила по пустынной, дымной улице. Он оглянулся. Женщина неподвижно стояла на том же месте. Стало горько, обидно. В ушах — умоляющий шепот женщины:

«Жалко, деньги к немцам попадут».

Через час она сама попадет к немцам. Стрельбицкий трясся в кабине, и злость яростной волной подкатывала к горлу: «Все бежим, бежим, бежим». Не заметили, как выскочили к переправе. Водитель надавил на тормоза. Машина дернулась и заглохла.

— Что? — не понял Стрельбицкий.

Водитель кивнул на ветровое стекло. За стеклом — Днепр и мост, охваченный пламенем.

— Я приказывал тебе тормозить? — Владимир чувствовал, как гулко стучит в его груди сердце, — Вперед! Только вперед!

Машина рванулась с места и понеслась с горы к мосту. Как они перескочили это пекло, одному Богу известно. На другой стороне Днепра лейтенант разыскал штаб дивизии, финчасть, и сдал мешок с деньгами, словно гору с плеч сдвинул.

Вполне довольный собой он вышел на штабное крыльцо, однако, не успел толком оглядеться, как услышал команду:

— Товарищ лейтенант, ко мне!

Поначалу подумал, обращаются не к нему. Однако вокруг не было больше лейтенантов, а начальник штаба дивизии красноречиво смотрел в его сторону. Он спустился с крыльца. Начштаба махнул рукой:

— В строй, лейтенант!

Так Стрельбицкий оказался в общем строю офицеров дивизии. Рядом стоял капитан с пехотными эмблемами, с другой стороны — майор-

интендант. Все удивленно оглядывались друг на друга. Никто не мог понять, зачем их строят, равняют.

Прозвучала команда: «Сми-и-рно!» Начштаба дивизии ударил строевым, и только сейчас Владимир разглядел на крыльце штаба, где только что стоял он, взял под козырек какой-то генерал. Да не просто генерал, а целый генерал армии!

— Генерал Тюленев, — прошептал рядом майор-интендант. Начштаба доложил, что офицеры дивизии построены и к бою готовы. В строю, услышав такое, вдруг зашептались: «К какому бою? Что за бой?» Тюленев поднял руку.

— Товарищи офицеры! Вы знаете о приказе товарища Сталина: «Ни одного немца на левом берегу Днепра». Но фашисты уже захватили авиазавод и создали плацдарм здесь, у нас под боком. Наша задача сбросить их в Днепр. Для этого я прибыл в дивизию и сейчас поведу вас в бой.

Прозвучала команда: «Направо. Шагом марш!» И офицерская колонна во главе с генералом Тюленевым двинулась к реке.

Стрельбицкий огляделся. Их было от силы полсотни человек. Все происходящее казалось кошмарным сном. Ни тебе подготовки, ни постановки задач, ни артиллерийской поддержки. Но, наверное, генералу армии виднее.

Перед передним краем, где располагались немцы, они увидели вспаханное поле. Заметив группу военных, фашисты открыли минометный огонь. Мины ложились все ближе. Несколько офицеров упали, раненые осколками.

Мина разорвалась рядом с Тюленевым. Он был ранен. Командир дивизии приказал эвакуировать генерала.

Стрельбицкий вместе с другими офицерами, положив Тюленева на плащ-накидку, потащили его по пахоте к лесу. Там за лесополосой их ждала лошадь, запряженная в телегу. Погрузили генерала на телегу. Он пообещал своих спасителей наградить, но в следующую минуту потерял сознание. Телега уехала.

Никого, разумеется, не наградили. Хотя, впрочем, через несколько дней лейтенанта Стрельбицкого вызвали в штаб дивизии и вручили премию 10 тысяч рублей за спасение государственных денег.

— А поскольку потом пошли бои, ночные поиски, «языки», негде мне было тратить эти тысячи. Вот я их сохранил и вложил в подводную лодку, — закончил свой рассказ помощник по комсомолу.

— Ты смотри-ка, а я ничего этого не знал, — сокрушенно развел

руками полковник. Он взглянул на настенные часы, — Пора.

Начальник политотдела училища и его помощник по комсомолу вышли из штаба и, обогнув учебный корпус, оказались на плане. Курсанты поротно выстроились перед трибуной. Начпо открыл митинг и сказал:

— Товарищи офицеры и курсанты! В наше училище пришла телеграмма от Верховного Главнокомандующего товарища Сталина!..

Курсанты захлопали в ладоши и закричали: «Ура!»

## «Вам партия приказывает...»

— Не понял, Стрельбицкий? — полковник удивленно глянул из-под очков. — Вы не хотите в разведку?

— Не хочу. Я уже служил в разведке.

Полковник хмыкнул и принялся перечитывать рапорт Стрельбицкого, который лежал перед ним на столе.

— Вот чудак. Это же Москва, военно-дипломатическая академия. Да и разведка не полковая, а стратегическая. За границей работать будешь.

Нет, Владимир Васильевич в разведку не желал. На всю оставшуюся жизнь ему хватило ночных вылазок в тыл врага, яростных схваток лицом к лицу, когда даже в темноте видишь налитые кровью глаза фашиста, убитых боевых товарищей. Умом он, конечно, понимал: его зовут совсем в другую разведку, но перебороть себя не мог. Да к тому же здесь, в училище, ему нравилось. Он любил преподавательскую работу, свой предмет, курсантов. А от добра, как говорится, добра не ищут.

— К тому же, скажу откровенно: вы нам подходите, — прервал его раздумья полковник. — Боевой офицер, разведчик. Есть опыт комсомольской работы, высшее образование.

Он полистал личное дело Стрельбицкого.

— Вот смотрите, после ранения, с 1942 года, вы — помощник по комсомолу начальника политотдела Куйбышевского военного пехотного училища. Так? Так. Просились неоднократно на фронт, писали рапорта. А на фронте ведь могли попасть и в разведку?

Полковник вопросительно посмотрел на него.

— Так, то на фронте.

Действительно, он писал рапорта. Надоело в тылу отсиживаться. И его в октябре 1944 отправили на курсы заместителей командиров по политчасти при Военно-политической академии с последующей отправкой в действующую армию.

Однако пока он учился, война закончилась. День Победы Владимир встретил в Москве.

Потом была учеба в военно-педагогическом училище им. М. Калинина, и теперь вот уже третий год он преподает в Военном горно-артиллерийском училище в Тбилиси. Сюда и приехали неделю назад офицеры из Генштаба, а точнее из Главного разведывательного управления, чтобы подобрать кандидатов для поступления в Военно-дипломатическую

академию.

Стрельбицкий в это время находился в отъезде, в командировке, а когда возвратился, взору его предстало почти Бородинское сражение. Кого-то из офицеров уже отобрали в кандидаты, и они ходили в именинниках, иных отсеяли, и те были подавлены и несчастны. Вне зависимости от результата отбора члены комиссии с удовольствием отмечали, в Москву, в академию хотели, более того, рвались все. Кроме Стрельбицкого.

После приезда ему торжественно объявили: он в числе кандидатов. На что Владимир Васильевич совсем не выказал восторга, и написал рапорт о том, что не хочет поступать в академию и служить в разведке.

В столичной комиссии его рапорт вызвал настоящий шок. С ним решил побеседовать лично председатель комиссии. И вот теперь они сидели друг против друга, и полковник старался убедить Владимира в том, что он нужен разведке. Пока это у него плохо получалось. Стрельбицкий упирался.

— Хорошо, Владимир Васильевич, я дам вам время подумать. Посоветуйтесь с женой.

— Спасибо, но я уже подумал.

Эта фраза, судя по всему, стала последней каплей переполнившей терпение председателя комиссии. Полковник оторвал голову от бумаг и вонзил холодный взгляд в Стрельбицкого. Потом медленно встал, демонстративно поднял на вытянутых руках рапорт и разорвал его пополам, потом сложил, и разорвал вновь.

— Ясно? Идите, товарищ майор. Вам партия приказывает. Так Владимир Стрельбицкий попал в разведку во второй раз.

Пролетело четыре года учебы, и вновь он предстал перед комиссией. Теперь уже перед, так называемой, выездной комиссией, которая рассматривала кандидатуры выпускников академии на предстоящую командировку за рубеж.

Возглавлял комиссию заместитель начальника Главного разведывательного управления генерал Феденко.

Владимир Стрельбицкий планировался на выезд во Францию на должность помощника военного атташе. Учился он хорошо, язык освоил в достаточной степени, спецподготовка оценивалась отлично. Биография была в полном порядке. Казалось, все должно пройти как по маслу. Так оно, собственно, и случилось. Комиссия уже проголосовала «за» единогласно. И тут вдогонку, неожиданно, генерал Феденко возьми, да и спроси:

— Стрельбицкий, а вы любите разведку?

Генерал, конечно, ждал однозначно четкого ответа, в унисон своему вопросу. Это и стало бы красивой точкой в приятном разговоре. Однако Владимир Васильевич остался верен себе. Ответил совсем не так, как хотел и ждал генерал, а как думал сам:

— Люблю ли я разведку? — переспросил он. — Не знаю. Надо бы ее сначала попробовать.

Улыбка соскользнула с лица Феденко. Окажись они один на один, Стрельбицкий за свой ответ получил бы по полной мерке. Генерала в Главном управлении знали как человека грубого и несдержанного. Но тут он сумел обуздать свой гнев. На решение комиссии этот ответ не повлиял, но в итоговом протоколе Феденко тем не менее написал несколько неместных слов в адрес столь дерзкого выпускника академии.

Шел 1956 год. Помощник советского военного атташе Владимир Стрельбицкий прибыл в Париж.

Стрельбицкий приехал во Францию вместе с однокурсником по академии полковником Героем Советского Союза Алексеем Лебедевым. Алексея Ивановича, несмотря на молодость и отсутствие опыта, назначили военновоздушным атташе.

Обстановка в стране была крайне сложной. Венгерские события, ввод войск Варшавского договора в мятежную республику не лучшим образом сказались на отношении французов к сотрудникам советских учреждений. От советских шарахались, как черт от ладана.

На стадионе, услышав рядом русскую речь, могли демонстративно подняться и уйти. Встретив у посольства, порою интересовались: «Советик?» После утвердительного ответа, да, советский, можно было получить плевки в лицо.

Контрразведка также ужесточила режим наблюдения и слежки за советскими представителями.

Военный атташе не был сторонником активной оперативной деятельности.

Чаще обращал внимание «молодежи» на обилие прессы, открытых источников, из которых следует черпать развединформацию.

Однако Стрельбицкий и Лебедев придерживались иного мнения. Им хотелось настоящей, «живой» работы. Но начинать, по сути, было не с чего.

Впрочем, это не смутило Владимира Васильевича. Первым, на кого он вышел, был российский эмигрант. Он работал в крупной американской фирме, которая производила электронику. Впоследствии этот эмигрант станет нашим агентом и получит псевдоним «Сокин».

А началась эта история с того, что Сокин однажды написал письмо на

свою бывшую Родину в Советский Союз в журнал «Радио». Он хотел получить из редакции некоторые материалы, публикации. Журнал выполнил просьбу земляка и переслал материалы в посольство СССР в Париже. Там их и обнаружил Стрельбицкий. Выяснив обстоятельства дела, помощник военного атташе вызвался лично доставить материалы земляку.

Так они впервые встретились. Сокин познакомил Владимира с городом, пригласил в ресторан.

Стрельбицкий и представить себе не мог, сколько воспоминаний детства всколыхнет обычный французский ресторанчик.

Сокин, конечно, желал удивить своего русского товарища и заказал устрицы.

Ну, где в послевоенные годы Владимир мог попробовать такой деликатес?

Когда официант поставил перед ним тарелку, Стрельбицкий вопросительно взглянул на Сокина.

— Прощу, — улыбнулся тот, — свежие устрицы!

— Устрицы? — удивился Владимир, словно увидел на тарелке крокодила.

«Мули», — пронеслось в голове, и он почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Сокин, увидев побледневшее лицо Владимира, кинул официанту: уберите.

— Что с вами, Владимир Васильевич? — сочувственно спросил Сокин.

— Простите и не обращайтесь внимания, — сказал, приходя в себя, Стрельбицкий, — это меня догнало голодное детство.

Потом Владимир привыкнет, станет глотать устрицы, как заправский француз, и они будут казаться ему необычайно вкусными. Но в этот первый раз нахлынуло все сразу: ледяная апрельская вода, речные устрицы в ведре, или как на Украине их называли, «мули» и он, одиннадцатилетний мальчишка, не чующий ног, бежит домой. Зимой умер отец, кормилец, ив их дом пришел голод. Впрочем, голод пришел во всю деревню.

Мать отчаянно боролась, пытаясь хоть как-то спасти детей. Но продукты, самые простые, за зиму в доме закончились и есть было вовсе нечего. Сегодня утром мама сварила последних три картофелины и со слезами разделила их между сыновьями.

И тогда Володька вспомнил про речку, которая протекала через их деревню, схватил ведро и в ледяной воде набрал «мулей».

Мать как-то недоверчиво, с опаской посмотрела на Володькин улов, ведь никто прежде не питался «мулями», да и сейчас, в голод, она не

слыхала, чтобы их варили. Но он просил сварить и сам первым стал пробовать их. Противные, что и говорить, но семью от голода спасли.

А теперь вот в центре Европы, в Париже, в ресторане его потчевали «мулями», вернее устрицами. «Свежайшими», как с гордостью подчеркнул симпатичный официант. А он, чудак, не мог справиться с тошнотой.

Они ушли тогда из ресторана. Сокин показал другие места, где отдыхают парижане. Словом, ввел в бытовую обстановку. В свою очередь Стрельбицкий, чтобы впредь «не светиться» на встречах, стал готовить Сокина к тайниковой связи. В лесу они выбрали тайник, обозначили его, опробовали. Владимир сделал закладку, выставил в городе сигнал, Сокин принял этот сигнал. В дальнейшем агент закладывал туда добытую техническую документацию. Стрельбицкий успешно изымал ее.

Сокин был первой ласточкой. Но останавливаться на одном завербованном информаторе Владимир не собирался. Однако надеяться на то, что появится другой такой Сокин, и напишет в советский журнал «Радио», не приходилось. Значит, следовало самому выходить на «охоту».

Военный атташе, по сути, сидел безвылазно в посольстве, и потому приходилось нередко действовать от его имени на свой страх и риск. Как-то Владимир узнал, что в японском посольстве состоится прием. Приглашения, к сожалению, не было, а попасть очень хотелось. А охота, как известно, пуще неволи. Подавив неловкость, Стрельбицкий приехал в посольство.

Представился от имени советского военного атташе.

Сработало, его пропустили. Огляделся, как говорят, «пристрелялся». Все вокруг друг с другом мило беседуют, улыбаются, как старые знакомые, и только он один. Впрочем, нет, в уголке у окна Владимир заметил такого же приглашенного. Он тоже был один и явно скучал.

Стрельбицкий подошел к нему, поздоровался, поинтересовался:

— Вы друг японцев?

— Да нет, — засмеялся тот, — товарищ поделился приглашением. Сказал, здесь хорошие девушки. А я холостяк, решил посмотреть.

— О! Я тоже пришел один! — обрадовался счастливой возможности для знакомства Стрельбицкий.

Новый знакомый оказался американцем, служил в одной из военных структур НАТО.

Вечер прошел в приятной беседе. Договорились встретиться в другой раз.

На следующее утро, как и положено, Владимир доложил о встрече с американцем своему шефу — военному атташе. Тот поначалу не поверил:

«Американец? Из НАТО? Сам пошел на контакт. Это точно подстава».

Стрельбицкий доказывал свое: на приеме американец оказался один, ему было скучно. Вот они и провели вечер вместе. Просто как два обычных человека, не оглядываясь на страны и континенты. Однако руководство колебалось, сомневалось, прежде чем дать добро на дальнейшие встречи. Но Владимир Васильевич настаивал. Он чувствовал, что его знакомый нормальный мужик и никакая не подстава. Со скрипом ему разрешили продолжить отношения. Но и вторая встреча прошла еще лучше первой.

Американец пригласил своего нового русского товарища посетить тюрьму. Правда, называлась она игриво — шале-тюрьма. Оказывается, там, где в старые времена была тюрьма, ныне предприимчивые французы устроили, говоря современным языком, развлекательный центр: казино, стрип-клуб, для экзотики в подвалах оставили еще камеры, где прежде сидели смертники.

Странное было приглашение в обстановке шпиономании и антисоветских настроений. Однако новому другу Стрельбицкого, судя по всему, было наплевать на эти настроения. Он желал весело провести время и пригласил Владимира сделать это вместе. «А почему бы и нет?» — решил Стрельбицкий.

Признаться, они действительно провели незабываемый вечер: поиграли в казино, посмотрели стриптиз, а потом директор предложил им посетить подвалы тюрьмы. Там был выстроен огромный каменный колодец, по дну которого текла река. В стенах вырублены сиденья. Их как почетных гостей усадили на эти сиденья и для большей реальности накинули на шею цепи, чтобы они могли прочувствовать всю прелесть пребывания в тюрьме.

Директор рассказал, что когда смертники умирали, их сбрасывали прямо на дно колодца, в реку. Ныне подобными экстравагантными развлечениями вряд ли кого удивишь. Но это было полвека назад. И ничего подобного Стрельбицкий в прежней своей жизни и представить не мог.

Советский разведчик был неробкого десятка, однако тюремная экскурсия произвела на него достаточно сильное впечатление. Справедливости ради надо сказать, что и его друг — американец — не стал задерживаться в тюремном колодце. Выбрались они — и поскорее наверх, в стрип-клуб. Там и отогрелись душой.

Однако развлечения развлечениями, но Стрельбицкий голову не терял и не забывал, кто он есть. На этой встрече удалось узнать новые подробности службы американца. Когда Владимир доложил это руководству, вновь выплыли сомнения: уж очень серьезной удачей могло

стать мимолетное знакомство. Начальство не верило в столь легкую удачу.

Тем не менее, встречи разрешили продолжить. Доложили обо всем в Центр. Теперь пришло время сомневаться Москве. Посыпались те же вопросы: почему американец, да еще из НАТО, так легко идет на связь? И теперь объяснения Стрельбицкого об одиночестве американца, о чисто человеческих симпатиях друг к другу уже выглядели и вовсе несерьезно.

К счастью, Владимир Васильевич был новичком в оперативной работе и не очень-то задумывался, как резидент объяснит Центру их дружбу с американцем. Он знал: эта дружба неизбежно даст свои результаты.

В какой-то период руководству резидентуры пришла мысль: надо пригласить американца на квартиру к Стрельбицкому и записать их беседу на магнитофон.

Но теперь воспротивился сам Владимир. Не заглядывая начальству в рот, он сказал, что наша записывающая аппаратура скрипит, как несмазанная телега. Велика вероятность, что гость это услышит, и вот тогда уже точно все полетит к чертовой матери.

Как ни странно, но старшие товарищи согласились с мнением молодого сотрудника. Решили не торопить события.

Но тут случилось непредвиденное: из Центра пришло неожиданное сообщение — должность помощника военного атташе сокращена, Стрельбицкий отзывается на Родину.

Что ж, на Родину, так на Родину. Откровенно говоря, решение было не совсем внятное, но начальству в столице виднее. Он, разумеется, огорчился, но горюй, не горюй, а ехать надо. Собрал чемоданы и вскоре уже был в Москве.

Самое интересное в этой истории то, что через восемь месяцев кадровая чехарда завершилась и должность помощника атташе открыли вновь. Владимир Васильевич возвратился в Париж.

Что делать дальше? Понятно — надо продолжать работу. Стало быть, следует разыскать американца. Но как его разыщешь? Звонки по телефону результата не давали. Кто знает, что произошло за эти месяцы? Возможно, он уехал из Парижа, его перевели в другое место службы.

В доме, где жил американец, застать его также не удавалось. И все-таки Владимир Васильевич не терял надежды на встречу. Он постоянно приезжает в район, где жил знакомый. И однажды ему и вправду улыбается удача. В пробке на улице он замечает машину, а за рулем его самого. Стрельбицкий окликает старого знакомого. Тот, обрадованный, выскакивает из автомобиля, пожимает руку, спрашивает, где был, куда пропал. В общем, отношения восстанавливаются.

А вскоре американец в первый раз выполняет просьбу Стрельбицкого — приносит важные документы.

Они встретились в казино «Де-Пари». Американец с волнением, торопливо передал сверток с бумагами. Теперь пришло время волноваться Владимиру. Материалы у него, а вдруг он ошибся в американце и это действительно провокация контрразведки, как ему много раз твердили в резидентуре. Сейчас зайдут контрразведчики и под белы ручки. Словом, провал. Пришлось вернуть документы, предупредив его, что пока не время.

А казино есть казино. Музыка, веселье. На сцене кубинки о голые аппетитные ноги крутят сигары и бросают их в зал. Стрельбицкий с американцем, сидевшие ближе к сцене, тоже получают по сигаре. Закуривают и выходят из зала.

Владимир принимает документы и передает их стоящему за спиной офицеру нашей резидентуры, который в тот день сопровождал и прикрывал Стрельбицкого.

Подымив сигарами, они возвращаются в зал.

Часа через два, когда Владимир Васильевич и его агент покидали казино, их на выходе уже ожидал тот же офицер. Документы, к большому удовлетворению, были возвращены. Тот, откровенно говоря, удивился такой оперативности:

— О! С вами можно работать!

Так началась деятельность ценнейшего агента советской военной разведки в НАТО, который был завербован Стрельбицким.

Перефразируя слова поэта, можно сказать, что оперативная деятельность разведчика за рубежом — это всегда «езда в незнание». Никто не ведал, что там впереди: государственной важности материал или наручники контрразведки.

Такую «езду» испытал во Франции и Владимир.

Как-то познакомился он с военнослужащим, который проходил службу в натовских структурах и имел доступ к секретной информации.

С помощью этого знакомого удалось выяснить некоторые данные оперативного оборудования ТВД.

Дальнейшая работа с этим знакомым казалась весьма перспективной. Однако все вышло иначе. Потом, анализируя причины провала, Стрельбицкий пришел к выводу: его информатор был неосмотрителен, жил не по средствам. Владимир Васильевич неоднократно предостерегал его, однако тот не внял его просьбам. Тем самым обратил на себя внимание контрразведки.

На последней встрече он признался Стрельбицкому в своих опасениях:

ему кажется, за ним следят. Сказал, что решил уволиться из армии. И действительно уволился, но вскоре был принят на работу в воинскую часть на одну из должностей, дающую доступ к совершенно секретным материалам.

Такие «кульбиты» судьбы знакомого насторожили Владимира. Слежка, увольнение из вооруженных сил и вдруг неожиданное-негаданное трудоустройство, да еще в отдел, сотрудники которого всегда были очень привлекательны для разведки.

«Не западня ли это?» — задался вопросом Владимир. Возможно, информатор уже на крючке у контрразведки и теперь готовится ловушка для него.

Подтверждение вскоре пришло от резидента КГБ в Париже. Он сообщил, что информатора взяли, и теперь готовится провокация против Стрельбицкого.

Действительно, вскоре в аппарате военного атташе раздался телефонный звонок. Трубку взял Стрельбицкий. На проводе был старый знакомый.

Владимир сделал вид, что не узнал, кто звонит. Тот представился.

— Что-то я вас не припомню, — сказал Стрельбицкий.

— Ну, как же. Мы встречались, — занервничал звонивший. — Давайте увидимся, вы меня вспомните.

— Ладно, приходите.

Договорились о встрече. Знакомый пришел с записывающим устройством в кармане. Он был одет не по погоде, да и во внутреннем кармане пиджака угадывался объемный посторонний предмет. Стрельбицкий спокойно спросил:

— И кто вы такой?

— Неужели не помните?

Собеседник заерзал на стуле. Сказать о документах, которые передавал прежде, значит еще больше подставить себя. Он что-то мямлил, пытался сказать, что теперь на новой работе, и работа та важна и ценна. Стрельбицкий молча выслушал провокатора и расстался с ним.

Позже из оперативных источников пришло известие: встреча, которую провел перевербованный информатор, была признана провальной. Провокация не удалась.

Владимир Стрельбицкий в 1961 году уехал в отпуск в Советский Союз. Когда отпуск закончился, он узнал, что визу на въезд во Францию ему не дали. Это говорило только об одном: активность помощника советского военного атташе доставляет слишком много хлопот

спецслужбам Франции и они не хотят видеть его в стране.

## За одного битого двух не битых дают

Владимир Васильевич остался в Москве, в центральном аппарате ГРУ. Однако засиживаться в столице ему не дали. Через год с небольшим предложили новую командировку. На этот раз в Бельгию, в аппарат военного атташе, старшим помощником.

Все, что случилось со Стрельбицким во Франции, разумеется, до тонкостей было известно в КГБ. И поскольку на них возложена обязанность по обеспечению безопасности офицеров военной разведки за рубежом, Комитет госбезопасности возражал против командировки Стрельбицкого.

В КГБ рассуждали вполне здраво: что такое год с небольшим? Для контрразведки, считай, это было вчера, и спецслужбы Бельгии прекрасно обо всем осведомлены. Потому ехать Стрельбицкому в Бельгию, во-первых, бесполезно — контрразведка работать не даст, перекроют кислород напрочь, да и, во-вторых, опасно. Он теперь вроде как меченый, устроят какую-нибудь пакость, подставу.

Все это не хуже КГБшников понимал и сам Стрельбицкий, но ехать хотел. Даже очень хотел. У него были свои резоны. Насчет контрразведчиков, которые, мол, не дадут ни дыхнуть, ни пукнуть, он руководствовался старой русской поговоркой: не так страшен черт, как его малюют.

Что же касается гадостей и подстав, от этого не застрахован никто и нигде. На то она и контрразведка. Тут ничего не поделаешь, работа у них такая.

Поскольку военная разведка желала послать Стрельбицкого в командировку, а КГБ возражало, решение принималось в ЦК партии, на Старой площади.

Накануне поездки в ЦК Владимира Васильевича вызвал к себе начальник европейского управления. Долго не разговаривал, только спросил:

— Не передумал ехать?

— Не передумал.

— Тогда собирайся и вперед на Старую площадь. За ними окончательное решение.

Сотрудник военного отдела ЦК был внимателен к нему. Побеседовал, поговорил, поинтересовался:

— А этот иностранец давал тебе документы?

— Давал.

— Ладно, езжай. Только будь осторожен. В конце концов, за одного битого двух не битых дают.

По возвращению со Старой площади его вызвал начальник Главного разведывательного управления генерал-полковник Петр Ивашутин.

— Ну что, Стрельбицкий, на душе у меня не спокойно. Но управление за тебя, значит, нужен ты там. Смотри, провалишься, пеняй на себя.

Владимир Васильевич усмехнулся: «На кого же еще пенять?» Но начальнику ничего не сказал. На том и расстались.

КГБшники оказались правы. Бельгийская контрразведка с первых дней питала особую любовь к Стрельбицкому. Он, конечно, по приезду взял некоторую паузу, однако надо было с чего-то начинать работу. И он начал, казалось бы, с самого безобидного: пошел в королевскую библиотеку, чтобы полистать книги. Среди прочих заказал издание, в котором описывались мосты Бельгии. В ту пору для военных разведчиков это была первоочередная задача — составление характеристик европейских мостов.

Через несколько дней Стрельбицкий вновь появился в библиотеке. Заказал книги. Однако среди них не оказалось самой необходимой, рассказывающей о мостах. Работник библиотеки с милой улыбкой объяснила: книга сдана на реставрацию.

Ну что ж, тогда Владимир Васильевич стал упорно и методично объезжать мосты. Кто мог ему запретить прогуливаться по бельгийским мостам? Да и дело более полезное, на воздухе, у воды, чем скучное сидение в библиотеке и перелистывание пыльных фолиантов.

Невидимый «бой» с контрразведкой Стрельбицкий вел все годы командировки. Бельгийские «контрики» зачастую были бесцеремонны и нагловаты. Постоянно звонили на квартирный телефон по ночам. Проверяли, дома ли старший помощник военного атташе.

На учения звали, но выборочно. А вот, например, военный атташе Конго получал приглашения на все учения.

Стрельбицкий и тут нашел выход, поближе познакомился с конголезским военным атташе. Тот оказался весьма приятным человеком. Фамилия у него была интересная, грузинская — Бабия. Ничего секретного Бабия не рассказывал, но впечатлениями об учениях, на которые не попадал Владимир Васильевич, охотно делился. Вобщем, это обычная практика установившаяся между военными атташе во многих странах. Однако бельгийской контрразведке подобная практика была не по нутру. Сначала за Стрельбицким и Бабия установили слежку. Сидят в ресторане, а

их «персональный контрик», которого они уже знали в лицо, обязательно располагается за соседним столиком. Они переезжают в другой ресторан и тот за ними.

Вскоре Владимира Васильевича пригласили в контрразведку.

— Вы дружите с военным атташе Конго?

— Дружу. А что нельзя? Он же не ваш подчиненный. Контрразведчик замялся, однако быстро взял себя в руки.

— Но мы ему очень доверяем.

— Прекрасно. В конце концов, это ваше право. А у меня, как вы знаете, есть свои права.

— Господин Стрельбицкий, но согласитесь: вы интересуетесь вооруженными силами Бельгии, НАТО.

— Я же офицер аппарата военного атташе, что же мне, кукурузой интересоваться?

Бельгийский «контрик» примолк: а ведь и вправду, чем еще заниматься помощнику военного атташе? Дабы разрядить обстановку неловкости офицер спросил:

— А что конкретно вас интересует?

— Вот проходят учения. Тому же Бабия вы даете итоговый релиз с оценкой учений. Мне — нет. Опять же, списки офицеров вооруженных сил. Они, насколько мне известно, не секретны. Так в чем же дело?

Контрразведчик молчал, видимо, понимая справедливость аргументов советского помощника военного атташе. Но в заключение у Владимира Васильевича был принесен скелет в шкафу. Так, на всякий случай:

— И, наконец, я доподлинно знаю, мы не чиним препятствий бельгийскому атташе в Советском Союзе. На учения приглашаем регулярно, документы даем, — сказал он.

Собеседник только руками развел:

— Это удар ниже пояса, господин Стрельбицкий. СССР великая держава, в Варшавском блоке ни перед кем не отчитываетесь. А мы — маленькое государство, у нас членство в НАТО.

— Понимаю. — сочувственно сказал Владимир Васильевич. — Темне менее, что у нас в результате?

— Хорошо, — вздохнул контрразведчик, — мы будем вам предоставлять релизы по итогам учений. Ну и фамилии офицеров, вы верно сказали, у нас не засекречены.

Вскоре после этого разговора из контрразведки доставили три тома списков офицеров ВВС, ВМФ и Сухопутных войск. Стали чаще приглашать на учения, иногда вручали релизы.

Однако, несмотря на эти небольшие уступки, «повадки» бельгийской контрразведки в целом не изменились.

Как-то, будучи в Страсбурге, Владимир Васильевич остановился в одной из местных гостиниц. Вечером вышел прогуляться, проехаться по городу и обнаружил, что забыл ключи от машины. Возвратился, а номер заперт изнутри. Позвал консьержа. Тот долго извинялся, мол, номер по ошибке дали другому постояльцу.

Оказалось все значительно прозаичнее: его номер обыскивал контрразведчик, да Стрельбицкий не вовремя возвратился. «Контрику» ничего не оставалось, как упасть в постель и прикинуться спящим, а работникам гостиницы извиняться и раскланиваться за «ошибку».

Случалось, контрразведчики позволяли себе и вовсе беспардонные поступки. Однажды на приеме в Доме правительства Стрельбицкий познакомился с офицером-авиатором и протянул, как обычно, свою визитку. Руководитель отдела внешних сношений бригадный генерал Депю, увидев это, подбежал и выхватил из рук офицера визитку советского военного дипломата.

Кстати, с бригадным генералом Депю произошла забавная история уже в Советском Союзе. Как-то в отпуске, летом, отдыхая в Сочи в санатории имени Фабрициуса, Владимир Васильевич с женой поднимался с пляжа в свой корпус. Издали увидел группу туристов-иностранцев. Они говорили по-французски. Каково же было удивление Стрельбицкого, когда среди туристов он увидел генерала Депю. Как гостеприимный хозяин, вечером Владимир Васильевич пригласил бельгийского гостя в ресторан, отменно угостил и подарил набор фирменных советских коньяков. Генерал был растроган до слез. Долго извинялся, говорил, что ему стыдно за тот случай, мол, вел себя неприлично. И все время приговаривал: что поделаешь, такая служба.

Что ж, и вправду, у Депю была своя служба, а у Стрельбицкого своя.

## Должность высокая и ответственная

Дверь кабинета начальника Генерального штаба распахнулась. Высокий, щеголеватый майор в новом с иголочки кителе кивнул Стрельбицкому:

— Товарищ полковник, маршал Захаров ждет вас. После возвращения из Бельгии прошел всего-навсего год, а начальник управления уже в который раз то ли в шутку, то ли всерьез говорил Владимиру Васильевичу:

— Что-то ты засиделся в конторе.

Стрельбицкий воспринимал эту фразу как спринтер команду «На старт». Потом последует короткое «Внимание!» и выстрел стартового пистолета. Надо понимать, этот миг настал и стартовый пистолет сейчас в руках у начальника Генштаба..

— Долго я вас инструктировать не стану. Это ни к чему, — сказал маршал.

Он взял со стола «объективку», в которой коротко излагались основные этапы службы Стрельбицкого, пробежал глазами.

— Вы человек опытный. Четыре года во Франции отработали, столько же в Бельгии, что мне вас учить. Теперь вы едете военным атташе в Швейцарию. Должность высокая и ответственная. И помните: Генштабу нужны разведматериалы. Ценные материалы.

Захаров пристально посмотрел на полковника, словно ожидая его реакции.

— Товарищ маршал, мы готовы выполнить поставленные задачи, но обстановка тяжелая. Просто так в секретный сейф не залезешь, — пожаловался Владимир Васильевич, пытаясь донести до главного шефа всю сложность разведдеятельности за рубежом.

— А я никогда и не думал, товарищ полковник, что это просто и легко. Но это ваша работа. Вы разведчик. Поэтому давайте поглубже в сейф, и материалы мне на стол.

С таким напутствием маршала Захарова и отправился в Швейцарию полковник Владимир Стрельбицкий. Здесь, в Берне, он прослужит шесть лет и вся его деятельность будет подчинена проникновению в те самые секретные сейфы, о которых говорил начальник Генштаба..

Разумеется, советскую военную разведку мало интересовала крохотная швейцарская армия. По-прежнему задачей номер один было проникновение в НАТО.

В те годы Стрельбицкий «прославился» (если такое выражение применимо к разведчику) в Главном разведуправлении как умелый, высокопрофессиональный «добытчик» новейших образцов военной техники и оружия стран Североатлантического альянса. У него была небольшая по составу, но весьма работоспособная резидентура: офицеры молодые, амбициозные, но уже достаточно опытные и знающие.

Правда, первым важным сообщением из Берна в Центр стала информация сугубо политического характера. Он докладывал, что с территории Западной Германии в Чехословакию переправляется подозрительно большое количество «туристов». Да и, судя по всему, «туристов» интересовали не красоты Златы Праги, а нечто другое. Телеграмма, к сожалению, не возымела действия. Более того, через год, когда Владимир Васильевич приехал в отпуск в Москву, в Центре ему высказали упрек: мол, «прохлопали» Чехословакию. Разумеется, этот упрек относился не к нему одному, тем не менее, его тоже поставили в общий ряд и, что называется, сняли стружку.

Возможно, другой бы промолчал, но Владимир Васильевич не согласился стоять в этом ряду. Попросил поднять телеграммы из Берна годовой давности. Подняли. Оказалось, предупреждал атташе, да его не послушали. А может, и послушали, но ничего не смогли сделать. Но тогда простите, подобные упреки не по адресу.

Второй раз подобное произошло ранней весной 1973 года. Афганский военный атташе в Индии отмахал полмира: из Дели приехал в Европу, в Берн, пришел к своему советскому коллеге, чтобы поведать тайну, за которую на Родине его запросто могли повесить. Он рассказал Владимиру Васильевичу, что в Кабуле готовится вооруженный дворцовый переворот. Двоюродный брат короля, принц Мухаммед Дауд стремится свергнуть монарха Афганистана Захир Шаха.

Военный атташе был прозорливым человеком. Он считал, что приход к власти принца Дауда, ничего хорошего не принесет его государству. Полковник просил передать эту чрезвычайно важную информацию в Москву. Стрельбицкий выполнил просьбу военного атташе. Но информация канула в лету.

Даже спустя много десятилетий Владимир Васильевич часто в мыслях возвращался к той встрече с афганским коллегой. Не зря афганец беспокоился. Дауд захватил власть, сбросил с престола короля Захир Шаха. Через три года сбросили и расстреляли его самого. И пошло, и поехало. Амин приказал удушить Тараки. Советский спецназ ликвидировал Амина. Потом Бабрак Кармаль, Наджибулла, талибы, американцы. И не

прекращающаяся война.

Что дальше? Опять война. Она уже длится которое десятилетие на афганской земле.

Эх, если бы строчки его шифрограммы смогли совершить чудо, и мы предотвратили бы свержение короля. В Афганистане тишь да гладь, «шурави» здесь любят, как любили до войны, и в Советском Союзе матери не рыдают на могилах погибших сыновей, потому что нет могил. Здесь старый разведчик улыбался над наивностью своих мыслей.

Но приходит время, и вновь накатывают воспоминания: 1973 год, тревожные глаза военного атташе Афганистана. Н-да, хочешь, не хочешь, а задумаешься о ценности информации.

Кстати, еще раз вернемся к этой самой ценности слова и дела разведчика.

Резидентура советской военной разведки в Швейцарии добыла много чего ценного и особо ценного в те годы. Нередко, когда мы встречались, Владимир Васильевич брался загибать пальцы: инфракрасная аппаратура, документация по артиллерии, электроника для ВВ. И всякий раз сбивался. Дабы быть объективным, приведу один документ, чудом сохранившийся с той поры в семейном архиве Стрельбицких. Это заключение авторитетной комиссии на систему, добытую бернской резидентурой. Называть систему мы, разумеется, не будем. Скажем только несколько слов об эффекте ее внедрения.

*«Ввод в эксплуатацию системы, — говорится в заключении, — и ее освоение проведено в сжатые сроки.*

*В настоящее время она используется при разработке сложных многопроцессорных устройств автоматизированной телефонной связи фронта, армии, дивизии.*

*В ближайшее время система будет использована в разработке комплексной аппаратуры полевой связи от армии и выше.*

*Использование системы позволяет повысить производительность разработки не менее чем в три раза, сократить сроки разработки, отладки программного обеспечения в 3-5 раз в зависимости от сложности аппаратуры, усилить надежность систем связи».*

Добавлю только, что в документе названа цифра экономического эффекта от внедрения системы — 30 миллионов рублей!

Однако главным своим достижением в период работы в Швейцарии Владимир Васильевич считал обретение одного из узлов нового современного западного танка.

Надо признаться, что в те годы наша конструкторская мысль по

некоторым направлениям отставала от западной. Советским танкостроителям удавалось многое, но не все — отдельные элементы танковой конструкции получались тяжелыми, громоздкими, ненадежными. И тогда военная разведка получила задачу — добыть либо документацию по этому узлу, либо сам узел.

Эту тему Стрельбицкий обсуждал со своим агентом еще в Бельгии. Однако выполнить подобное поручение агенту тогда оказалось не под силу.

Приехав в Швейцарию, Владимир Васильевич продолжил работу.

Но как, кто мог увезти с воинского склада узел новейшего танка и переправить его в Советский Союз? Тем более что склады находились в Великобритании, а Стрельбицкий располагался в Швейцарии.

О том, как была разработана эта, без сомнения, уникальная спецоперация, даже сегодня, через десятки лет, в подробностях говорить рано. Поэтому расскажем о ней лишь в общих чертах.

Итак, узел танка был отгружен с воинских складов в Великобритании и под видом холодильной установки переправлен через Ла-Манш в Амстердам, в Голландию. Туда прилетел наш транспортный самолет и вскоре контейнер был уже в Москве.

Говорят, столь ценный груз на аэродром приехал встречать лично командующий танковыми войсками маршал бронетанковых войск Амазасп Бабаджанян. Так ли было, не так теперь трудно сказать, но важно другое — после этого события дела у наших разработчиков танков пошли на лад и Советский Союз стал обладателем самых передовых и лучших танков в мире.

Как-то итальянский военный атташе в беседе с советником нашего посольства признался:

— Стрельбицкий умело получает информацию. Он не крутит за пуговицу, однако то, что ему нужно, узнает незаметно.

Что ж, весьма тонко подмечено. Именно так и работал резидент советской военной разведки.

Но не забудем, Владимир Васильевич являлся военным атташе при посольстве СССР в Швейцарии и осуществлял представительские функции. В Берне у наших военных дипломатов были налажены не только деловые, но и вполне дружеские отношения с руководителями вооруженных сил страны.

Стрельбицкий не только бывал на официальных приемах по приглашению армейского начальства, но и нередко встречался с ними в неформальной обстановке. Например, на обеде дома у командующего ВВС или у начальника Генерального штаба. Разумеется, были и ответные

приглашения, и швейцарские генералы принимали их весьма охотно.

Военный атташе Советского Союза всегда присутствовал на парадах, на военных учениях. Журналисты никогда не обходили стороной Стрельбицкого.

Просили комментарии чаще всего либо у американского атташе, либо у советского.

Как-то после очередной «атаки» журналистов обиженный атташе Австрии сказал Владимиру Васильевичу:

— Господин полковник, вы узурпировали всю власть над прессой.

— Господин атташе, — ответил Стрельбицкий, — ну, какая власть может быть у меня над свободной европейской прессой? Сами видите, на интервью не напрашиваюсь. Просто я представляю великую страну.

Авторитет военного атташе СССР действительно был весьма солидным. Иногда он проявлялся в самых неожиданных ситуациях.

Однажды во время очередных маневров, на которые были приглашены военные атташе разных стран, им показали солдатскую столовую.

Все, что увидели там атташе, не могло не вызвать восхищение. В меню столовой были разнообразные салаты, несколько блюд первого, второго и даже. вино. В ту пору не всякий ресторан в нашей стране имел такой выбор блюд, как эта солдатская столовая.

Начальник Генерального штаба был доволен произведенным эффектом.

— Что скажете, господин Стрельбицкий? — обратился он к Владимиру Васильевичу.

— Да это же настоящий санаторий, а не воинская часть. Вы их очень балуете.

— Почему?

— Мне кажется, столько еды для солдата многовато. Им тяжело будет действовать после обеда на учениях.

Сказал то в шутку, а наутро вышли газеты с заголовком «Советский военный атташе считает, что на питание швейцарских солдат уходит много денег».

Этот вопрос был поднят в парламенте и питание сократили на три франка в день.

На очередной встрече, пожимая руку Стрельбицкому, начальник Генерального штаба сказал:

— Берегитесь, господин полковник! Наши солдаты вас побьют.

Всякий раз, когда Владимир Васильевич вспоминает эту историю, всплывают в памяти строки поэта: «Нам не дано предугадать, как наше

слово отзовется». Что и говорить, верно сказано.

В Швейцарии продолжил Стрельбицкий и свою давнюю работу, которую начинал еще во Франции — поиск могил погибших советских воинов. Как правило, это были узники фашистских концлагерей, которые бежали оттуда и разворачивали на территории европейских стран партизанское движение. Таких захоронений в общей сложности в трех странах — во Франции, Бельгии и Швейцарии — Владимир Васильевич разыскал 17.

...В 1974 году подошел к концу срок швейцарской командировки полковника Стрельбицкого. За плечами — шесть лет работы в Берне. Пора было возвращаться в Москву.

Проводить военного атташе приехал лично начальник Генерального штаба.

— Отношения между армиями, — сказал он, — как известно, строятся на базе государственной политики. Так вот, военный атташе Советского Союза сделал много, чтобы эти отношения были дружескими.

Руководство военной разведки также высоко оценило деятельность полковника Стрельбицкого в Швейцарии. Он удостоился двух орденов: Красной Звезды и «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени.

## Вещий сон

Начальник военной разведки генерал армии Петр Ивашутин и так, и этак вертел в руках прибор, больше похожий на обычную шариковую ручку.

— Это и есть та самая лампа бегущей волны? Генерал-майор Стрельбицкий, который сидел напротив подтвердил:

— Да, она родимая, как же ее трудно добывали.

Ивашутин на минутку поднял глаза на Стрельбицкого и опять стал разглядывать лампу. В ГРУ знали, их «большой шеф» технику любил. В молодости пока не попал в органы, начинал свой трудовой путь технарем — окончил железнодорожную, потом профессионально-техническую школу, работал на механическом заводе, служил в авиации, учился в Военно-воздушной академии им. Жуковского. С тех пор у него осталась тяга ко всему техническому. Он следил за новинками техники, разумеется, в первую очередь по линии ГРУ, и потому удивить его было не просто. Однако чувствовалось, что в этот раз Ивашутин немало подивился изобретению, которое держал в руках.

— И за вот эту, — он запнулся, видимо подбирая словечко покрепче, но только крикнул, не решаясь выругаться при подчиненном, — такие деньги.

Владимир Васильевич понял это по-своему:

— Тогда, значит, товарищ генерал армии, обратно ее вернуть?

— Что ты! Никаких обратно. Заплатим. Я дам команду.

Генерал Ивашутин выдвинул ящик стола, бережно положил туда лампу и также осторожно задвинул ящик. И только тогда обратился к Владимиру Васильевичу:

— Ну, рассказывай, как там наш отстающий разведаппарат. У Стрельбицкого вытянулось лицо. Ивашутин улыбнулся и успокоил атташе.

— Пошутил я, Владимир Васильевич, столько лет марокканский аппарат у нас плелся в хвосте, что теперь даже и не верится.

И действительно, тот, кто служил в управлении в конце 60-х — начале 70-х годов, помнит, как на партактивах, на совещаниях у начальника Главного разведуправления постоянно склоняли «марокканцев». Марокко, конечно, не Европа. Хотя, как сказал однажды король Хасан II, если бы не Геркулес, который прорыл Гибралтарский пролив, то и Марокко было бы европейской страной.

Начальника военной разведки Советского Союза волновали, разумеется, не королевские экзерсисы на мифологические темы, а вполне реальная деятельность разведаппарата, расположенного в столице Марокко Рабате. Именно поэтому в 1976 году военным атташе в эту страну и был назначен полковник Владимир Стрельбицкий. Там за свою работу он получил орден «За службу Родине в Вооруженных Силах» II степени.

Уже через год, в 1977 марроканский разведаппарат вышел на одно из первых мест в ГРУ. За этот год было добыто 60 ценных документов. За все предыдущие 20 лет существования разведаппарата в Москву поступило 80 ценных материалов. Ну, как тут не задуматься о роли личности в истории?

В следующем году Стрельбицкий со своими сотрудниками вышел за пределы Марокко, у него появились агенты в США, Италии, Франции, Германии, Великобритании.

Благодаря выходу в третьи страны, были добыты десятки ценных документов, новейшие образцы техники и оружия. Один из таких образцов только что бережно положил в ящик своего стола начальник ГРУ генерал армии Петр Ивашутин.

Время встречи начальника военной разведки и его резидента в Марокко подошло к концу. Ивашутин пожелал Стрельбицкому успехов. Завтра Владимир Васильевич должен был возвращаться к месту своей службы.

Восемь лет прослужил в Марокко Стрельбицкий. Здесь он получил звание генерал-майора. За это король Хасан II назвал его «марокканским генералом».

Вообще, с присвоением звания вышла занимательная история. Прежде он не верил ни в предсказания, ни в вещие сны, но то, что произошло с ним, хочешь, не хочешь, заставило поверить.

После очередной успешной спецоперации по добыванию новейших образцов техники руководством было принято решение наградить марокканского резидента ГРУ. Но чем? У него уже с фронтовыми пять орденов. Осталось разве что к ордену «За службу Родине в Вооруженных силах» I степени представить. Правда, в ту пору I степень давали тяжело, скупно, но начальники Стрельбицкого верили в успех дела. Ведь награждать и вправду было за что. Получил бы орден и стал полным кавалером.

И все-таки грызли сомнения. Решили подойти нестандартно и посоветоваться с самим героем. Тогда и задали вопрос: орден I степени или звание генерал-майора. Стрельбицкий, не задумываясь, выбрал генеральское звание.

Однако обещанного, как говорят, три года ждут. Да и не всегда

дожидаются. Надеялся и Владимир Васильевич, но прошел месяц, другой, третий. Из Москвы никаких вестей.

И вот однажды снится ему сон. Утром заходит к нему в кабинет офицер резидентуры и вручает телеграмму. Стрельбицкий с удивлением спрашивает: «Почему ты, а не шифровальщик?» Тот улыбается: «Тут случай особый. Поздравляем, Владимир Васильевич, Вам присвоено звание генерал-майора». И действительно, утром у дверей аппарата военного атташе он встретил того же офицера и шифровальщика. Они и поздравили его первыми. Так Стрельбицкий стал «марокканским» генералом и поверил в вещи сны.

В 1984 году закончилась последняя зарубежная командировка генерала Владимира Стрельбицкого. Ему было 63 года. В четырех странах — во Франции, Бельгии, Швейцарии и Марокко он отработал 22 года. 14 из них — военным атташе и руководителем разведаппарата. Заслуги его перед Отечеством велики. В этом очерке рассказано лишь о малой толике этих заслуг.

## Начальник главного штаба

Лейтенант Иван Скрипка состоял в штате переводчиков разведотдела штаба Киевского особого военного округа и служил на разведпункте при 91-м погранотряде. Правда, послужить в Раве-Русской ему пришлось недолго. В конце апреля 1941 прибыл, а 22 июня уже началась война.

И вот теперь они с боями отходили к Львову.

По дороге их бомбила фашистская авиация. Как-то при очередном налете по команде «Воздух» колонна пограничников рассыпалась в придорожные канавы, но вместо бомб на голову стали падать листовки, газеты. Некоторые из них подобрал и лейтенант Иван Скрипка. Листовки были на русском языке и призывали сдаваться на милость новым хозяевам, а вот газеты почему-то на немецком. Видать, не успели фашистские пропагандисты так быстро перестроиться.

Язык противника лейтенант знал неплохо и потому, убедившись, что фашистские самолеты улетели, с интересом развернул газету. На первой полосе большой снимок — избитое, в кровоподтеках, изможденное лицо советского офицера. Под снимком подпись: «Первый русский пленный офицер на ЮгоЗападном направлении. Захвачен во время сна, без документов». Ни фамилии, ни имени названо не было.

Иван смотрел на снимок и чувствовал, как нарастает волнение, как стучит в висках кровь и перехватывает горло. Первым русским пленным офицером оказался его друг Игорь Солоха. Они встретились на разведкурсах в Москве, потом вместе учились в Смоленске, в Киеве, жили в одной комнате, вместе зубрили страноведение, методы разведки противника, и главное — немецкий язык.

Игорь был высок, красив, умен. Пришел он из кавалерийских частей и на пехотных офицеров смотрел немного свысока. Этакая кавалерийская то ли гордость, то ли надменность. Иван хоть и служил в стрелковом полку, но был артиллеристом — «богом войны», и потому Солоха держался с ним запросто, на равных. Когда погиб в автокатастрофе секретарь парткома курсов майор Яков Прилуцкий и партийные заботы наряду с трудной учебой легли на плечи Скрипки, Игорь помогал ему в партийных делах.

Они вместе выпустились, попали служить в один военный округ, были назначены на равнозначные должности, только Игорь Солоха оказался на разведпункте во Владимире-Волынском, а Иван — в Раве-Русской.

Скрипка ладонью разгладил газету. «Ах, Игорь, Игорь, как же так? Как

это случилось? Что теперь с тобой, жив ли?» — задавал он себе безответные вопросы. Потом, через несколько месяцев, Иван встретит сослуживцев Солохи по разведпункту и узнает обстоятельства его пленения. Оказывается, в ночь с 21 на 22 июня Игорь проводил переброску агента через границу. Операция прошла успешно, а лейтенант Солоха, уставший, решил заночевать в приграничной деревне. Там его и взяли фашисты.

За четыре года войны Иван Скрипка нахлебался всякого: падал вместе с самолетом наземь, десантировался ночью во вражеский тыл, голодал, замерзал в горах, терял боевых товарищей, чудом вырывался из лап фашистов, но портрет избитого Игоря Солохи в немецкой газете так и остался для него самым большим потрясением.

Иван Скрипка не прятался за спины других, участвовал в первых боях, видел врагов собственными глазами, но было это словно в тумане, происходило вроде бы иное ним, а с кем-то другим, а он наблюдал за всем этим со стороны. Не раз ловил себя на мысли, что не может просто так погибнуть, исчезнуть. Оказывается, может. Как и его друг, Игорь Солоха. Просто устал, уснул, а на рассвете получил прикладом в лицо. И не успел ровным счетом ничего, не только стать героем, как мечтали они, но даже дать сдачи, отомстить врагу за унижение.

Исчез туман, остановилось кино, в котором лейтенант Иван Скрипка был зрителем, горечь ударила в сердце: нет, он совсем не герой, не бессмертный, не вечный, а обычный рядовой страшной войны. И как бы ни тяжела была эта мысль, надо привыкать к ней, сживаться и идти дальше. Куда? Кто знает. Возможно, к смерти, а может, к победе. Только где она, победа?

Однако стремительно накатывающий враг не давал возможности долго размышлять. Во Львове начальник 2-го отделения разведотдела штаба округа полковник Тутыхин приказал лейтенантам Скрипке и Березкину остаться в городе для проведения агентурной работы. Он напутствовал действовать активно, не оглядываясь на отступающие войска. «В случае критической ситуации я пришлю за вами бронемашину или танк», — пообещал Тутыхин.

Лейтенанты работали, что называется, без сна и отдыха. Последние подразделения Красной Армии покинули Львов, он был почти окружен, а обещанный транспорт от Тутыхина так и не появился.

«В соседнем от меня районе, где располагался городской парк, уже появились немцы, — вспоминал Иван Иванович Скрипка. — Я позвонил по чудом уцелевшей связи лейтенанту Березкину. Договорились уходить

вместе.

Светила большая луна. Мы оба были одеты в пограничную форму — зеленую, заметную издалека. Шли на восток под обстрелами оуновцев, которые поливали нас огнем с крыш домов и колоколен костелов. К рассвету выбрались на восточную окраину города.

На дороге — ни одного человека. Мы поспешили догнать свои войска. Над нами на малой высоте прошла пара «мессеров». Потом развернулись и начали нас обстреливать. Залегли, стали вести огонь из пистолетов. Проутюжив нас, фашисты улетели».

Так, под обстрелом и налетами немецких самолетов лейтенанты Скрипка и Березкин добрались до леса, где располагался штаб 6-й армии генерала Музыченко. Разыскали свой разведпункт, который находился здесь же.

В те дни впервые не издалека, а лицом к лицу, Иван Скрипка столкнется с фашистом. Наши зенитчики подбьют немецкий самолет, летчик выбросится с парашютом и будет захвачен в плен.

Допрашивали пилота несколько раз, но он так и не сказал ничего важного. Вел себя заносчиво, высокомерно. То и дело повторял: «Сегодня я в плену у вас, завтра вы — у нас».

Иван переводил. Только переводить было нечего.

Командарм приказал расстрелять фашиста. Скрипка сопровождал расстрельную группу, надеялись, что немец все-таки заговорит. Но он молчал до последнего. Попросил закурить. Держался достойно перед смертью. И пусть он был врагом, но невольно вызывал уважение. Иван тогда подумал, если придется умереть, сделать это надо, не теряя самообладания.

С боями войска 6-й армии отходили к Киеву. В их составе двигались и разведчики. Всем им потом пришлось оборонять столицу Украины. Почти все сокурсники Ивана Скрипки, которые находились в штабе округа, погибли. Ему повезло. Он остался жив.

После падения Киева офицеры разведпункта вели разведку через Днепр, на участке Бровары — Золотоноша. На правом фланге работал майор Пастух, в центре — капитан Диев, старший лейтенант Журавлев, лейтенант Березкин. Скрипке достался левый фланг непосредственно в районе Золотоноши.

Основным делом стала подготовка агентов-маршрутников, владеющих немецким языком. Офицеры ночью на лодке переправляли агентов на противоположный берег Днепра, а после выполнения задания забирали обратно. Это были крайне опасные «переправки», но иного выхода в тех

условиях просто не существовало.

На Днепре держались больше месяца. В середине сентября начальник разведпункта подполковник Копылов передал радиограмму: по оперативным данным, вы находитесь в окружении. Приказываю собраться вместе и выходить в районе размещения штаба 12-й кавалерийской группы. Здесь же были указаны координаты штаба.

Приказ есть приказ. Быстро собрались и совершили марш в указанный район. Действительно, там располагался штаб, но не 12-й кавгруппы, а 26-й армии. Что ж, случалось и такое на войне.

А противник частями и соединениями группы армий «Юг» продолжал наносить удары по нашим отступающим войскам. У села Оржица, перед переправой через реку и перехода по болотам, пришлось уничтожить автомашины, чтобы они не достались врагу.

Переправлялись под постоянным обстрелом противника. Но и там, за болотами, от фашистов не было спасения. Измученных, грязных, мокрых бойцов и командиров встретили засевшие на деревьях немецкие автоматчики.

Пробившись через засаду, отступающие попали на немецкий аэродром. Правда, замаскирован он был под крестьянское поле, на котором то тут, то там стояли снопы. Произошла перестрелка с аэродромной охраной, наши подожгли несколько самолетов, и ушли дальше на восток.

Через десяток километров старшие офицеры, собравшись вместе, объявили, что идут на юг в направлении Донбасса. Младшим офицерам и рядовым бойцам предстояло двигаться отдельно от них, самим. В этой группе был и лейтенант Скрипка. На 11-е сутки они вышли из окружения в районе Ахтырки.

После соответствующей проверки их разведпункт действовал уже в составе 21-й армии Юго-Западного фронта. Работа была прежней. С помощью партийных и комсомольских комитетов через военные комиссариаты набирали и готовили агентов для деятельности в тылу. Брели только добровольцев. Переброска за линию фронта осуществлялась, как правило, пешим порядком. Разведчики всячески старались воспользоваться благоприятными возможностями боевой обстановки, если, разумеется, такие возникали.

Как-то в период весеннего контрнаступления на Харьков в 1942 году наши войска продвинулись на узком участке фронта и от Мурома дошли до шоссе Белгород — Харьков. Этим прорывом не преминул воспользоваться разведчик Иван Скрипка. Он провел своих агентов по узкому коридору, пробитому частями Красной Армии, и простился с ними немного западнее

шоссе. Назад уже возвращался в полном одиночестве. Только однажды встретил экипаж танка, который ремонтировал свою боевую машину.

При подходе к Мурому был обстрелян немцами. Фашисты к тому времени уже успели ликвидировать прорыв наших войск.

*«Под покровом темноты, — рассказывал Иван Иванович Скрипка, — я скатился под откос и по кустарнику пробрался на высоту, где оставил полторку и водителя Петра Умнова. Даже ночью, при свете луны, увидел побледневшее лицо своего шофера. Все водители, находившиеся здесь, давно уехали, а Петр не мог оставить меня. Если водители в опасной ситуации бросали своих командиров, то подвергались суровому наказанию.*

*С огромным трудом вдвоем мы вытолкали вперед грузовую машину и, не включая мотор, покатались вниз с горы. Немцы еще не успели закрыть нашу разведтропу и только со стороны обстреливали из минометов и пулеметов.*

*Обо всех трудностях фронтовой жизни во время отступления и не расскажешь. Их было множество».*

Да уж, это действительно так. С боями и потерями разведпункт дошел до Сталинграда.

В декабре 1942 года Ивана Скрипку отозвали в Москву. Сначала ему предложили лететь в тыл врага, в город Лисичанск. Там работала нелегальная резидентура, которую при отступлении он создал сам. Однако к Лисичанску уже подходили наступающие части Красной Армии, и необходимость использования резидентуры отпала.

Вскоре он был назначен заместителем начальника оперативного центра военной разведки. Кроме него в состав центра вошли два резидента и шесть радистов. Руководителем стал опытный разведчик, участник войны в Испании подполковник Николай Шорохов.

Действовать оперативному центру предстояло на базе партизанского соединения, которым командовал бывший секретарь Сталинского обкома партии Яков Мельник. Соединение дислоцировалось на территории Курской области, штаб располагался в Хинельских лесах.

2 февраля 1943 года центр был десантирован в заданный район.

## Скупые строки разведдонесений

Главной задачей центра была агентурная разведка. Дело трудное, опасное и очень незаметное. Пустить под откос эшелон с техникой и личным составом противника — операция не менее сложная и рискованная, зато громкая, а главное — результат налицо. Столько-то уничтоженных танков, бронемашин, десятки фашистов.

А тут днями, неделями офицеры центра скрытно трудятся над тем, чтобы на местах, в городах и селах, на железнодорожных станциях в немецкие управы внедрить своих людей, дабы всюду иметь глаза и уши. Надо найти людей не только преданных, смелых, но и умеющих работать подпольно, нелегально. При этом не нарваться на предателей, гестаповских провокаторов. Наладив сеть нелегальных информаторов, надо умело ею руководить. Необходимы радиофицированные резидентуры. Ибо даже самая ценная развединформация не стоит ровным счетом ничего, если ее вовремя не передать в Центр.

И каков же итог всей этой огромной работы? Скупые строки разведдонесений. Да, именно так. Они необходимы командованию как воздух. Эти строки сохранят сотни, тысячи жизней наших солдат и офицеров и, в конечном счете, помогут одержать победу.

Именно такой работой и начали заниматься подполковник Николай Шорохов, капитан Иван Скрипка и их подчиненные, высадившись с парашютами в расположении партизанского соединения Мельника. Предстояло в районе Курска — Сумы — Ворожбы — Харькова — Белгорода создать агентурную сеть, развернуть радиофицированные резидентуры в крупнейших транспортных узлах, сформировать разведовательно-диверсионные группы, выйти на источники, обладающие возможностями добывания легализационных документов. Следовало взять под свое руководство разведчиков, ранее десантированных на эту территорию, нацелить их на продуктивную деятельность по вскрытию немецких гарнизонов, передвижения вражеских войск, как к линии фронта, так и на запад, при этом особое внимание уделять танковым, механизированным, химическим частям и подразделениям. Такие задачи ставило перед руководством оперативного центра Разведуправление.

Первое, что сделали Шорохов и Скрипка, изучив обстановку в районе Курска и Сумы, забросили туда двух резидентов для налаживания разведывательной работы. Разумеется, каждая резидентура имела свою

радиостанцию.

Разведчики вели наблюдение на близлежащей территории и в городах, населенных пунктах фиксировали силы и средства противника, рубежи обороны, которые создавали фашисты в своих тылах.

Однако должным образом наладить разведработу не удалось. Уже через три недели после прибытия был получен приказ: выдвинуться вместе с соединением Мельника в рейд на запад. В связи с этим ранее поставленные задачи отменялись, и оперативный центр получил новые. Создать резидентуры в городах Лоев, Юревичи, в составе немецких сил Днепровской флотилии, а также взять под контроль переброску войск противника на коммуникациях в районе Калинковичи — Мозырь — Коростень. В рейде впервые Иван Скрипка действовал не под своей фамилией, а под псевдонимом Студенский. Назвался он так, поскольку был родом из села Студенок, что в Курской области.

По ходу движения оперативный центр увеличивался в своем составе.

Разведчики привлекали к работе проверенных в бою партизан, местных жителей.

В мае по приказу Николая Шорохова Скрипка был направлен в Москву. Дело в том, что оперативный центр испытывал крайнюю нужду в оружии и взрывчатке. Однако, несмотря на многочисленные просьбы, Разведуправление присылало подобные «посылки» редко. Пришлось поработать таким «зафронтовым толкачом».

За несколько дней дело удалось сдвинуть с мертвой точки, «посылки» были укомплектованы всем необходимым, и вскоре Скрипка вновь вылетел в тыл. Вместе с ним в самолете находились несколько радистов, которые всегда были в большом дефиците у партизан.

В рейде разведчикам оперцентра удалось хорошо изучить так называемый Восточный вал на участке реки Днепр. Была проведена разведка гарнизонов, которые располагались в городах Овруч, Ельск, Белокоровичи, Новоград-Волынский, развернуты резидентуры, оснащенные радиостанциями в Киеве, Мозыре, Коростене, удалось установить нелегальную агентурную связь с офицерами полка словацкой дивизии, которые воевали в составе фашистских войск, но теперь стали снабжать развединформацией партизан.

Соединение Якова Мельника с боями дошло до Шепетовки и повернуло на Винницу, но подполковнику Шорохову было приказано остаться в этом районе. Он с группой разведчиков продолжил работу недалеко от населенного пункта Городница, а своего заместителя Ивана Скрипку направил непосредственно в Шепетовку и Славуту.

В Шепетовке постоянно находился крупный немецкий гарнизон численностью около четырех тысяч солдат, а также полицейские силы, школа по подготовке диверсантов.

Группа Скрипки-Студенского поддерживала связь с партизанским отрядом им. Кармалюка. Именно тогда удалось привлечь к сотрудничеству ценного агента, фельдфебеля одной из частей фашистской армии Станислава Швалленберга. Он не только давал важные сведения, но часто прикрывал разведчиков. Так, в форме немецкого офицера сопровождал на партизанский аэродром соединения Сабурова наших раненых бойцов, освободил из-под ареста восемь крупных советских работников, схваченных фашистами.

Швалленберг помог перейти к своим группе советских специалистов, подготовленных на специальных курсах в Германии и направленных для работы в немецкой администрации. Все специалисты дали сведения о центре подготовки в Нойруппине, о плененном генерале Лукине и его героическом поведении в плену.

Фельдфебель по поручению командира группы Ивана Скрипки неоднократно выполнял самые опасные, ответственные задания. Когда разведчики сомневались в оперативных данных, например, по оружию или боеприпасам, перевозимым в вагонах фашистских эшелонов, только Станислав Швалленберг мог точно подтвердить или опровергнуть поступившую информацию.

Это он доставил Скрипке сообщение, что гестапо организовало несколько ложных разведгрупп под командованием Студенского. В следующий раз Станислав предупредил Ивана Ивановича: за его голову фашисты объявили большое вознаграждение — 25 тысяч немецких марок. Случалось, фельдфебель Швалленберг спасал от гибели партизан и разведчиков. Именно он предупредил Скрипку о том, что лесник Поляков — предатель.

В тылу врага работать было трудно. По лесным дорогам рыскал карательный отряд численностью 400 человек. С ним часто приходилось вступать в боевое столкновение.

Группа Ивана Скрипки старалась всячески маскировать свою деятельность под партизанскую: разведчики пустили под откос два эшелона, уничтожали линии связи, взрывали мосты. Фашисты, разумеется, своими пеленгаторами засекали работу их радиостанции, но, считая ее партизанской, должного внимания не уделяли.

В декабре 1943 года из Центра пришла радиограмма. Командиру разведгруппы Студенскому предписывалось привести работу резидентур в

готовность для самостоятельной деятельности в условиях приближения наступающей Красной Армии. Самому с группой прикрытия выйти в район Городницы, в штаб партизанского соединения генерала Андреева, и соединиться с разведчиками Шорохова.

Так оно и случилось. После встречи с подполковником Николаем Шороховым обе группы стали вновь единым подразделением. После длительного и опасного перехода через магистраль Берлин-Киев, которую тщательно охраняли фашисты, оперативный центр 30 января 1944 года пересек линию фронта и вскоре прибыл на отдых в город Киев.

Оставалось доделать некоторые весьма приятные дела — написать отчет о деятельности в тылу врага, подготовить представления к награждению разведчиков. Собственно, это и сделал Иван Скрипка. Резиденты, разведчики, связные, радисты были удостоены орденов Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, медалей «За отвагу».

## «Вы летите в иностранную армию»

В начале сентября 1944 года с полевого аэродрома в районе населенного пункта Перемышль взлетели два самолета-разведчика «Фокке-Вульф-189». Некогда эти машины верой и правдой служили в фашистской авиации, теперь их пилотировали словацкие летчики. Самолеты старые, давно выработавшие свой ресурс, но, тем не менее, командир словацкой авиационной группы майор Юлиус Трика рекомендовал лететь именно на них. Пассажирами на первом «фоккере» были майор Иван Скрипка-Студенский и радистка Мария Сущева, на втором — еще один радист, старший лейтенант Геннадий Стальной и адъютант Степан Рындин.

Лететь предстояло в Словакию, в район Низких Татр. Однако, чтобы добраться до пункта назначения, стареньким «фоккерам» надо было сначала перевалить через Карпатские хребты, потом пройти над Высокими Татрами, дальше над Низкими, совершив посадку на аэродром под названием «Три дуба».

Немецкие самолеты-разведчики не приспособлены для перевозки пассажиров, и потому Иван Скрипка и его радистка кое-как втиснулись за креслами пилота и штурмана. Так же поступили, погрузившись в другой самолет, и Стальной с Рындиным.

Советское командование в целях безопасности считало необходимым переправку группы Скрипки через линию фронта именно днем. Словацкие же летчики заявили, что немецкие «фоккеры» для этого дела самые безопасные. Если встретят их немцы в воздухе, примут за своих или минимум за союзников. Наше командование согласилось с доводами словаков.

Словом, две машины взлетели и стали набирать высоту. И тут Иван Иванович заметил некое волнение в поведении пилота Юрая Сливки. В чем причина? А причина была проста. Ведомый самолет оказался почему-то выше ведущего. Сливка предпринимал все возможное, чтобы набрать высоту, но самолет не слушался штурвала, а вскоре, клюнув носом, стал скользить к земле. Вскоре он сорвался в штопор и начал стремительно падать.

Говорят, в минуты смертельной опасности перед глазами у гибнущего человека пролетает вся жизнь. У Ивана Скрипки почему-то не пролетела. Он вспомнил только о жене, — с ней расстался еще в июне 1941, и о маленьком сыне Валерке, который родился в октябре того же года и

которого он так и не увидел. А ведь сыну шел уже третий год. «Хотелось бы, очень хотелось посмотреть, обнять, да жаль, не судьба», — только и успел подумать тогда Иван Иванович.

А летчик Юрай Сливка тем временем боролся за самолет. Он вывел его из штопора у самой земли. Это их и спасло. Машина выровнялась, но ей не хватило высоты. Плоскости самолета начали задевать деревья, хвост опустился-самолет рухнул в болото. В момент удара отвалился хвост, моторы сорвались с креплений и улетели вперед на десятки метров.

Пилот Сливка и майор Скрипка пытались открыть фонарь кабины. Он не поддавался. Очнулся штурман. Втроем им удалось-таки взломать кабину.

Вылезли сами, вытащили радистку Машу Суцеву, которая потеряла сознание. К счастью, никто не погиб, ушибы, шишки не в счет.

А на аэродроме их уже посчитали погибшими. Но к месту аварии, как и положено, были посланы санитарные машины.

Они и доставили всех четверых к взлетной полосе, с которой они только что стартовали. Их встречали, как героев, обнимали, целовали. Начальник разведки фронта генерал Ленчик лично поднес по стопке спирта. Это в какой-то мере помогло преодолеть шок.

Через полчаса, когда все немного успокоилось, генерал спросил Скрипку, что, мол, будем делать. «Будем выполнять приказ маршала, — ответил Иван Иванович, — улетим на втором самолете. Остальные члены группы придут позднее, когда представится возможность перебросить их по воздуху».

Ответ генералу понравился. На том и порешили.

Через час новый взлет. На этот раз удачный. Самолет ложится на заданный курс.

«Ну и денек», — подумал про себя Иван Скрипка, поглядывая в иллюминатор.

Он вспомнил, как вчера утром доложил о прибытии начальнику штаба 1-го Украинского фронта генералу армии Соколовскому.

— Маршал Конев хочет направить вас к командующему повстанческой армии в Словакии в качестве офицера связи, — сказал генерал Соколовский. — Вы служили в погранотряде, окончили военное училище, прошли с боями от Равы-Русской до Сталинграда, воевали в тылу врага, прыгали с парашютом, знакомы с чехами и словаками. Так что, думаю, справитесь.

— Поскольку командование так считает, постараюсь выполнить задание, — ответил Скрипка.

— Хорошо. Вам сейчас подготовят необходимые документы, и мы пойдем к командующему фронтом. Жду через час у себя.

Как и было условлено, через час Скрипка вновь оказался у начштаба фронта. Ознакомился с двумя документами — с проектом приказа, в котором указывались задачи группы, обязанности руководителя и подчиненных, а также мандат на его имя. В мандате командующий фронтом просил оказывать офицеру связи всяческое содействие.

Вскоре генералы Соколовский, Ленчик и майор Скрипка были у маршала Конева. Командующий поздоровался со всеми и предложил присесть. Говорил негромко, в основном обращаясь к Скрипке. Рассказал о словацком антифашистском восстании, противостоящих повстанцам эсэсовских частях, а также о формированиях профашистского братиславского правительства.

— Вы разведчик, потому, уверен, в обстановке разберетесь быстро, — словно подводя итог беседе, заключил Конев. — Со словаками и чехами, насколько мне известно, встречались в тылу противника. Поскольку знаете немецкий, украинский языки, освоите и словацкий. Хочу подчеркнуть, вы первым летите в иностранную армию. Ведите себя скромно. Попросят — помогите, пригласят — идите, не зовут — не навязывайтесь. А теперь главное, — маршал сделал акцент на последнем слове. — Я сообщил в Ставку товарищу Сталину свои предложения о необходимости оказать помощь восставшим. Речь идет о наступлении наших войск через Карпаты. Товарищ Сталин согласился с моими доводами и приказал срочно подготовить наступление. При встрече с командующим словацкого восстания передайте ему о решении товарища Сталина, а также о том, что мы увеличим поставки оружия и боеприпасов, а на днях начнем наступление. Вот, пожалуй, и все. Надеемся на вас, товарищ Скрипка. Вопросы есть?

— Да, товарищ маршал, один вопрос. Каковы мои контакты с другими советскими военными представителями, находящимися там?

— Кроме вас никаких представителей Красной Армии в словацком восстании нет. Вы единственный. Поэтому мы и придаем такое большое значение вашей миссии.

— Ясно, товарищ маршал. Больше вопросов нет.

— Тогда желаю удачи, — сказал Конев, пожав на прощание руку.

Вечером того же дня майор Скрипка уже знакомился с офицерами и бойцами своей группы. Ребята, а также девушка были достойные. Радист — старший лейтенант Геннадий Стальной. Опытный, смелый, рассудительный. Всю войну по тылам врага. Один из первых спецов по

связи в соединении известного партизанского командира А. Федорова.

Радистка — Мария Сущева, действовала под псевдонимом Тамара Иванова. Тоже не раз десантировалась в тыл врага. Ее в группу подобрал Стальной.

Четвертый — боец Степан Рындин, назначенный адъютантом Скрипки. Немного непривычно, у майора никогда не было адъютантов. Поначалу он удивился, но ему объяснили: летишь в иностранную армию. Так надо. Ну что ж, надо значит надо. Рындин — умелый разведчик, отличился еще под Шепетовкой, потом служил в штабе фронта. Теперь вот включен в группу Скрипки.

Таким составом на двух самолетах они стартовали с аэродрома Пермьшль. Пока. Иван Иванович вдруг вспомнил вой моторов, падение, сваливание в штопор. Он невольно закрыл глаза, потряс головой, словно отгоняя страшные воспоминания.

«Что было бы с женой, с маленьким сыном, если бы я погиб?» — Скрипка, стараясь не думать об этом, заглянул в иллюминатор. Внизу, в разрывах облаков, виднелись вершины гор. Он знал, жена Паша и сынишка в безопасности, в глубоком тылу, в селе Пономаревка Чкаловской области.

Паша была эвакуирована из Равы-Русской 22 июня 1941 года. Сначала уехала к родственникам на Украину, а когда фашисты стали подходить к тем районам, вместе с его родной сестрой Евдокией уехала в Чкаловскую область. Работала в военном госпитале, теперь заведует медпунктом. Недавно он получил от них весточку и крошечное фото сына.

Из задумчивости его вывел жест летчика Юрая Сливки. Сначала Иван в иллюминатор увидел какую-то тень, а потом справа, снизу, появились два немецких «мессершмитта». Они шли на запад параллельным курсом.

Пока еще не вся Словакия была захвачена восстанием, и фашистские пилоты, к счастью, приняли машину Сливки за союзнический самолет, подошли поближе, приветственно покачали крыльями. Еще бы, плоскости их «Фокке-Вульфа» были наспех покрашены и на них нанесены опознавательные знаки словацкой армии. Но сквозь слой краски явственно проступали черные фашистские кресты.

Словом, встреча с «мессершмиттами» прошла вполне благополучно. А вскоре под крыльями их самолета показались голые каменистые утесы Высоких Татр, а затем и Низких. Сливка прошелся над аэродромом «Три дуба». И тут же с земли раздались залпы выстрелов. Это повстанцы обстреливали ненавистный фашистский самолет.

Как узнал позже майор Скрипка, перед приземлением его группы прилетели фашисты и бомбили взлетную полосу.

И только они улетели восвояси, как в воздухе появился неизвестный «Фокке-Вульф». Повстанцы не были предупреждены о прилете советских офицеров, связь с ними отсутствовала, и, естественно, их приняли за немцев.

Командир корабля Юрай Сливка заходил на посадку второй, третий раз. С земли стреляли. И только на четвертом заходе все стихло. Повстанцы решили понаблюдать, что за настырный фашист сам стремится к ним в лапы. Стрельба прекратилась вовремя, в баках самолета уже заканчивалось топливо.

Через много лет, вспоминая этот эпизод, Иван Иванович Скрипка скажет: «Мы приземлились на полевом аэродроме. Пока самолет бежал по земле, нас все время трясло, казалось, старый «Фокке-Вульф» развалится прямо здесь. Не развалился. Но это был его последний полет. Он так и замер на краю взлетного поля, став своеобразной реликвией».

А к самолету уже бежали повстанцы. И Скрипка даже различал знакомые лица партизанских командиров А. Егорова, Е. Волянского, с которыми встречался еще на Украине.

Увидев разведчиков в советской форме, спустившихся с трапа, партизаны подхватили их на руки и понесли через все летное поле к зданию аэродрома. Было небольшое застолье, рюмка сливовицы, а дальше на машинах, присланных командующим повстанческой армии, Скрипка-Студенский и радист Стальной отправились в столицу восстания — город Банска-Бистрицу.

## «Я молюсь за ваших солдат»

Город встретил их суровой прифронтовой действительностью. На улицах военные машины, повозки, колонны солдат, нестройные ряды новобранцев с вещмешками и чемоданами. Однако уныния или растерянности не чувствовалось. Люди улыбались, шутили, хотя боевая обстановка была крайне сложной. Фашисты старались задушить восстание. Они заняли город Ружомберок, что в 40 километрах от Банска-Бистрицы. На юге шли ожесточенные бои.

Словацкое восстание стало костью в горле фашистов. Отряды повстанцев перерезали тыловые коммуникации гитлеровской армии. Но более всего, что приводило в бешенство Гитлера, это яркий заразительный пример словаков, которые посмели повернуть оружие против своих бывших грозных союзников.

Генерал СС Готлиб Бергер обещал фюреру, что покончит с восставшими за три-четыре дня. Однако у него ничего не вышло. Да, мощные удары фашистской авиации, артиллерии при поддержке танковых подразделений нередко ставили партизан в сложное положение. Но борьба продолжалась.

Машины, на которых ехали посланцы маршала Конева, остановились у штаба первой повстанческой армии. Встречать их вышел сам командующий подполковник Ян Голиан. На вид ему было около 40 лет, стройный, подтянутый, улыбающийся.

У этого офицера не простая судьба. До недавнего времени он служил в штабе сухопутных войск словацкой армии. Но теперь призвал армию повернуть оружие против фашистов и объявил частичную мобилизацию.

Скрипка-Студенский представился командующему и передал слова маршала Конева.

— Мы рады приветствовать первого посланца героической Красной Армии, которая откликнулась на зов нашего восстания, — сказал Голиан.

С этого взаимного приветствия и началась работа. Майор Скрипка рассказал о цели и задачах своей группы, командующий ввел его в обстановку. Голиан говорил на словацком языке, и Скрипка поймал себя на мысли, что вполне понимает подполковника.

После этого было знакомство с начальником штаба повстанческой армии майором Юлиусом Носко. Чувствовалось, на плечах начштаба лежит тяжесть всех боевых забот, и потому он выглядел усталым.

Голиан поручил майору Носко своевременно снабжать группу Скрипки сводками разведывательной и оперативной обстановки и оказывать всяческую помощь.

В этот день майор Скрипка отправил свою первую радиограмму маршалу Коневу. Связь между руководителем повстанческой словацкой армии и руководством 1-го Украинского фронта была установлена. Казалось бы, все обстоит самым лучшим образом. Однако Иван Иванович воевал не первый день и помнил старую русскую поговорку: «Жалует царь, да не жалует псарь». Так оно, собственно, и вышло. Если командующий и начштаба приняли его радушно и по-доброму, то, например, исполняющий обязанности начальника оперативного отделения майор Вишневский, судя по всему, был не очень рад появлению в их резиденции советского офицера.

Холодно встретил Ивана Ивановича и его коллега — офицер связи эмигрантского правительства в Лондоне Ярослав Кроткий. Таким образом, с первого дня пребывания Скрипка на практике убедился в сложности и противоречивости обстановки не только в войсках, но даже здесь, в штабе восстания. Так без раскачки началось вращение Скрипки в армейский коллектив коллег словаков, с которыми ему предстояло работать.

Однако он и не подозревал, что значит быть первым и единственным представителем Красной Армии. Его обязанности расширялись с каждым днем. Иван Иванович был и офицером связи командующего 1-м Украинским фронтом, и дипломатом, и авиационным инженером. Кроме того, естественно, он оставался офицером разведки.

Напомним, группа Скрипки высадилась на аэродроме «Три дуба» 6 сентября 1944 года. Этот день ушел на представление командующему, знакомство с офицерами штаба, а уже в два часа ночи 7 сентября ему позвонил Голиан. Оказывается, советского представителя желал видеть сопредседатель словацкого национального совета (СНС) Кароль Шмидке. Он только что возвратился из Москвы и ждал Скрипку у себя в шесть утра.

Разумеется, Иван Иванович доложил, что будет в назначенный час, хотя в этот день он собирался с Голианом выехать на фронт в действующую армию. Поездку пришлось перенести на более поздний срок.

Поспать в ту ночь так и не удалось. Стал думать о встрече с совершенно незнакомым государственным и партийным деятелем Каролем Шмидке, о чем ему доложить, какие вопросы он задаст, сможет ли на них ответить майор Красной Армии, ведь он не дипломат и не политик. Но в пять утра он уже был на ногах, начистил обувь, подшил свежий подворотничок к гимнастерке, побрился. Автомобиль, который выделил

ему Голиан, уже стоял у подъезда. Шмидке ждал Скрипку в здании Центрального комитета компартии Словакии, которое располагалось недалеко от штаба армии.

Несколько минут езды, и он уже в кабинете Шмидке. Разговор длился полтора часа. Шмидке рассказал много полезного, например, о характере восстания, о политических силах, о месте армии и партизанского движения, о роли коммунистов в антифашистском выступлении словаков. Беседа получилась весьма познавательной.

Через несколько дней после их встречи Кароль Шмидке возглавит главный штаб партизанского движения Словакии.

А в 9 утра Иван Скрипка и командующий Ян Голиан выехали в войска. В первые дни пребывания в Банска-Бистрице майор размышлял: надо ли ему мотаться по фронтам? И вскоре пришел к выводу что надо, иначе как он будет уверен в тех данных, которые сообщает в штаб фронта? Тем более маршал Конев напутствовал: зовут — иди. А его звали.

В этот день они поехали по горным дорогам через Гарманец, Вельку, Фату в Турчанскую долину, далее в Святи Мартин и в Прископу.

В Прископе располагался командный пункт северо-западной группировки восставших. Их встретили командир группировки подполковник Эмиль Перко и его заместитель Илья Деретич. Они доложили о том, что против карателей дивизии СС «Татра» ведут упорные бои подразделения партизанских бригад Штефаника и Яношика французского отряда. Солдаты и партизаны воюют хорошо, но преимущество противника большое — у них танки, артиллерия, авиация.

Выслушав командиров, Ян Голиан сказал:

— Хочу увидеться с Петром Величко. В чем нуждается его бригада? Вскоре прибыл Величко.

— Потери в последнем бою: 29 убитых, 41 раненый, — доложил он. — Бойцы сражаются героически. Артиллерийским огнем нам помогает майор Доброводский, а вот с авиацией и танками совсем плохо. У эсэсовцев сотни новейших танков. Однако мы применяем зажигательные бутылки. Смельчаки есть, хотя их немного.

— Понимаю, — сказал Голиан, — против вас воюют опытные каратели с отличным вооружением. Но надо держаться, чтобы не пропустить врагов к сердцу восстания.

— Делаем все, что можем, но противник значительно сильнее, а главное — он имеет силы, чтобы обойти нас с незащищенных флангов.

— Давайте помозгуем, что предпринять.

Голиан, Величко, Перко и Деретич склонились над картой. Скрипка

слушал, но не вмешивался, да к тому же эти опытные командиры обходились и без него. В конце концов пришли к выводу: надо выравнять линию фронта.

На обратном пути Голиан молчал, думая о чем-то своем, потом спросил:

— А как у вас на фронте командование срочно принимает решения, если в этом есть необходимость?

— У каждого командующего свой подход. Маршал Жуков, например, почти всегда выезжает в войска, другие надеются на подчиненные штабы.

З Для меня ближе творческий подход маршала Жукова и его последователей, — закончил Голиан.

Дорога петляла в горах, и командующий не упустил возможности подробнее ознакомить Скрипку с боевой обстановкой.

— Смотрите, — указал он налево, — вон видна деревенька Склабина, здесь стоял штаб бригады имени Штефаника, которой командует Величко. Она разрослась до двух бригад. Второй теперь руководит словак Вильям Жингор.

На востоке действует бригада имени Чапаева, которая состоит из советских и словацких партизан. У нас воюют около трех тысяч бывших советских военнопленных.

Перед подъездом к Банска-Бистрице Голиан напомнил: «Передайте маршалу Коневу о нашей крайней нужде, необходимо подразделение опытных воинов и нескольких самолетов». Однако командующий 1-м Украинским фронтом не забывал о словацком восстании. Не успел Скрипка переступить порог их кабинета, как радист Стальной передал ему радиограмму: маршал просил сообщить запасы авиационного бензина и его качество у восставших.

Количества топлива оказалось достаточным, но качество предстояло проверить. Для этого надо было пробы топлива переправить в штаб фронта. Кому заниматься проблемой? Разумеется, офицеру по связи Скрипке. Больше никому.

Вечером Иван Иванович с тревогой прочитал боевые сводки: обстановка на Западном и Северо-Западном фронтах осложнилась. Фашисты активизировали свои действия.

На следующий день командующий Ян Голиан и Иван Скрипка выехали на аэродром «Три дуба». Начальник аэродрома капитан Бело Кубица доложил: ночью советские военные самолеты сбросили 160 мешков с оружием и боеприпасами. Голиан тут же распорядился вызвать автотранспорт и, согласно расчету штаба, отправить «посылки» в отряды и

бригады.

Прибыл начальник ГСМ авиации. Он доложил, что горючего на аэродроме «Три дуба» 400 тонн и на полевом аэродроме в районе Брезно 100 тонн.

После возвращения из поездки Скрипка отправил в штаб фронта радиограмму: «Авиабензина в наличии 500 тонн. Октановое число невысокое. Пробы вышлю при ближайшей возможности. Сомов».

Вечером из штаба фронта получил радостное сообщение: «Прошу сообщить руководству восстания, что 8 сентября началась крупномасштабная наступательная операция советских войск через Карпаты на помощь словацкому народному восстанию. Желаю успехов в боевых действиях. Конев».

Было 23 часа, но Скрипка незамедлительно позвонил Голиану и доложил о содержании радиограммы:

— Это для нас историческое событие, — сказал командующий.

В полночь пришла новая радиограмма: «Просим утром и вечером сообщать в штаб фронта состояние погоды в центральной Словакии для нашей авиации».

«Так, — подумал про себя Скрипка, — дипломатом уже был, вел переговоры со Шмидке, специалистом ГСМ тоже, теперь предстояло поработать метеорологом». Стали думать, прикидывать с Геннадием Стальным, как определить состояние погоды. Метеорологических познаний было явно маловато. Дождь от ясной погоды они, конечно, могли отличить, но направление ветра, его силу, высоту нижней кромки облачности — это вряд ли. Может, словаки помогут? Но есть ли у них военная метеослужба? Оказалось, есть такая служба. Позвонили туда, объяснили ситуацию. К счастью, попали на настоящих, понимающих офицеров. Они дали слово: по запросу подпоручика Стального будут давать прогноз погоды утром и вечером, разумеется, и на ближайшую ночь.

После разрешения метеопроблемы Скрипка сел за изучение сводок. Каждую ночь аэродром «Три дуба» принимал мешки с оружием. Периодически высаживались советские и чехословацкие группы военнослужащих от Украинского штаба партизанского движения, от разведотделов и партизанских отделов 1-го, 2-го и 4-го фронтов.

Утром 9 сентября Скрипке доложили: к нему на прием лично просится некий югослав, профессор, доктор теологии. Ожидая теолога, майор терялся в догадках, что от него хочет священнослужитель и чем он ему может быть полезен.

Священник-католик оказался поверенным в делах Папы Римского на

Балканах. Представился он как Колокович.

«Только поверенных Папы Римского мне и не хватало», — мелькнула мысль. Однако он внимательно выслушал священника. Оказалось, тот хотел на самолете попасть в Советский Союз, обратился на аэродром «Три дуба», а там порекомендовали встретиться с майором Студенским.

— Права пропуска в Советский Союз я не имею. Но доложу о вас своему командованию. Для этого надо подождать несколько дней.

Колокович согласился. Встреча с профессором теологии оставила двойственное впечатление. Хотя священник и утверждал, что является участником антифашистского движения в Югославии, у него большие связи в католическом мире и он мог бы оказаться полезен воюющему Советскому Союзу, Скрипка показалось, что Колокович не совсем искренен и чего-то недоговаривает.

Тем не менее Иван Иванович сдержал данное слово и доложил о профессоре в штаб фронта. Не успел Скрипка завершить встречу с Колоковичем, позвонил Голиан:

— Пан майор, у меня находится делегация словацкого национального совета, прошу разрешения зайти к вам.

Откровенно говоря, за эти несколько дней Иван Иванович начал привыкать к различным гостям, но такая высокопоставленная делегация. Как тут не разволноваться?

Но волнуйся, не волнуйся, а гостей надо принимать. Встречал у входа. Представлялся, знакомился с каждым. К нему в тот день пожаловали сопредседатель совета, чехословацкий деятель, министр Вавро Шробар, члены совета Ян Урсини, Густав Гусак и Ян Голиан. С ними был переводчик Игорь Дакснер.

Все разместились за большим столом. В комнату вошла переводчица с подносом. На нем — бутылка словацкой боровички и рюмочки. Это Скрипку, у которого пока не было «представительских запасов», выручил Голиан.

Наполнили рюмки. От имени совета выступил самый молодой — Густав Гусак.

— Уважаемый пан майор! Мы уполномочены передать братскую благодарность руководству Советских Вооруженных Сил и особенно маршалу Коневу за помощь словацкому восстанию. Желаем успеха вашим войскам!

Скрипка ответил, что передаст пожелания маршалу Коневу. Поговорили о борьбе против фашистов, о советской помощи и стали прощаться.

На следующий день пришла радиogramма без подписи. Было ясно, она из разведуправления штаба фронта: «Установите связь с командиром отряда Воробьевым и помогите его радистам наладить прерванную радиосвязь. Выполнение донесите».

«Ну, что ж, — усмехнулся Иван Скрипка, — теперь у него такая жизнь. Вчера принимал высокопоставленную иностранную делегацию, а сегодня его опустили с небес на землю. Пора поработать наладчиком радиосвязи».

Сразу чувствовалось: писал свой, знающий, что Стальной может отремонтировать любую радиостанцию. Однако Скрипка понимал и другое: он не может отправить своего радиста в отдаленный район, где находился партизанский отряд. Значит, надо ехать самому. Надо, значит надо. Поехал в Модры Камень, забрал с собой радистку Валю Улитину, которая не сумела справиться с капризной радиостанцией, доставил ее в Банска-Бистрицу. За ночь Геннадий Стальной отремонтировал станцию. На этой же станции доложил в центр о том, что связь восстановлена. А Валю утром отправили обратно в отряд.

13 сентября на аэродром «Три дуба» прилетели остальные члены команды Скрипки — радистка Мария Сущева и адъютант Степан Рындин. Со словацким летчиком, который доставил Сущеву и Рындина, Скрипка отправил пробы местного авиабензина для определения его октанового числа.

На аэродром прибывали новые группы партизан. Через горы в Словакию пробивались отряды под командованием В. Карасева, И. Шукаева, Л. Беренштейна, В. Квитинского.

В этот же день из Киева возвратилась делегация повстанческой армии. Она прибыла с рекомендациями создать в Словакии главный штаб партизанского движения. Случилось и еще одно событие — командующему повстанческой армией Яну Голиану было присвоено звание бригадного генерала. Маршал Конев поздравил Голиана и сообщил: «Сегодня наступающие части Красной Армии перешли словацкую границу северовосточнее Зборов и продолжают дальнейшее продвижение в глубь Словакии».

Майор Иван Скрипка в задумчивости смотрел на карту Словакии. Вроде надо радоваться телеграмме маршала, только где Зборов, а где Банска-Бистрица. В мирное время рукой подать, а сейчас попробуй пробейся, прогрызись через боевые порядки немцев, через их укрепления. Уж он-то знает, как фашисты умеют обороняться.

А тут еще сообщения, словно вдогонку тяжелым мыслям, — пали населенные пункты Превидза и Дильни Кубин. Власовцы и горные стрелки

дивизии «Эдельвейс» усердствуют.

15 сентября Скрипка получил радиограмму: «Попросите генерала Голиана подготовить место для приема просимых им самолетов. 16 или 17 сентября встречайте представителя дальней авиации полковника Чирскова с группой обеспечения воздушного моста. Предварительно подготовьте место для размещения группы и приводной радиостанции». Подписал радиограмму начальник разведки фронта генерал Ленчик.

Задача ясна, надо действовать. Иван Иванович первым делом отправился к начальнику авиагруппы майору Йозефу Тоту. Не раскрывая суть телеграммы, попытался разобраться в проблеме. Спросил: если прилетят советские самолеты, где будете их принимать?

— Смотря какие самолеты, — ответил Тот. — Если транспортные, на аэродроме «Три дуба». Есть еще площадка в Брезно, но она маловата. Для истребителей готовим новый полевой аэродром в районе села Зольна.

— Понятно. А приводную радиостанцию, ежели пришлют, где лучше разместить?

— Мы свою размещаем в Звольне. Наши самолеты заходят для посадки с юга на север, да и ваши так же делают. По-другому у нас и не получится.

— А можно приводную станцию разместить на этой же линии, но ближе к аэродрому?

— Можно. Но не ближе села Гайники. Оно южнее аэродрома. Дальше только поле, никаких строений нет.

Скрипка поблагодарил начальника авиагруппы. После разговора с ним кое-что прояснилось. Он дождался генерала Голиана и изложил суть проблемы.

— Группу полковника Чирскова разместим, а вот станцию предлагаю поставить в Звольне, там, где располагается и наша приводная, — предложил командующий повстанческой армией.

Пришлось не согласиться. Объяснил, что советские специалисты на фронте привыкли приводные станции размещать на самом ближайшем расстоянии от себя. Где воюем, там и станцию ставим.

Генерал улыбнулся:

— Фронтовой закон и для нас закон. Могу предложить санаторий Слиач, это в километре от «Трех дубов».

— Простите, господин генерал, Слиач тоже не подойдет. Надо, чтобы станция была на линии захода самолетов для посадки.

— Тогда поехали на аэродром. На месте разберемся. Майору Скрипке стало неловко. Сам командующий должен выбрать место для установки

станции.

— Разрешите, я поеду один, господин генерал, — попросил Иван Иванович, — у вас и своих дел невпроворот.

Голиан согласился. И Скрипка выехал в село Гайники. Все посмотрел, оценил, прикинул. Понравился ему костел с просторными постройками. Позвонил генералу, узнать насчет священника. Голиан дал самую лучшую характеристику святому отцу: «Это наш человек, активист подполья». Священник и действительно все понял с полуслова.

— Вы единственная страна, помогающая нашему восставшему народу. Я молюсь за ваших солдат и наших повстанцев и сделаю все, что в моих силах, — сказал он.

Договорились, что отче разместит у себя группу Чирскова, там же поставят и приводную радиостанцию.

Вышло, что этот день у майора Скрипки получился полностью авиационным.

Не успел он возвратиться в Банска-Бистрицу, как Голиан предложил выехать в село Зольна, посмотреть, как строится новый полевой аэродром. Поехали. Работы шли полным ходом. Солдаты заканчивали строительство взлетно-посадочной полосы.

Скрипка видел, как угрюм и задумчив генерал Голиан. Обстановка на фронте ухудшалась с каждым днем. Немцы господствовали в воздухе, бомбили города и села, передний край повстанцев, подъездные дороги.

Фашисты рвались в направлении села Мартин и в Турчанскую долину. «Как их остановить?» — думал Голиан, думал штаб. Майор Носко предложил нанести отвлекающий удар на другом участке фронта. Вскоре такой участок был определен — это восточная сторона, где действует тактическая группа полковника М. Ширица, которая защищает подходы к Гронской долине.

Узнав об этом, Скрипка подумал: «Значит, скоро выезд на этот участок». И не ошибся. Голиан при очередной встрече предложил:

— Поедем, пан майор, в Терлгарт, посмотрим, как воюет «железный капитан» Ян Станек. Он в прошлом начальник разведки братиславского Министерства обороны, перешедший на сторону восставших. Воюет умело и смело. Вместе с партизанскими бригадами не пускает фашистов в Гронскую долину.

Пока ехали к Станеку, командующий рассказал Скрипке, что разведчики повстанческой армии перехватили распоряжение заместителя Гитлера — Франка — расстреливать всякого, кто, нарушая словацкую границу, придет на помощь восставшим.

— Меня беспокоит противник, — сказал Голиан, — фашисты наседают и с запада, и с севера, и с востока. Тихо пока только на юге, на венгерской границе. Но это тоже ненадолго. Правительство Венгрии выдвинуло против советского фронта две дивизии.

В Телгарте командующий провел совещание командиров. На нем присутствовали капитан Ян Станек, начштаба сектора, Ян Новак, командир партизанской бригады Эрнест Биелик, начальник штаба Егорова А. Ржецкий, командиры подразделений Мартин Кучера и Ян Фртус. Говорили о наступлении.

В штаб генерал Голиан и майор Скрипка возвратились поздно ночью. Командующий сказал, что завтра прилетает англо-американская миссия, предложил приехать, познакомиться.

Стальной доставил несколько радиogramм. Две из них весьма важные: первая — о прилете на аэродром «Три дуба» чехословацкого истребительного полка и вторая — о прибытии ночью группы полковника Чирскова.

Судя по всему, на завтра опять складывался авиационный день.

Утром точно в расчетное время над аэродромом «Три дуба» появились американские самолеты: две «летающие крепости» «Либерейтор» и истребители «Мустанг». «Крепости» приземлились, истребители остались в воздухе для прикрытия.

Жорж Крайгер, полковник из 15-го авиакорпуса, доставил американскую военную миссию в составе шести человек. Возглавлял миссию капитан Хольт Грин.

Полковник Крайгер очень спешил, от приглашения отобедать отказался и быстро улетел.

Через три часа прилетел чехословацкий истребительный полк на советских самолетах Ла-5. Командовал полком штабной капитан Франтишек Файтл. Все они прежде пилотировали английские машины, потом переучивались в Москве, пересели на «Лавочкины».

Файтл доложил Скрипке о результатах анализов бензина. Октановое число было действительно занижено, и советское командование решило десантировать на «Три дуба» емкости с жидкостью, которая улучшит качество топлива.

Без длительной подготовки полк уже следующим утром нанес неожиданный удар по немецкому аэродрому в Печанах. Знатный был удар. Немцы, привыкшие безраздельно хозяйничать в воздухе, были в растерянности. Чехословацкие летчики уничтожили десять фашистских самолетов и столько же подбили. Фашисты на время прекратили полеты,

пытаясь выяснить, кем и откуда был нанесен удар.

А ночью на аэродроме зажгли партизанский сигнал — конверт из пяти костров. Первый же самолет приземлился удачно. Он развернулся и подъехал к аэродромному зданию, остановился. Летчик выключил мотор. Открылась дверь. В ее проеме стоял человек в кожанке, за спиной у него — автоматчики. Скрипка представился:

— Офицер связи 1-го Украинского фронта майор Студенский.

— Полковник Чирсков. Мы еще вчера ночью прилетали, но сигналов не было. Улетели. А как же ты сюда добрался, майор?

— На словацком самолете от маршала Конева, — ответил Иван Иванович. — Держу связь со штабом фронта. Получил приказ о вашем прилете. Подобрал место для обустройства группы и развертывания приводной радиостанции. Что касается отсутствия сигналов вчера, то вечером немцы сильно бомбили аэродром. Воронки вокруг были. Едва успели восстановить полосу.

Ехать сразу в Банска-Бистрицу полковник Чирсков отказался, решил для начала осмотреть аэродром, определить объем работ. После рекогносцировки двинулись в столицу восстания. Скрипка представил подполковника дальней авиации Красной Армии генералу Голиану. После знакомства разговор пошел по-деловому. Чирсков попросил для проведения работ на аэродроме людей, фонари, несколько машин со щебнем, трамбовки и другой инвентарь.

Голиан обещал свою помощь.

Вечером того же дня после проведенных работ полковник Чирсков отправил на Большую землю радиограмму о том, что аэродром «Три дуба» готов к приему самолетов. Не успел радист передать последнюю группу знаков, как над аэродромом зависла «рама» — самолет-разведчик, а следом за ним пришла девятка фашистских бомбардировщиков. Они обильно посыпали взлетнопосадочную полосу бомбами. Чирсков и Скрипка не на шутку взволновались. Радиограмма ушла, и наши самолеты могли вскоре вылететь. Пришлось все начинать заново. Словаки понимали важность задачи, работали дружно, азартно и к прилету самолетов успели восстановить полосу.

Вскоре услышали гул родных самолетов. Радиостанция приняла условный сигнал: «Свой. Прошу разрешения на посадку».

Машины садились, быстро разгружались словацкими солдатами и без задержки вылетали обратно. Так начал действовать «воздушный мост». Теперь каждую ночь аэродром «Три дуба» принимал советские самолеты. В первую ночь военные грузы доставили 106 машин, в последующую неделю

по 60 транспортных самолетов в темное время суток садились и поднимались с ВПП аэродрома «Три дуба».

На восставшую территорию доставлялось не только оружие, боеприпасы, медикаменты, продовольствие, но что особенно важно — партизанские, организаторские группы. Они были небольшими по составу, но комплектовались опытными бойцами и командирами. Так, группа подполковника И. Диброва насчитывала 21 человека, В. Козлова — 12 военнослужащих, А. Садиленко — 39. Но вскоре они пополнялись местными партизанами и разворачивались в отряды, а потом и в бригады. И становились серьезной силой в боях с фашистами.

Обстановка была весьма противоречивой. С советско-германского фронта поступали радостные известия: наступающие части Красной Армии освободили первый населенный пункт на словацкой земле, назывался он Калинов. И в то же время пришло сообщение: немцы взяли город Мартин. Командование повстанческой армии было вынуждено отдать приказ об отводе своих войск из долины.

25 сентября 1944 года началась авиационная переброска в Словакию 2-й чехословацкой десантной бригады, которой руководил полковник Владимир Пршикрыл. Прежде десантники воевали в составе войск 38-й армии генерала Москаленко.

Аэродром работал с максимальным напряжением. Порою самолеты садились с интервалом в одну минуту. Такая нагрузка стала серьезным испытанием для всей аэродромной службы.

Как правило, эти ночи майор Иван Скрипка проводил на аэродроме, рядом с полковником Чирсковым.

В последних числах сентября из Киева прилетели полковник Алексей Асманов, советник по партизанским действиям, а также представители московского чехословацкого руководства — Ян Шверма, Рудольф Сланский и Марек Чулем.

Однако если в сентябре было тихо, ясно, как говорят пилоты, стояла летная погода, то в октябре зарядили дожди, туманы. «Воздушный мост» стал работать с перебоями.

Теперь каждый полет советского самолета в таких условиях был сродни подвигу.

Три года, проведенные на войне, в разведке, научили Ивана Ивановича умело анализировать обстановку. Вот и теперь его как никогда стало беспокоить южное, пока вроде бы спокойное направление. Опыт, а может, интуиция подсказывали ему, что немцы вскоре ударят с юга. Скрипка поделился своими соображениями с начштаба Коско, командующим

Голианом. Оказалось, их мнения совпали. Южное направление вызывало тревогу и у руководства повстанческой армии. Туда были переброшены партизанские бригады Величко, Карасева, нацелены подразделения Козлова.

Вскоре их прогнозы оправдались. Фашисты ударили с юга. Готовые к бою партизанские бригады задержали продвижение гитлеровцев.

В начале октября на аэродром «Три дуба» прилетела делегация во главе с министром эмигрантского лондонского правительства Франтишеком Немцем. В ее состав входил и генерал дивизии Рудольф Виест. Он вступил в командование повстанческой армией и назначил генерала Голиана своим заместителем.

А обстановка тем временем продолжала ухудшаться. По данным разведки, с 18 октября, чтобы задушить словацкое восстание, гитлеровцы усилили свою группировку. Теперь против повстанцев воевали не четыре, а девять фашистских дивизий.

24 октября передовые части карателей уже прорвались к Зволену. А это означало, что они уже находились в пяти километрах от аэродрома «Три дуба» и в трех от базы полковника Чирскова в селе Гайники.

Ночью на самолете А. Васильева был увезен во Львов золотой запас восстания, а также наиболее ценные секретные документы. Последним самолетом на Большую землю улетел и полковник Чирсков со своими людьми.

Скрипка за эти недели сдружился с Чирсковым. Попрощались они тепло. Полковник обещал передать жене Полине, которая уже перебралась в Москву, маленькую посылочку. Главное, что теперь она из первых рук узнает, что муж ее жив и здоров.

Самолеты улетели, а майор Скрипка остался с повстанцами. Завершилась работа «воздушного моста». За неполных два месяца советские пилоты перевезли 1750 бойцов и командиров из 2-й чехословацкой десантной бригады, более 1200 партизан, около 400 тонн оружия и боеприпасов, 350 тонн авиационного бензина, правительственную делегацию из Лондона.

С территории восстания на Большую землю были вывезены 800 раненых военнослужащих, 250 словацких летчиков для переподготовки их в Советском Союзе, правительственные делегации, семьи руководящего состава СНС.

Утром 25 октября руководители американской и английской военных миссий капитан Джейм Грини майор Джон Сагмер просили Скрипку отправить в Союз летчиков, сбитых над территорией Словакии. Но, увы,

такой возможности уже не было. «Воздушный мост» был закрыт.

Через 30 лет американский военный атташе расскажет Ивану Скрипке, что в военно-учебных заведениях США изучают операцию «Воздушный мост» как образцовую. Что ж, хоть там, в Штатах, не забыт наш боевой опыт.

## Навстречу своей судьбе

Фронт приближался к столице восстания. Пали Брезно и Зволен. Фашистские дивизии наступали на Банска-Бистрицу. В штабе повстанческой армии слышалась артиллерийская канонада.

27 октября гитлеровская авиация нанесла удар по городу, по колоннам беженцев, которые пытались покинуть Банска-Бистрицу. Было много жертв. По обочинам дорог, ведущих в горы, стояли разбитые, сожженные автомашины, повозки, телеги.

За день до фашистского налета Кароль Шмидке и полковник Алексей Асмолов вместе с радиоузлом штаба партизанских отрядов покинули Банска-Бистрицу и вышли в район населенного пункта Турецка, а потом и дальше — в Низкие Татры, в село Доновалы.

На всем пути повстанцев преследовали фашистские стервятники. Они постоянно бомбили, обстреливали партизанские колонны, беженцев.

В некоторых местах немецкие самолеты встречал огонь зенитных средств словаков. Но этих установок было слишком мало, чтобы бороться с десятками самолетов.

Повстанцам помогали родные горы. Узкая долина среди скал, склоны, поросшие лесом, хорошо скрывали людей и не давали фашистам вести прицельную бомбежку.

Однако война есть война. И на войне бывает всякое. На некоторых участках фронта под ударами фашистской авиации началась паника. Повстанческие войска бежали. Командир 1-й тактической группы полковник Тлах со своим штабом вышел в село Турецка. Доложил, что немцы прорвали фронт, его бойцы разбегаются. Как запишет в своем дневнике начальник оперативного отдела капитан Кухта: «По поведению Тлаха было видно, что он раздумывает, куда бежать дальше».

Руководство главного штаба партизанских отрядов в это время находилось в бригаде А. Егорова. Комбриг Егоров предлагает полковнику Асмолову уходить через Доновалы на его запасную базу на высоте 1648.

По дороге та же картина: отходящие группы повстанцев, повозки, медленно ползущие в горы, несколько танков, а немцы тем временем все бомбят и бомбят.

С приходом Асмолова и его людей в Доновалах собралось все руководство повстанческой армии и партизанских отрядов. На совместном совещании генералов Виеста, Голиана, а также Шмидке, Швермы, Гусака,

Сланского, Асмолова было принято решение — рано утром 28 октября все подразделения уходят в горы.

В 6 часов утра, еще затемно, армейские колонны двинулись в направлении Козий Хребет — Хабенец — Дюмбиер. В этих колоннах — танкисты, американские и английские летчики, сбитые в боях под Словакией, офицеры и солдаты повстанческой армии.

В долинах лежал туман, постоянно шел дождь со снегом. Погода была мерзкая, но она спасала от немецких бомбежек.

Вместе с отступающими шел и майор Скрипка-Студенский со своей группой. Накануне ему пришлось уничтожить большую, громоздкую радиостанцию А-1Д, с собой взять стрелковое оружие, продовольствие, боеприпасы, а также агентурную станцию «Север». Как и положено офицеру связи, Скрипка находился в одной колонне с генералом Голианом. Перед входом в лес они остановились вместе. Мимо них шли усталые, с опущенными головами повстанцы. Голиан молчал, потом подался всем телом к Скрипке и тихо заговорил:

— Командующий решил идти к вершине Низких Татр, потом свернуть на юг и через реку Грон двигаться на Поляну.

Скрипка, услышав такое, удивленно посмотрел на генерала.

— Он почему-то считает, что там находятся основные силы армии. Какие силы? Голиан пожал плечами и тяжело вздохнул:

— Я не согласен с ним. На этом пути нас на каждом шагу ждут немцы, все переправы охраняются. Но я его заместитель и должен идти за ним.

Генерал снова умолк, глядя куда-то вниз, в горный распадок. Скрипка знал обстановку на фронте, где находятся части и подразделения повстанцев, и понимал Голиана. Действительно, о каких силах ведет речь Виест? Было ясно, он ведет своих людей на погибель. Неужели не понимает? Странно.

Голиан прервал молчание:

— Я хочу попросить вас, пан майор. Переговорите с командующим. Может, удастся его переубедить.

— Хорошо, — согласился Скрипка. — Когда будет привал?

— Остановимся, видимо, за Козьим Хребтом, — ответил генерал.

Майор Скрипка знал, что командующий находится в голове колонны. Охрана несла его на носилках. Сам он ходить не мог, страдал радикулитом. Скрипка размышлял, когда удобнее подойти к Виесту. Важно было и другое: как сказать, что генерал ошибается? Сделать это непросто. Он всего лишь майор. Офицер связи станет советовать, как поступать командующему? Да кто он, собственно, такой?.

Пока Скрипка обдумывал, взвешивал, откуда-то из южной части леса застрочили автоматы. Немцы, по звуку определил он. Наши не отвечали. После короткой паузы снова обстрел. На этот раз фашистам ответили бойцы из десантной бригады, прикрывающие отход штаба.

Дул холодный ветер с дождем и снегом, пробирал до костей. Скрипка вспомнил свою теплую фронтową шинель. Как жаль, что он не взял ее с собой, натянул кожаное словацкое офицерское пальто и теперь сильно мерз.

«Надо подойти к порученцу командующего Михаилу Пьетро», — решил Скрипка. С Михаилом они знакомы давно. Иван Иванович еще действовал на Украине и, улетая с аэродрома соединения Сабурова в Москву, встретился случайно с командой Яна Налепко, в состав которой входил и Пьетро.

Михаил — врач, служил в чехословацкой миссии в Москве и был назначен порученцем к Виесту, когда тот через Советский Союз прибыл в Словакию.

К горе Козий Хребет идет одна горная тропа. Слева — отвесная скала, справа — пропасть. Под ногами хлябь, скользота. Радистка Тамара Суцева вела под уздцы лошадь. На тропе лошадь поехала вниз, едва не утащив с собой радистку. Суцева была опытным специалистом и поэтому станцию несла на себе, через плечо. Перегрузи она сумку на лошадь, и группа Скрипки лишилась бы связи.

Повстанцы карабкались в горы, а сзади них гремели и гремели выстрелы. Фашистские каратели вместе с власовцами шли по пятам. С огромным трудом штабная колонна поднялась на гору Козий Хребет. Объявили привал. Бойцы, сбившись в группы, измотанные, замерзшие, отдохали. В отдалении Скрипка видел генерала Голиана, дальше со своими штабными офицерами сидел майор Носко.

Он так и не решил, стоит ли идти ему к командующему. Как воспримет Виест вмешательство советского майора?

«И все-таки следует идти, — решил Иван Иванович, — как бы это ни воспринял командующий. Он тоже командир, ответственен за жизни своих людей и потому хочет знать, куда идут, что их ждет».

Майор решительно шагнул к генералу Виесту. Командующий был бледен и мрачен. Но увидев Скрипку, пригласил его перекусить, поддержать силы. Они съели по кусочку шоколада, и Иван Иванович начал разговор, спросил о дальнейших действиях.

— Вопрос своевременный, — сказал Виест, — я и сам собирался с вами поговорить, да все недосуг.

Генерал замолчал, словно собираясь с силами, потом заговорил

медленно и глухо:

— Сейчас мы идем к неминуемой смерти. Фашисты будут преследовать нас по пятам, пока не уничтожат. Есть данные, что немцы сосредоточили большие силы именно здесь, в Низких Татрах. А наши основные силы на Поляне. Выходит, все мои войска там, аяс небольшими подразделениями здесь.

— Прошу простить меня, господин генерал, — ответил Скрипка, — но вы же понимаете, что ждет вас на пути в Поляну.

Виест утвердительно покачал головой: мол, понимаю. Однако майора не удовлетворило это покачивание, он решил подкрепить свой вопрос вескими, как казалось ему, аргументами.

— Все села, городки по реке захвачены немцами. Естественно, особенно тщательно ими охраняются мосты, переправы. Это же ловушка. Почему они сейчас палят сзади, не прекращая? Чтобы выдавить нас из Низких Татр. Здесь, в горах, зимой им воевать с нами тяжело, опасно. Значит, повстанческим частям надо объединиться с партизанами в единую силу и воевать.

— Какие партизаны? Единого управления нет, есть только разрозненные отдельные отряды. Янис кем не могу связаться по радио, даже с командиром десантников, которые прикрывают наш отход.

Политическое руководство в Дановалах приняло решение уходить в подполье. Но нам уходить некуда, я же не могу бросить войска. Не могу оставаться с одним батальоном, если рядом меня ожидают полки.

Скрипка еще раз попытался разубедить Виеста. Но тот лишь коротко бросил:

— Нет. Не имею права. Решение принято.

Через много лет после войны Иван Иванович Скрипка скажет, вспоминая тот разговор: «Я продолжал убеждать бывшего сановитого генерала, а сейчас побледневшего, согбенного человека. Может, на его роковое решение подействовали суровые условия гор и болезнь? Потому яине хотел соглашаться. Пытался сказать, что он единственный генерал в Словакии, имеющий богатый опыт командования, что он перенес много трудностей и ему верят словаки. Его авторитет как командующего не пошатнется, если он останется здесь и будет вместе с партизанами руководить борьбой с фашистами».

Но слова Скрипки не встречали понимания. Генерал твердил, что он сам отдал приказ всем идти в Поляну и теперь этот приказ должен быть выполнен.

Вскоре майор понял, переубедить генерала Виеста не удастся.

Оставалось одно.

— Господин генерал, — сказал Скрипка, — мне тяжело об этом говорить, но прошу мою миссию считать завершенной.

Желаю вам удачи. Доложу об обстановке маршалу Коневу. Сам хочу выйти в западные районы Словакии и продолжить борьбу.

Майор возвратился к своей группе и рассказал о беседе с командующим.

Так разошлись их пути. Каждый пошел навстречу своей судьбе.

## Зимние горы — суровые горы

Генералы Виест и Голиан попадут в лапы фашистов и будут казнены в застенках гестапо в начале 1945 года. Иван Скрипка уже в послевоенные годы станет по крупицам собирать материалы о гибели этих двух словацких патриотов.

Рудольф Виест, по национальности словак, проходил службу в чехословацкой армии. Командовал дивизией, которая дислоцировалась в Словакии. В 1939 году выехал за границу. В Лондоне от имени эмиграционного правительства был назначен заместителем министра обороны.

В 1944 году с делегацией лондонского чехословацкого правительства посещает Москву. С началом восстания принимает на себя командование повстанческой армией в Словакии.

Ян Голиан — словак. 24 августа 1944 года поднял восстание, повернул оружие против фашистов и их прислужников из братиславского правительства. До прихода Виеста возглавлял повстанческую армию. Был повышен в звании до бригадного генерала.

Их обоих выследили эсэсовцы. Они окружили сеновал, где уставшие генералы отдыхали, и приказали сдаться. Виеста и Голиана доставили сначала в Банска-Бистрицу, потом в Братиславу.

3 ноября генерал СС Геффле доложил в Берлин: «Живыми пленены военные руководители повстанческого движения генералы Виест и Голиан. Начальник генштаба полковник Пекник был убит. (До восстания Пекник был начальником генштаба словацкой армии.)

Противник понес потери, около 150 убитых и около 2000 пленных».

Душитель чешского и словацкого народов Франк пытался использовать пленение Виеста и Голиана в пропагандистских целях. Обратившись с письмом к Кальтенбруннеру, он предлагал считать Виеста чрезвычайно важным политическим пленным, который располагает секретными сведениями о мероприятиях в лагере противника как в Лондоне, так и в Москве. Франк просил допрос генералов поручить лично ему.

Рейхсфюрер СС Гиммлер не посчитался с мнением Франка. Он приказал пренебречь международными конвенциями и допрашивать Виеста и Голиана как партизан.

Как погибли словацкие антифашисты, доподлинно неизвестно и

дольше. Ивана Ивановича Скрипку многие годы волновал один вопрос: почему опытный генерал Рудольф Виест сделал этот трагический шаг? Погубил себя, своих заместителей, полторы сотни офицеров и солдат, тысячи пленных угодили в фашистские концлагеря.

О том, что Виест ведет своих людей на гибель, понимал Голиан, сам Скрипка, даже разведчики его группы, хотя никто из них не обладал таким военным опытом и знаниями, как командующий повстанческой армией.

Со временем он пришел к выводу: два обстоятельства сыграли роковую роль — болезнь генерала и оглядка на лондонское эмигрантское правительство. Что сказал бы Бенеш, останься Виест в горах вместе с партизанским руководством? Именно поэтому командующий отвергал предложения о переходе армии к партизанской тактике борьбы. Но ведь в истории Второй мировой войны тысячи примеров, когда армейские подразделения, части, исходя из обстановки, переходили к партизанским методам. Главное — нанести наибольший урон врагу.

Сам же майор Иван Скрипка действовал именно так. Простившись с генералами и их штабом на Козьем Хребте, группа советских разведчиков двинулась в направлении горы Прашива.

На первом же привале он послал радиogramму в штаб фронта, рассказал о беседе с генералом Виестом и просил определить его группе дальнейшую боевую задачу, не исключал выхода в западные районы страны.

Далее группа пошла на северо-восток. По дороге встречались бойцы повстанческой армии. Разные бойцы. Одни хотели продолжать борьбу и искали воинские части или партизанские отряды, другие, бросив оружие, спасали свою шкуру в горах. Видели советские разведчики и паникеров, и тех, кто, услышав русскую речь, убежал подальше. Однако были и те, кто просил принять их в группу Скрипки.

Майор к тому времени был опытным разведчиком, потому действовал осторожно, с оглядкой. Брали не всякого. И, тем не менее, скоро их группа уже насчитывала десяток словаков.

А переход оказался тяжелым. Зимние горы — суровые горы. Чтобы выжить и уцелеть, Скрипка вел своих подчиненных не по хоженным дорогам, а по тропинкам, по бездорожью, по откосам Низких Татр.

Однажды на привале часовой Степан Рындин доложил: видит большую группу людей. Кто такие? Оказалось, это колонна, в составе которой было руководство восстания, партизаны и часть 2-й чехословацкой десантной бригады.

Скрипка встретился с полковником Асмоловым, а также Сланским,

Швермой, рассказал о решении генерала Виеста.

Асмолов подтвердил слова Скрипки, вспомнив, что генерал еще раньше отстаивал мнение: словаки, мол, не умеют воевать партизанскими методами.

— Что поделаешь, — добавил Асмолов, — он выполняет решение своего лондонского правительства.

— Пусть идет, — сказал Шверма, — мы не сможем его повернуть назад. Это его выбор. Нам надо думать о своих делах.

И тут же Асмолов объяснил, что за дела. Оказалось, руководство восстания решило уйти на нелегальную работу, а его назначили командующим партизанским движением Словакии.

Полковник Асмолов пристально посмотрел в глаза Скрипки.

— Нам нужен человек, который возглавит главный штаб партизанского движения. Эта должность предлагается вам.

Предложение Асмолова стало полной неожиданностью для Скрипки. Он сказал, что сообщил обо всем маршалу Коневу и ждет от него приказа. Вскоре приказ пришел: «Даю согласие на назначение майора Студенского начальником главного штаба партизанского движения Словакии».

Теперь все было ясно. Предстояло незамедлительно сформировать штаб и начать работу. Дел невпроворот. Нужно срочно подготовить указания подразделениям десантной бригады.

Асмолов уже готовил шифровки в штабы 4-го Украинского фронта и Украинского партизанского движения. Сам Скрипка должен был выслать радиограмму в штаб 1-го Украинского фронта.

Переночевали в лагере на горе Прашива, а с рассветом двинулись на северо-восток. Фашисты сопровождали партизан на всем пути. А путь оказался еще сложнее, чем в прежние дни. Сказывались накопившаяся усталость, недоедание, не переставая шли дожди со снегом. На склонах и обрывах было скользко и опасно. Только утром 1 ноября после двадцатикилометрового изматывающего перехода партизаны спустились по крутому склону с горы с отметкой 1725 в относительно тихую долину под названием Клачанска.

Утром майора Скрипку представили как начальника штаба. Начальником оперативного отдела был капитан Марцелли. С ним Скрипка разработал план разведки района сел Дубрава, Клачань, Немецка Монча. Предусмотрели пути выдвижения фашистов из Важской долины в сторону нынешнего партизанского лагеря.

Караульную службу несли десантники из бригады Пршикрыла.

Так же Скрипка и Марцелли определили места постов и секретов,

выделили дежурные подразделения на случай внезапного появления противника.

По данным разведки, практически во всех селах расположились достаточно сильные гарнизоны фашистов. Разведчикам работалось трудно, но местные жители, несмотря на все опасности, помогали партизанам.

Фашистские каратели охотились за повстанцами, но далеко от основного гарнизона не отходили, боялись. Знали, в горах их ждет «теплый» партизанский прием.

Главным штабом партизанского движения была спланирована операция по захвату оружия, боеприпасов, а также продовольствия у врага. Завершилась она боестолкновением с врагом. Погибли 11 партизан. Правда, фашисты потеряли убитыми 35 человек. Однако успешной эту операцию нельзя было назвать — оружия и боеприпасов не добыли, о времени нападения партизан фашисты узнали заранее от перебежчика.

Жизнь преподнесла предметный урок. Впредь спецоперации следовало готовить тщательнее, в секрете, соблюдая законы конспирации.

Однако и фашисты не дремали. Противник блокировал все населенные пункты. Теперь о прорыве в Высокие Татры и думать не приходилось. Решили действовать в направлении села Погранья. Погода никак не способствовала боевым действиям партизан. Крепчал мороз, на горных перевалах бушевали ледяные ветры.

Иван Скрипка, несмотря на занятость, не забывал своих радистов, часто заходил к ним, справлялся о делах. Как-то радист Каплин молча протянул начальнику штаба наушники. По братиславскому радио шла передача о фашистском параде в Банска-Бистрице. Записав его на пленку, немцы крутили репортаж повторно.

На площади, по которой недавно ходили повстанцы, теперь маршировали солдаты вермахта, празднуя победу. Зачитали обращение командующего фашистскими войсками в Словакии генерала СС Геффле, затем шло вручение наград. Выступил профашистский президент Тисо. Он призывал бороться с большевизмом, провозгласил здравицу в честь Гитлера и великой Германии.

Выйдя от радистов, Иван Скрипка встретился с Асмоловым, Швермой, Сланским, рассказал им о передаче братиславского радио. Решение было единогласным: главному штабу следует усилить антифашистскую пропаганду, больше выпускать листовок, рассказывающих о боевых успехах Красной Армии, шире распространять их в населенных пунктах.

8 ноября партизан ждал новый удар. Начальник радиоузла главного штаба Игорь Аколовский вручил майору Скрипке текст одной из передач

братиславской радиостанции. В нем говорилось о пленении в Низких Татрах генералов Виеста и Голиана. Оказывается, их арестовали еще пять дней назад, но сообщили только теперь.

Майор Иван Скрипка читал текст и не верил своим глазам: как же так, военные руководители восстания, заслуженные генералы и сдались в плен к фашистам?. Снова нахлынули сомнения: мог ли он переубедить Виеста? Может, доказывал плохо, говорил не убедительно. Скрипка вновь и вновь вспоминал тот разговор на Козьем Хребте.

Видя, как переживает майор, полковник Асмоллов обнял начальника штаба за плечи:

— Ты, Ваня, не мучайся, они сами выбрали свой путь.

Да, это так. Но есть одно обстоятельство, о котором нельзя не сказать. Впоследствии, анализируя ход партизанской войны в Словакии, Иван Иванович Скрипка пришел к выводу: своим арестом генералы Виест и Голиан, все, кто был с ними, возможно, спасли жизни оставшимся в горах повстанцам.

Ведь фашисты захватили столицу восстания Банска-Бистрицу, провели там парад, наконец, пленили военных руководителей повстанцев. Иными словами, цель была достигнута. Об этом генерал СС Гоффле поспешил доложить в Берлин. А коли так, все боевые дивизии, находившиеся в Словакии, были отозваны на фронт. Им теперь предстояло сдерживать все нарастающий натиск Красной Армии.

Немцы продолжали местные карательные операции, но на тотальную борьбу против партизан сил не хватало. Кто знает, может, это и спасло голодных, плохо одетых, обутых, слабо вооруженных, уставших людей, укрывшихся в заснеженных горах.

Разумеется, не будь всего этого — парада в Банска-Бистрице, пленения словацких генералов — фашистам все равно пришлось бы снять эти дивизии и бросить их навстречу наступающим советским частям. Но в данном случае и то и другое совпало. И разделить эти события невозможно. Да и не нужно.

## Майор Джон Сегмер и капитан Джеймс Грин

Однако не все выжили на той страшной войне. Погибли коллеги Ивана Скрипки, офицеры английской и американской военных миссий. И капитан Джеймс Хольт Грин, руководитель миссии США, и майор Джон Сегмер из Великобритании являлись, как и он, разведчиками.

Грин, которому в ту пору было лет 35, служил в разведотделе при 15-м авиационном корпусе. В сентябре 1944 года прибыл в Банск-Бистрицу из итальянской базы в Пизе. Поддерживал радиосвязь с американским командованием в городе Бари (Италия).

Миссия состояла из двух групп. Первая носила название «Дэвис», вторая — «Хоузебоат». В каждую входили три человека: руководитель, переводчик и радист.

Сегмер, майор британской армии, был на десять лет старше своего американского коллеги. На аэродром «Три дуба» прибыл в октябре 1944 года. Англичане работали в основном на территории Венгрии.

Грин находился при штабе 1-й чехословацкой армии в Словакии. 28 октября миссия вместе с воинами 2-й десантной бригады и партизанами ушла в боевой рейд.

Сегмер с выходом в горы находился в партизанской бригаде «Яношик».

Кроме сугубо разведывательных заданий миссии собирали в Банска-Бистрице американских и английских летчиков, которые были сбиты в ходе воздушных боев над территорией Словакии, а также военнослужащих США и Британии, бежавших из концлагерей. Дальнейшая цель — эвакуация их на родину.

Так, 1 октября Джеймс Хольт Грин сообщил в Бари, что готов эвакуировать 26 человек, среди которых американские пилоты, новозеландские военнослужащие, сумевшие покинуть фашистские лагеря, раненые французы. Руководитель миссии также просил прислать медикаменты, перевязочные материалы, чтобы передать их восставшим.

Помощь долго не приходила. Грин терялся в догадках. Оказалось, когда в Татрах стояла ясная, солнечная погода, в Италии она была нелетной. Только 7 октября шесть самолетов, прозванные «летающими крепостями», приземлились на аэродром «Три дуба».

Уже на следующий день в связи с осложнением обстановки часть личного состава и имущества была перевезена в город Брезно. Грин

отправил несколько радиogramм своему руководству о необходимости эвакуации миссий.

24 и 25 октября сотрудники миссий уже выехали на аэродром и ждали самолеты. Но самолетов не было. Возможно, опять помешала нелетная погода. Однако оказалось, что в тот день 15-й авиакорпус бомбил Братиславу. Это говорило само за себя. В Банска-Бистрице также установилась летная погода.

27 октября сотрудники миссий и все, кто не смог эвакуироваться, переехали в Доновалы, разместились в туристическом отеле.

Американцев Джеймс Хольт Грин разделил на группы. Решение верное, так легче совершать переход, да и при нападении фашистов малая мобильная группа вернее ускользнет от преследователей.

28 октября сотрудники миссий вместе с армейскими подразделениями словаков двинулись в горы. После первого нападения немцев некоторые, чтобы облегчить переход, выбросили наиболее тяжелые предметы. Среди этих «предметов» были и банки с продовольствием. Пройдет несколько дней и офицеры миссии горько пожалеют о своем поступке.

После тяжелого перехода американцы и англичане выйдут на партизанскую базу близ горы Прашива. Хотя землянки были до отказа забиты людьми, сотрудников миссий приютили, разместили.

Через три дня снова в поход. Грин решил не оставаться с бригадой, а пойти дальше, чтобы пробиться на соединение с наступающими советскими войсками.

15 часов они находились в пути. Непрерывно шел снег, все вымокли, замерзли. Поднявшись на гору, бойцы бригады и сотрудники миссии стали спускаться вниз, достигли леса.

Практически все продукты оказались полностью израсходованными. Лошади забиты на мясо и съедены. Некоторые американские летчики простудились и заболели.

Посоветовавшись между собой, летчики решили идти в близлежащую деревню за продуктами. Группа, возглавляемая военным пилотом Шефером, была захвачена фашистами в плен. После этого сотрудники миссий разместились в лагере словацкой бригады.

Однако вскоре и этот лагерь пришлось покинуть. На него неожиданно напали немцы.

После войны с помощью военно-воздушного атташе США в Чехословакии Ивану Ивановичу Скрипке удастся отыскать архивные материалы, рассказывающие о действиях англо-американской миссии в период словацкого восстания. О том эпизоде в архиве сохранился

интересный документ. Неизвестный участник событий так рассказывает об уходе бригады из-под ударов немцев.

*«Мы пошли в направлении одного из главных хребтов Низких Татр — высоты Дюмбиер. Шли, пригибаясь, так как пули свистели над нашими головами. Бригада уходила из-под обстрела в разных направлениях. Иногда нам казалось, что командование теряет управление.*

*Около полудня мы вышли на гору, где царил снежная буря, усиливавшаяся с каждой минутой. В этот день наш обед состоял из сырого мяса убитого зверя. Затем погода превратилась в настоящий ад. Не было видно спины впереди идущего человека, хотя мы держались друг от друга на очень близком расстоянии, чтобы не потеряться. Через пару часов часть наших летчиков утратила способность двигаться, и не могла идти дальше.*

*...Уже несколько раз сквозь свист ветра и шум снежной бури до нас доносилось завывание волков. Был жуткий холод. Лица и руки людей обмерзли. Каждый думал о спасении где-нибудь в густом лесу. Но где его найдешь в этой горной пустыне, в этом царстве холода, снега и камней?...»*

И все-таки вскоре начался спуск с вершины. Ветер ослабел, вьюга утихла. А самое главное — отстали немцы и их выстрелы звучали изредка и где-то далеко и глухо.

Людей мучил голод. Джеймс Холт Грин, начальник американской миссии, попросил командира бригады продать им за золото продукты. Комбриг вместе с офицерами бригады только рассмеялись в ответ. Полковник отдал команду поручику и двум солдатам неотступно находиться вместе с сотрудниками миссий и всячески помогать им.

Вскоре, во время очередного перехода, они встретили партизан. Те как могли обогрели их, накормили фасолевым супом с кониной.

Теперь в деревни, которые попадались по дороге миссий, ходили поручик и его бойцы. Они возвращались с тяжелым рюкзаком, где были продукты.

Однажды они сказали, что нашли заброшенный шахтерский поселок и там можно укрыться. Миссии поселились в поселке.

26 ноября Грину сообщили, что руководитель английской миссии Сегмер, который ушел после захвата немцами Банска-Бистрицы, возвратился в Словакию. Они встретились. Сегмер сообщил, что поддерживает связь с Бари из села Поломки, где сейчас находится его группа. Грин тут же вызвался проводить Сегмера до села и попытаться связаться со своим руководством на базе. Они ушли, а через два дня немцы

напали на шахтерский поселок. Погибли несколько десятков бойцов бригады, а остальные с боями отошли в направлении горы Дюмбиер. Вместе с ними отступили и сотрудники миссии. Потом ночью пришлось вернуться, а утром двинуться в сторону села Поломка, куда недавно ушли Грин и Сегмер.

Сотрудники англо-американской миссии воссоединились в горной местности севернее села Поломка. Они поселились в горном отеле «Велький бок».

Местные жители помогали американцам и англичанам выкладывать, а ночью поджигать сигнальные костры. Офицеры миссии ждали прилета самолетов с продовольствием, оружием, боеприпасами.

24 декабря все вместе отпраздновали сочельник. Они еще не подозревали, что их уже выследили фашисты. Рано утром раздалась стрельба. Немцы, власовцы окружили отель.

Майор Станек был ранен. Американцев и англичан взяли в плен. Среди них оказались и руководители миссий капитан Джеймс Хольт Грин и майор Джон Сегмер.

Их сначала доставили в Братиславу, а потом в лагерь Маутхаузен. Здесь на допросах били, пытали, издевались. Потом по указанию Гимmlера арестованные были повешены.

Так погибли от рук фашистов руководители и сотрудники английской и американской военных миссий в Словакии.

## Обеспечить крепкую оборону долины

Партизанская доля — тяжелая доля. Бои, переходы, вновь бои. В ноябре, уходя от превосходящих сил фашистов, партизаны карабкались к вершинам горы Хабенец. Немцы преследовали их по пятам. Надо было спасти главный штаб партизанского движения, бойцов для будущих боев.

Отход прикрывали десантники полковника Пршикрыла. Скрипку волновало одно — еще не вернулась разведка, и они не знали, что ждет их впереди. К счастью, убитых и раненых среди партизан не было. Спасал густой лес. Немецкие минометчики и артиллеристы не видели целей и поэтому били по площадям. А от такого огня толк не большой.

Внизу, откуда уходили партизаны, каратели поджигали дома, сторожки, строения. Скрипка шел рядом с руководителем партизанского движения Словакии полковником Алексеем Асмоловым. Полковник поднимался в гору тяжело, мучила одышка. В свои 38 лет он надорвал сердце и теперь держался, пожалуй, на силе воли.

Гора Хабенец встретила партизан сильным ветром и снегом. Это было какое-то царство метели и холода. Днем потемнело, словно сгустились сумерки. Выяснилось, что никто не знает этой местности, даже словаки. Сюда в мирное время редко кто забредал. А теперь вот жизнь заставила.

По приказу Асмолова Скрипка вместе с капитаном Кухтой ушли вперед, в голову колонны, чтобы выбрать дорогу.

В такую пургу ни компас, ни карта не помощники. Путь нащупывали длинной палкой. Откровенно говоря, никто не знал, правильно ли они идут. Но главное было идти, двигаться, бороться с пургой. Как-то в проблеске снегопада увидели группу немцев. Сбросили с плеч оружие, но выстрелов ни с той, ни с другой стороны не прозвучало. Автоматы и винтовки замерзли, затворы не открывались. Разумеется, у фашистов было то же самое.

Вновь налетел вихрь, стало темно. Партизаны вытащили ножи, примкнули штыки. Казалось, сейчас каратели нападут, но те словно исчезли.

Шли более десяти часов. Чувствовалось, скоро начнет смеркаться. Стали спускаться вниз и вскоре увидели очертания долины. Партизаны находились на южных скатах горы Хабенец.

Спуск оказался не легче, чем подъем. Но вот все страдания позади. Уставшие, мокрые, ослабевшие люди вступили в долину. Где-то там

впереди должен начаться лес. Однако уже стемнело, и где он, этот лес, можно было только догадываться. Но вот через полчаса пути, у ручья, появились первые деревья. Все остановились. Руководство собралось вместе — Асмолов, Сланский, Пршикрыл, Скрипка с Кухтой.

Асмолов, оглядев всех, спросил своего начштаба:

— Иван, а ты не видел Шверму?

Все тревожно посмотрели друг на друга. Шверма шел где-то в центре колонны. Он был очень болен, а тут такой переход. Устали все, но полковнику Пршикрылу пришлось найти несколько человек покрепче и послать их на поиски Швермы.

Скрипка вместе с Марцелли занялись выставлением постов. Лес ожил, запылали костры. Начштаба знал: опасно зажигать костры, но и без них нельзя. Спасало то, что на лес опускался густой туман.

Сам Иван Иванович, сделав свою первоочередную штабную работу, присел у костра, где сушил одежду порученец Сланского — немец — антифашист Мартин Вайкерт. Присел и тут же провалился в сон.

На рассвете все узнали: погиб, замерз при переходе Ян Шверма — один из руководителей компартии Чехословакии, добрый, жизнерадостный человек. Его окоченевший труп отыскивали в снегах десантники Пршикрыла.

11 ноября партизаны похоронили Шверму в верховьях Ломнистой долины со всеми воинскими почестями. А дальше стали подсчитывать потери. 90 партизан погибли во время этого ледового перехода.

Руководители стали думать, как жить и бороться дальше. Пршикрыл предлагал рассредоточить силы, мол, концентрация частей затруднит маскировку и снабжение. Скрипка не согласился с комбригом. Надо быть вместе, в едином кулаке, а вот местность и обстановку следует изучить получше. «Кстати, следует сразу провести рекогносцировку и организовать круговую оборону», — резюмировал начштаба партизанского движения.

Руководство партизанского движения согласилось с мнением Скрипки. Было принято решение установить место расположения главного штаба, наладить связь с партизанскими отрядами и бригадами, консолидировать действия.

Не откладывая надолго, организовали группу под командованием Ивана Ивановича, и она отправилась на рекогносцировку. По дороге встретились незнакомые люди. Оказалось, это командир партизанского отряда Константин Данилов. Несколько дней назад они вышли в Ломнистую долину и уже приступили к оборудованию своего расположения.

Данилов ушел к Асмолову, Скрипку с товарищами проводили к

домикам, в которых расположились партизаны-даниловцы. Здесь он познакомился с помощником командира отряда Франтишеком Шадеком. Тот на время стал экскурсоводом по партизанскому расположению. Словом, вскоре определились, где будет квартировать штаб, где разместятся радисты. Некоторых бойцов отряда Данилова решили поселить в нижнем домике. Десантниками Пршикрыла придется передислоцироваться в соседнюю долину Вайсковскую.

Спланировали размещение боевого охранения — где поставить секреты, где — огневые точки. Хотелось обеспечить крепкую оборону всей долины. Надоело бегать от фашистов. Сделать это казалось вполне возможным: Ломнистая долина тянулась на десяток километров с севера на юг. От северных ветров ее прикрывал высокий хребет Хабенец, на юге, словно сторожевая застава, подход охраняло село Ясене. Важно, что сельчане всей душой восприняли словацкое восстание и были готовы помогать партизанам.

Через долину протекал ручей, который впадал в реку Грон. По берегам ручья — густые хвойные и лиственные деревья, вдоль него — каменистая гужевая дорога. По ней до войны вывозили лес. Теперь она была в запущенном состоянии, телеги пройти по ней не могли, но для передвижения людей оставалась вполне пригодной.

Строений в долине оказалось не много — два лесных домика, несколько сараев для хранения сена.

Первым делом партизаны принялись за строительство землянок. Делать это было непросто, поскольку наряду со строительством постоянно вели разведку.

И если внизу в долине снега почти не было, то в горах он выпадал практически каждый день. Порой за ночь наметало сугробы в два-три метра. Потому разведчикам приходилось несладко, проходы пробивали в глубоком снегу, утрамбовывали, и только потом по ним шла разведка. Так, дорога от лагеря партизан до южной точки долины — села Ясене — занимала несколько часов. Тем более что партизаны никогда не шли налегке, с собой приходилось брать оружие, боеприпасы, взрывчатку.

Думали и о безопасности лагеря, чтобы партизанские тропы не стали демаскирующим фактором для фашистской авиации.

Главный штаб партизанского движения жил своей обычной каждодневной напряженной жизнью: специально посланные группы искали связь с соседними отрядами, разрабатывались операции по диверсионной деятельности в горных условиях, зимой шел поиск способов передвижения партизан по снежной местности, подхода их незамеченными

к вражеским гарнизонам.

Надо сказать, что партизаны рвались в бой. Неоднократно в рейды выходили словаки Й. Лъетавец, Б. Лаушман, Ц. Кухта.

Работа по установлению контактов с партизанскими отрядами тоже давала свои результаты. Штаб партизанского движения посетил командир отдельной диверсионной партизанской бригады Герой Советского Союза Вячеслав Квитинский. Бойцы этой бригады прошли Украину, Польшу и вот теперь воевали в Словакии. Был издан приказ главного штаба партизанского движения о преобразовании соединения в особую партизанскую бригаду имени Климента Готвальда.

Побывал в штабе и командир бригады имени Сталина Герой Советского Союза Алексей Егоров, а также комбриги Николай Волков и Семен Морозов.

Все они хотели получить оружие и боеприпасы. К сожалению, штаб не мог им в этом помочь. Но майор Иван Скрипка и его офицеры снабжали партизанских командиров ценной информацией, а также деньгами.

В этой большой и многообразной работе главного штаба были и свои сложности. Так, вскоре после обустройства бригады полковника Пршикрыла в Вайсковской долине стало ясно, что комбриг не очень-то горит желанием переходить к активным партизанским действиям. Единственным его стремлением было сохранение раздробленных сил бригады до прихода Красной Армии.

В ту пору командующему партизанским движением полковнику Асмолову и начштаба Скрипке приходилось направлять в бригаду вот такие приказы:

*«Т. т. Пршикрылу, Глидеру.*

*1. Я должен вас обоих в последний раз предупредить о той ответственности, которая лежит на вас за судьбу бригады и ваши действия. Поймите, что вас чехословацкий народ или прославит, или покроет позором.*

*Откажитесь от беспечности и несерьезного подхода к делу. Осознайте всю сложность действий в тылу врага, особенно в зимнее время, в горных условиях. Прекратите бегать со своими людьми от первых выстрелов противника. Учтите, что всякий уход от противника без боя деморализует людей, и уход без боя вызывает больше потерь, чем в бою.*

*Следует заранее продумать план обороны. Основа его — разведка, хотя бы заблаговременная сигнализация о подходе карателей и активная оборона методом засад...*

*Желаю успеха. Близок день торжества борцов чехословацкого народа.*

*Скоро и на нашей улице будет праздник.*

*Крепко жмем ваши руки.*

*Асмолов, Студенский. 16.12.1944 года».*

*Правда, были приказы и другого содержания.*

*«Т. т. Квитинскому, Денисову, Матвееву.*

*1. Ваши донесения от 21.12.1944 года получили.*

*2. Выражаем вам и всему личному составу благодарность за то, что вы в сложившихся трудных условиях успешно выполняете поставленные задачи — наносите по врагу чувствительные удары...*

*Желаем дальнейших боевых успехов.*

*Асмолов, Сланский, Студенский. 25.12.1944 года».*

Разумеется, главному штабу партизанского движения Словакии во главе с майором Иваном Скрипкой приходилось заниматься разными проблемами. Например, создавать партизанские части. Так, из разрозненных небольших отрядов Суркова, Белова, Киреева был сформирован 1-й партизанский полк, чуть позже — 2-й и 3-й. Назначены командиры.

В то же время среди приказов можно найти документы следующего содержания: о злоупотреблениях командира 3-й роты 2-го партизанского полка имени Яна Швермы и расстреле перед строем за мародерство, или о том, что немцы заминировали ясенскую электростанцию и надо приложить все усилия для ее спасения.

Первоочередное внимание главный штаб уделял разведке. Информация стекалась из бригад, отрядов, от разведчиков, засланных в далекий тыл врага. Но эти сведения надо было обобщить, проанализировать, составить по ним донесения о состоянии гитлеровских войск, их передвижениях к фронту и обратно в тыл, о военной продукции чехословацкой промышленности, работающей на фашистов, о площадках Фау-1 и Фау-2, о германских и венгерских соединениях, ведущих бои с наступающими советскими войсками.

И, конечно же, партизаны должны были внимательно следить за противником, который непосредственно противостоял им. Речь шла о 14-й дивизии СС, карательной группе Шилл, 178-й дивизии «Татра», 18-й дивизии СС «Хорст Бессель», бригаде СС «Дирлевангер».

Своевременность развединформации во многом зависела от связных главного штаба, их выносливости, умения ориентироваться в сложной обстановке, смелости и находчивости.

Вот лишь один эпизод из боевой практики связников главного штаба.

Из рейда в Словацкое-Рудогорье, где располагался партизанский полк

Каличенко, возвращались Стальной, Кукушкин, Рындин и Якименко. Они доставили Каличенко приказы руководства, получили пароли и адреса явок в городах и селах Словакии, а также несли с собой три миллиона крон.

Связные штаба вброд форсировали реку Грон и стали обходить село Предайна.

В селе стояли фашисты. По дороге разыгралась сильная пурга, не видно ни зги. Сбившись с дороги, партизаны вышли на окраину села. Неожиданно наткнулись на забор и увидели в снежной пелене немца — он вышел справить нужду.

Фашист попытался вытащить пистолет, но Якименко уже поднял автомат: шуметь нельзя. Партизан приложил палец к губам. Немец молчал. Таки разошлись. Когда партизанскую группу поглотила пурга, фашист стал кричать, стрелять из пистолета, но напрасно. Три миллиона крон и ценные сведения были доставлены в штаб.

Активность партизан, разумеется, не осталась незамеченной немцами. В долине реки Грон стали появляться гитлеровские пеленгаторные машины. Они засекли работу партизанских радиостанций в Ломнистой долине.

Вскоре каратели организовали спецоперацию против партизан. Они напали рано утром. Начштаба. Скрипка и Егоров заночевали в землянке Асмолова. Услышав выстрелы, они бросились к штабу. Бой шел в районе расположения 3-й роты.

Все штабные работники заняли выгодный оборонительный рубеж и готовы были вступить в бой.

Майор Иван Скрипка взял командование на себя. Из бригады Данилова прибыл посыльный, сказал, что бой разгорается, немцы вводят новые силы. Но партизаны тоже не дремали, они также подняли три роты, которые поспешили на подмогу товарищам. Каратели, не выдержав огня, стали сползать вниз. Одновременно фашисты усилили минометный огонь, подтянули пушки.

Скрипка понимал, допустить прорыва немцев через боевые порядки партизан нельзя. Там, в глубине — радисты, тыловики, да и сам начальник партизанского движения полковник Асмолов.

К счастью, положение партизанских подразделений было выгодным. Они находились выше противника и активно поливали его огнем.

Карательная операция закончилась для немцев неудачей. Они вынуждены были отступить. Иван Скрипка приказал выставить заслоны, вынести с поля боя убитых и раненых. Погибли пять человек, ранены 12. Потери фашистов были значительно больше.

## «Даю адреса, пароли...»

Война по-страшному испытывает человека. Гнет его, ломает, ставит порой перед ним, казалось бы, невыполнимые задачи. И разница в сравнении с мирным периодом лишь в том, что задачи эти нельзя не выполнить. Ибо от их воплощения во фронтовую действительность зависит не только твоя жизнь, но и жизни сотен, а возможно, и тысяч людей.

Так, или примерно так, размышлял начштаба партизанского движения Словакии майор Иван Скрипка-Студенский. Поначалу, получив радиограмму из штаба 1го Украинского фронта, он долго не мог прийти в себя. Перечитывал ее текст еще и еще раз. Первая реакция была вполне естественная: «Да они что там, с ума посходили?» Партизаны загнаны в горы, их обложили со всех сторон, то и дело идут тяжелые бои с карателями. Помощи практически ждать не откуда, не хватает боеприпасов, продовольствия, медикаментов. Вокруг — снега, стужа, ледяные горы. И как раз в этот момент партизанская радиостанция принимает радиограмму, в которой штаб фронта требует в кратчайшие сроки создать в Праге надежную резидентуру. Задачи ее понятны — фронт наступает, нужны разведданные.

Поначалу Скрипке казалось, что человек подготовивший радиограмму, совершенно не знает, в какой крайне сложной обстановке находится штаб партизанского движения. А сроки для создания резидентуры были вообще невыполнимые. Ну как он, сидя в заледенелых Татрах, в плотном кольце фашистов, сможет развернуть резидентуру в Праге? Где они, а где Прага?. Тем более что на сегодняшний день у Скрипки в столице ни одной зацепки. Да и откуда этим зацепкам взяться, если со дня своего прибытия он не вылезает с гор.

Однако выполнять приказ надо. Немного успокоившись, все взвесив, Иван Иванович пришел к выводу: те, кто прислал ему эту радиограмму, прекрасно просвещены в обстановке на территории Словакии. Но, возможно, другого выхода у них нет.

Что ж, вздохнуть и злиться — дело малопродуктивное. Надо действовать. В голове засела мысль: как преодолеть расстояние от их лагеря в Низких Татрах до столицы? Попытаться добраться напрямую — безумство. Значит, следовало искать какой-то окружной путь. Но какой? Прежде всего, нужны люди, у которых есть родственники, знакомые в Праге. Но где найти таких людей?

Разведчики-связные штаба партизанского движения бывали с заданиями в Будапеште, Кошице, Пардубице, Братиславе и даже в Вене, но до Праги не доходили. Далековато, да и опасно. Как-то он направил связного через словацкую границу. Казалось бы, и документы у него были в порядке, и партизан опытный, но преодолеть пограничную охрану не смог. Везде были немецкие пограничники, а в близлежащих населенных пунктах расклеены листовки: нарушители границы расстреливаются на месте.

Значит, надо было искать другой маршрут и более смелого и умелого партизана. Первым делом Скрипка обратился к Сланскому. Просьбу свою залегендировал: мол, надо в Прагу послать партизанских разведчиков, нет ли там надежных людей. Сланский долго думал, но потом лишь развел руками — у него таких людей не было.

Не смог помочь и Юлиус Шефранек, редактор словацкой газеты.

Решил обратиться к Лаушману, члену партизанского военного совета, руководителю партии чехословацких социал-демократов. Перед войной он работал в Праге, возможно, там остались старые знакомые.

Лаушман прибыл к восставшим из Лондона через Москву. Прошел вместе со всеми тяжелыми горными дорогами, так же мерз, голодал, сражался против фашистов. Всегда по-доброму относился к майору Скрипке. Лаушман попросил немного времени, чтобы подумать. Уже через час он сказал начштаба:

— В отряде Данилова есть молодой боец. Фамилия его Корчиш. Отец был руководителем рабочих социал-демократов в столице, мать и сейчас живет в Праге. Парень достойный.

Что ж, теперь следовало познакомиться с этим достойным парнем. Дело-то сложное, опасное и очень ответственное.

Скрипка отправился в отряд Данилова. Поговорил с командиром. Тот тоже хорошо отзывался о Корчише. И вот, наконец, беседа Ивана Ивановича наедине с Корчишем. Действительно, молодой человек жил и учился в Праге, отец умер накануне войны, а мама и до сих пор там. «Хотелось бы увидеть ее, — улыбнулся партизан, — да вот война.»

Майор поинтересовался родственниками, знакомыми. Парень рассказал, что у отца было много друзей, знакомых, и не только в рабочей среде, но и среди юристов, офицеров бывшей чехословацкой армии. Ответ бойца обрадовал Скрипку. Начштаба осторожно намекнул, что есть задание командования с выездом в Прагу, добавил: Корчиша рекомендует Лаушман.

Оказалось, Лаушман был другом его отца и Корчиш высоко ценит рекомендацию руководителя социал-демократической партии. Разумеется, Корчиш согласился побрататься в Прагу и выполнить задание. Дело

оставалось за малым, как шутят разведчики, подготовить молодого партизана к выполнению ответственного и опасного задания. Следовало придумать и отработать легенду, под прикрытием которой он мог ехать в столицу. Но этого было мало. Возникал вопрос: где, например, находился молодой человек в течение последних лет после того, как его вуз в Праге закрыли? Нужна еще одна легенда. Предстояло Корчишу подобрать паспорт, фамилию и имя, которое, пусть и на время, стало бы для него родным.

Всем этим стали заниматься незамедлительно. Через несколько часов упорной работы Корчиш уже многое усвоил.

Парень он был смысленный, наблюдательный и любознательный. Студенческие годы не пропали даром. Вузовские знания помогали в освоении разведматериала.

Был один недостаток — молодость. В другой раз Скрипка наверняка бы усомнился: ну, какой из этого студента резидент? Теперь все наоборот — начштаба очень надеялся на Корчиша. А молодость?. В конце концов, это недостаток, который быстро проходит.

На следующее утро начальник контрразведки штаба партизанского движения Йозеф Летко вручил Корчишу паспорт и деньги. Теперь партизан стал слесарем Подберезовских металлургических заводов.

Майор Иван Скрипка провел еще одну беседу с Корчишем, проводил до села Ясене. Там партизанский извозчик посадил будущего резидента в телегу, стеганул кнутом жеребца. Дорога предстояла до Банска-Бистрицы. Оттуда Корчиш должен был выехать в Братиславу, а дальше через Вену в Прагу.

Важно, что выехал он как раз накануне Нового года. Пограничники тоже люди, им надоела служба, и они спешили домой. Словом, партизан благополучно добрался до дома. Материнской радости не было конца — приехал сын, живой, здоровый. Корчиш рассказал матери о своем задании. Она взялась ему помогать. Да ей и не привыкать. Когда-то помогала мужу в профсоюзных, партийных делах, теперь сыну.

Мать стала основным связником сына. Она «подняла» старые адреса, возобновила знакомства с надежными друзьями — почтовым работником Глухим, его сыном Йозефом — слесарем на пражском авиазаводе, бывшим армейским офицером Филиппом. Так подбиралась небольшая, но надежная группа людей, ставшая вскоре основой для развертывания резидентуры. С Йозефом Глухим была оговорена возможность приема советских десантников.

Через две недели, после того как Скрипка усадил молодого партизана

в телегу и отправил в Банска-Бистрицу, Корчиш возвратился на базу.

Дело было сделано. Он рассказал о том, что успел наработать. А наработки, откровенно говоря, оказались неплохие. Теперь в Праге группа местных патриотов готовилась вступить в борьбу с фашистами. Они ждали сигнала из Центра. Перед Скрипкой лежал доклад, написанный рукой Корчиша. В нем фамилии агентов, адреса, пароли, их краткие характеристики, информационные и боевые возможности.

В штаб фронта в тот же день ушла радиограмма:

*«Директору. 11.01.45 возвратился Корчиш. Вместе с матерью Миладой Корчишевой он подобрал надежных людей, которые готовы принять радистов и обеспечить их соответствующими сведениями о противнике, пражской военной промышленности и другими интересующими вас данными. Даю адреса, пароли...*

*Место выброски парашютистов по обстановке юго-восточнее окраины Праги... Парашютисты должны выйти на село Неханице. Ориентир — гостиница «Рене». Свой багаж они надежно базируют в районе приземления. Документы должны быть по возможности из районов Силезии. Передвигаться без груза целесообразнее в дневное время.*

*В целях безопасности рекомендую Миладу Корчишеву к дальнейшей работе не привлекать.*

*Сомов».*

Разведуправление фронта не замедлило воспользоваться возможностями резидентуры в Праге. Двое советских парашютистов приземлились в Пругоницком парке, спрятали багаж и двинулись в направлении села Неханице. Вскоре они были уже в доме Глухих. Хозяин, его жена, дочери тепло приняли посланцев страны Советов. Гости назвались Сулигой и Штефаном. Разумеется, это были псевдонимы.

Под именем Сулиги действовал командир группы Иван Курилович, более известный как Лукашевич. Он родился в Брестской области, потом немало помотался по миру, жил в Аргентине, в Буэнос-Айресе, воевал в интербригадах в Испании, был тяжело ранен. В 1939 году интернирован во Францию. Нелегально перебрался в Польшу, потом в западные районы Советского Союза. Участвовал в партизанском движении в районе города Львова.

Радист Штефан Колар родом из Прикарпатья. Накануне венгерской оккупации бежал в Советский Союз. На границе был задержан. Вступил в Чехословацкий батальон, который формировался в СССР. Позже прошел переподготовку, стал радистом и вместе с Куриловичем заброшен в Прагу.

Никаких подробностей из биографии гостей хозяева, разумеется, не

знали. Да им было и не нужно. Главное — прислали двух советских разведчиков, которым пражские патриоты готовы были помогать.

Началась напряженная разведработа. Группа действовала очень эффективно. И это, к сожалению, не ускользнуло от внимания гестапо.

После четырех месяцев интенсивной работы радиостанция Штефана Колара попала в гестаповскую разработку. Начались слежка, аресты. Были схвачены Курилович и Глухих. Их бросили в камеры пражской тюрьмы Панкрац. Однако фашисты не успели их казнить — вспыхнуло пражское народное восстание, и узники вышли на свободу.

Так завершилась одна из спецопераций по созданию резидентуры в Праге, организованная майором Скрипкой-Студенским по заданию разведуправления 1-го Украинского фронта.

## «Обстановка... чрезвычайно напряженная»

Январь 1945 года выдался для партизан особенно тяжелым. Казалось бы, победа близка. Мощно наступает Красная Армия. Свое оружие против бывшего союзника — Германии — повернула румынская армия. Ее наступающие части овладели городом Брезно. Однако немцы не простили румынам предательства.

На банска-бистрицком направлении всеми своими силами они обрушились на румынские подразделения и партизанские отряды.

Контрразведовательный отдел главного штаба партизанского движения Словакии зафиксировал участвовавшие случаи засылки в горы фашистской агентуры. В Брезно разоблачили работу шпионской школы. Стало известно, что она уже сделала выпуск — 28 агентов ушли к партизанам. Еще 150 курсантов готовились к диверсионной деятельности. Но им не суждено было свершить свои грязные дела. По школе нанесла бомбовый удар советская авиация.

Активизировались и каратели. Теперь они чаще выходили в горы. Партизаны понимали: это последние, судорожные «змеиные укусы» врага. Вскоре им предстоит бегство. Однако, известно, недобитая змея в последнем броске очень опасна.

Главный штаб партизанского движения получил указание готовиться к выходу на соединение с частями Красной Армии. Предстояло пересечь линию фронта. Началась непосредственная подготовка к сложному переходу. В это время на запад двинулись и фашисты. Они минировали и взрывали промышленные предприятия, аэродромы, административные здания, пытаясь нанести как можно больший урон стране, которую им приходилось покидать. Так было в Советском Союзе, в Польше, теперь черед дошел и до Словакии.

Главному штабу стало известно, что фашисты заминировали электростанцию, которая снабжала энергией большой жилой район и металлургический комбинат в Подберезовой.

Партизаны выбили врага с электростанции и не дали ее взорвать.

Случались в ту пору и весьма своеобразные боевые задания. Так, например, в населенном пункте Ясене располагался венгерский полк. Были получены первые данные, что бойцы полка готовы перейти на сторону партизан.

Майор Скрипка с небольшим сопровождением выехал в распоряжение

венгерской воинской части. Но в штабе командира полка не оказалось.

Офицеры заявляли, что готовы повернуть оружие против немцев, но все ссылались на решение командира.

Скрипка и его люди ждали венгерского полковника всю ночь. Комполка так и не появился в расположении. Оказывается, он уехал в вышестоящий штаб, а что случилось дальше, было никому неизвестно.

Утром партизаны покинули полк. После них поднялись и венгры, они ушли на запад вслед за своими хозяевами — немцами. Правда, пропагандистская работа не пропала даром — арьергардное подразделение полка сдалось партизанам отряда Егорова.

Партизаны в боях с фашистами старались полагаться только на свои силы. Стояла зима, в горах лежали туманы, неистовствовали вьюги и чаще всего из штаба 4-го Украинского фронта приходили радиogramмы следующего содержания: «Погода нелетная. Обеспечить боеприпасами и взрывчатыми веществами не можем. Пользуйтесь боеприпасами и взрывчаткой, брошенной отступающим противником».

Совет был хороший. Но противник почему-то весьма неохотно бросал свои боеприпасы и взрывчатку.

По приказу штаба фронта то одна, то другая партизанская бригада уходила на запад.

Активно в эти дни действовала и партизанская разведка. Майор Иван Скрипка понимал, как необходимы их разведданные наступающим частям. Так, в феврале 1945 года они передали радиogramмы, вскрывающие группировки противника в районе Ружомберок, где были расквартированы 10 тысяч немецких солдат. Подробно доложили об оборонительных укреплениях фашистов по западному берегу реки Нитра до реки Дунай, вдоль шоссейной и железной дорог Врутки — Жилина — Чадца, на участке Влахи — Любела, рассказали о минировании шоссейных дорог Микулаш — Ондрашова, моста через реку Ваг, железнодорожного моста в населенном пункте Медзиброд, водосточной трубы вдоль шоссе Немецка — Брусно.

В радиogramмах главного штаба партизанского движения Словакии постоянно отражались оперативная обстановка, передвижение войск противника.

С 8 по 10 февраля в штабе фронта знали: 8-я венгерская пехотная дивизия проводит передислокацию своих сил из Банска-Бистрицы в Подберезову, в трех километрах от Брезно размещено 300 немцев и власовцев, в долине южнее села Лопей — 2000 фашистов с 10 танками.

15 февраля партизанская разведка в селе Св. Мары засекала штаб

артгруппы микулашской группировки фашистов, в селе Полудзка — штаб бронетанковой дивизии, в селе Плоштин — штаб артиллерийского полка.

Эти разведданные партизаны использовали и в своих целях — для разгрома врага.

6 февраля при обстреле обоза по дороге Замостье — Предайна было убито 22 и ранено 30 немцев. 7 февраля в районе Осада уничтожено 800 метров телефонной связи. 8 февраля при налете на гарнизон села Св. Ондреи захвачен венгерский штаб с документами. Взято в плен пять офицеров и 32 солдата. 9 февраля группами подрывников из бригады Цыприха на участке дороги Ратково — Тураны подорван воинский эшелон противника. Разбиты паровоз и две платформы с танками.

Немцы, в свою очередь, тоже огрызались, отвечали контрударами. О сложности положения партизан говорит телеграмма, отправленная из штаба фронта 17 февраля 1945 года:

*«Асмолову. Обстановка вокруг вашего лагеря чрезвычайно напряженная. Вы лично и ваш штаб подвергаетесь опасности... Мы не можем вам помочь. Учтите, ваша безопасность не является вашим личным делом. Примите меры по обеспечению безопасности штаба и себя».*

В свою очередь Готвальд лично приказывает Сланскому и Лаушману идти на соединение с частями Красной Армии.

Наряду с этими тревожными, предупреждающими сообщениями были и радостные. Главный штаб узнал, что партизанские бригады Квитинского, Садиленко, Биелка, Шукаева успешно вышли из вражеского тыла и встретились с нашими наступающими частями.

Главный штаб партизанского движения также подготовил группы бойцов для встречи с советскими войсками. Одну возглавил Кукушкин, другую — Быков.

Вскоре пришло сообщение, что группа Кукушкина находится в частях генерала Свободы. Эту весть получили уже на марше. Штаб двинулся навстречу наступающим советским войскам.

Новый переход проходил в сложных условиях. Пошел густой снег, головная застава потеряла маяки, пришлось начальнику штаба майору Скрипке лично возглавить колонну. Другого выхода не было. Ведь его штаб прокладывал трассу. Рядом с ним, как всегда, шел надежный майор Кухта.

Колонна штаба достигла горы. Предстояло перевалить через нее. Начался многочасовой подъем. Снег на отрогах гор был скользкий, удержаться помогали только длинные палки, заготовленные накануне.

Перевалив через гору, внизу партизаны увидели долину. Это была

Вайсковская долина. Здесь к партизанам присоединилась колонна десантников полковника Пршикрыла.

Далее, после привала, путь лежал в направлении Горна Легота. Видимо, партизаны подошли к переднему краю фашистов километра на два-три. Попали под обстрел немцев, потом румын. Однако теперь румыны были союзниками, и вскоре все прояснилось. По всему выходило, что они уже в тылу своих войск. И пусть никого, кроме румын, партизаны пока не видели, настроение было приподнятое.

К вечеру главный штаб вышел к Брезно, а утром уже переехал на румынских машинах в Поломку. Отсюда майор Скрипка радировал в штаб фронта: «19 февраля перешли линию фронта и соединились с частями Красной Армии. С нами вышли: главный штаб, 2-й партизанский полк имени Швермы и полковник Пршикрыл с одним батальоном. Всего 410 человек. Находимся в Поломке».

Дальше оставалось одно — ждать указаний. Начали приводить в порядок штабные документы, подготовили отчеты.

В начале марта из штаба фронта прибыла машина. Попрощавшись с боевыми товарищами, майор Иван Скрипка, капитаны Геннадий Стальной, Сергей Терехов, старший лейтенант Степан Шанаев, Тамара Сущева, Степан Рындин, старшина Владимир Каплин выехали в Польшу, в город Ченстохов. Там теперь располагался штаб фронта.

Прошло полгода, как стартовали они с аэродрома Перемышль в сторону Словакии, а теперь, кажется, прошла целая жизнь. Тяжелая, напряженная, полная опасностей партизанская жизнь.

По прибытии в штаб фронта их принял командующий маршал Советского Союза Конев. Он поблагодарил за успешное выполнение боевого задания и вручил майору Скрипке и капитану Стальному орден Красного Знамени, остальным — орден Отечественной войны I и II степени.

Удивила Ивана Ивановича цепкая память командующего. Он еще пошутил: мол, провожали мы вас в Словакию с забинтованной головой, а вернулись вы молодцом. Скрипка был не против поддержать шутку командующего. Тогда он не знал, что судьба еще не раз сведет его с маршалом.

## Впереди была злата Прага

Прошел месяц. Война заканчивалась. Пал Берлин. 6 мая начальник разведки генерал Иван Ленчик передал приказ маршала Конева: майору Скрипке прибыть в Дрезден, где располагался штаб фронта.

Как шутили армейские разведчики, старый воин — мудрый воин. А Иван Скрипка, несмотря на свои неполные 28 лет, по всем фронтовым меркам был старым воином. Что и говорить, с первого дня на войне. Так вот, Иван Иванович прекрасно понимал: командующий по пустякам не вызывает. Стало быть, случилось что-то важное, неординарное. Но что? Оставалось только гадать.

В штабе Скрипку проводили к генералу Соколовскому. Тот рассказал, что в Праге вспыхнуло народное восстание. «Надо помогать восставшим. Что делать конкретно, скажет маршал», — подытожил начальник штаба фронта.

Вскоре они уже были у кабинета маршала Конева. Соколовский с присущим ему юмором доложил:

— Майор Скрипка отозвался на ваш зов, Иван Степанович. Недавно вы направляли его в словацкое восстание, теперь он готов лететь на помощь братскому чешскому народу.

Маршал Конев протянул руку Скрипке:

— Здравствуй, Иван Иванович. В Праге завязалась смертельная схватка, потому приходится беспокоить даже уставших бойцов. Готов ли ты лететь на помощь чешскому восстанию?

— Так точно, товарищ маршал, готов!

— Что же, хорошо. Тогда задача следующая. С группой разведчиков надо срочно вылететь с аэродрома Герлитц, десантироваться с парашютами в восставший город. Предварительно мы пошлем туда самолеты, они проведут воздушную разведку. По результатам разведки я решу, когда стартовать твоей группе. Надеемся на твой опыт. А сейчас выезжай на аэродром и готовь группу. Жди моего сигнала.

В Герлитце майор Скрипка принял разведгруппу. В нее входил старый знакомый радист Геннадий Стальной. Он подобрал еще троих радистов. Капитан Михаил Терехин занялся подбором разведчиков.

Иван Иванович проверил радиостанции, питание к ним, оружие, боеприпасы, осмотрел парашюты, накоротке побеседовал с каждым разведчиком. Серьезных замечаний не было. Все подготовлено толково, со

знанием дела. Сказывался опыт.

Экипаж самолета тоже был готов к вылету. Все ждали команды. Скрипка еще раз обсудил с подчиненными возможные варианты десантирования на незнакомую местность, опасность встречи с врагом.

В это время с КП аэродрома прибежал посыльный — Скрипку вызывают к телефону из штаба фронта. На проводе был штабной полковник. Он представился. Но его фамилия ровным счетом ничего не говорила Ивану Ивановичу.

— Я звоню вам от имени нового начальника штаба фронта генерала армии Ивана Ефимовича Петрова. Сейчас он будет говорить с вами.

Услышав такое, Скрипка немало удивился. Еще два дня назад генерал Петров командовал фронтом, а сегодня он сменил Соколовского.

— Здравствуйте, товарищ майор, — Скрипка услышал в трубке голос нового начальника штаба. — Это генерал армии Петров. Маршал Конев отменил вылет вашей группы. Вы должны прибыть в штаб фронта для получения нового приказа.

Неожиданно, но все понятно. Вскоре две машины группы — грузовая и легковая — покинули аэродром Герлитц и выехали в Дрезден.

Вечером 8 мая 1945 года майор Скрипка докладывал генералу армии Петрову о своем прибытии. Маршал Конев уехал в войска и задачу ставил начштаба фронта.

Петров был краток.

— Командующий приказал выделить вам самолет. Вместе с радистом ночью предстоит догнать штаб 3-й танковой армии генерала Рыбалко, с войсками армии вступить в Прагу и сразу же доложить об этом нам. Вылет в 23:00.

Как и было приказано, Скрипка с радистом вылетели на У-2. Шли над Эльбой. Штаб танковой армии догнали в районе города Мельник.

Генерал Рыбалко встретил их недовольным ворчанием. Его разбудили среди ночи.

— Ты не знаешь, майор, откуда у маршала Конева ко мне такая любовь? Он не дает мне покоя даже перед атакой Праги.

Пришлось Скрипке отдуваться и за себя, и за маршала Конева. Но когда Рыбалко узнал, что Скрипка разведчик, он подобрел:

— Так ты свой. Сразу бы и сказал. Вот перед тобой начальник разведки армии. От него не отставай, он в курсе всех дел. Располагайся в соседней машине, поспим немного перед наступлением.

В ту ночь, устроив на ночлег радиста, Скрипка так и не уснул. Впереди была Злата Прага. От знакомых чехов он много слышал об этом городе. И

вот теперь ему предстоит на танке вступить в столицу Чехии.

На рассвете началось наступление. В городе то тут, то там вспыхивала стрельба, но остановить советских танкистов фашистам и власовцам уже было не под силу.

Жители Праги заполнили улицы и дороги, они приветствовали освободителей улыбками, радостными криками, цветами.

Танковая колонна, в составе которой ехали майор Скрипка с радистом, остановилась у Пороховой башни. Следовало срочно связаться со штабом фронта и доложить обстановку. Но связи не было. Пришлось через людскую толпу пробиваться на другую сторону площади и оттуда провести сеанс связи.

На следующий день Скрипка поехал в тюрьму гестапо Панкрац искать арестованных фашистами членов пражской резидентуры. Но в тюрьме разведчиков не нашли, их развезли по госпиталям, пражане приняли подпольщиков в собственных квартирах.

Стали искать в госпиталях. К радости, нашли живыми — избитыми, больными — Йозефа Глухого, Ивана Лукашевича, Штефана Колара, Зенона Чеха. Помогли им лекарствами, деньгами, подготовили документы для награждения орденами и медалями.

Так закончилась война для майора Ивана Ивановича Скрипки, которую он прошел, как говорят, от звонка до звонка, встретив 22 июня 1941 года на разведпункте у Равы-Русской и завершив в мае 1945 года в Праге.

## Военный атташе СССР

1968 год. События в Чехословакии. Иван Иванович Скрипка с тревогой следит за стремительно развивающимися событиями в стране, которая с фронтовых времен очень близка ему. Он не подозревает, что вскоре вновь окажется на этой, дорогой его сердцу земле. Более того, Скрипка даже и представить себе подобное не может. Он уже генерал, начальник важного, ответственного управления военной разведки.

Жизнь его связана с постоянными и продолжительными зарубежными командировками.

Однако в связи с изменившейся, крайне сложной обстановкой в Чехословакии возникает острая необходимость замены военного атташе Советского Союза в этой стране. Там работал опытный военный атташе — генерал-лейтенант Николай Трусов, в прошлом начальник разведки фронта, которым командовал маршал Георгий Жуков.

Николай Михайлович был человеком принципиальным, последовательно отстаивал позицию руководства Советского Союза. Это не всегда нравилось тогдашним чехословацким лидерам. Так Трусов оказался нежелательной фигурой в Праге.

В Москве было принято решение назначить в Чехословакию нового военного атташе. Но кого? Атташе, с одной стороны, должен был полностью устраивать Прагу, с другой — умело проводить политику Москвы. Где найти такого военного дипломата?

Оказалось, такой дипломат есть. В самые трудные месяцы словацкого восстания он находился рядом с генералами Виестом и Голианом, в ледовом переходе шел плечом к плечу с будущими видными политическими и военными деятелями чехословацкого государства, в мае 1945 года вместе с танкистами армии Рыбалко рвался на помощь восставшей Праге. В Чехии и Словакии у него было множество боевых друзей.

Первый заместитель начальника военной разведки Герой Советского Союза Хаджи Мамсуров знал об этом. Несколько лет назад он сам рекомендовал Скрипку начальником спецуправления. Теперь Иван Иванович был нужнее там, в Чехословакии.

Со Скрипкой побеседовали начальник ГРУ генерал-полковник Петр Ивашутин, министр обороны СССР маршал Андрей Гречко. Потом были беседы в Центральном комитете партии. Вскоре генерал-майора Скрипку

утвердили военным атташе Советского Союза в Чехословакии. В декабре 1969 года он прибыл в Прагу.

Посол СССР Степан Червоненко принял нового военного атташе поделовому, с пониманием. Вскоре посол был приятно удивлен — президент Чехословакии Людвиг Свобода и генеральный секретарь ЦК КПЧ Густав Гусак очень тепло приняли у себя генерала Ивана Скрипку. Их примеру последовали и другие государственные деятели, знавшие Ивана Ивановича еще по военным годам.

Конечно, обстановка в Чехословакии тогда была непростая. Каждую ночь в квартире Скрипки раздавались телефонные звонки: пражане, разумеется, не представляясь, требовали вывода советских войск из Чехословакии. Увы, это было не во власти Скрипки, но выслушивать подобные требования приходилось.

Несмотря на все сложности, военный атташе Иван Скрипка никогда не уклонялся, не отказывался выехать на завод, фабрику, в школу, университет, в воинские части и соединения, чтобы выступить перед народом, высказать свою точку зрения.

Было много забот и по линии атташата. Через два месяца после приезда генерал Скрипка оказался в ассоциации военных атташе старшим по званию. Генералы других стран по окончании срока службы ушли на родину, и Иван Иванович стал дуаиеном военного дипломатического корпуса. А в корпусе, что называется, свои особенности.

Как-то на охоте военный атташе Китайской Народной Республики Ванг Шао Ву случайно выстрелил по чешскому егерю. Тот был в шапке, и китаец принял голову егеря, появившуюся за пригорком, за зайца. Раненый егерь попал в госпиталь. Все участники охоты сочувствовали ему, а вот китайский атташе, отличавшийся заносчивым характером, даже не навещил пострадавшего. Узнав об этом, генерал Скрипка встретился с китайцем, но тот только и сказал, что, мол, обычаи его страны не позволяют навещать больного.

Иван Иванович, не откладывая дела в долгий ящик, приехал в китайское диппредставительство и побывал у посла, сообщив о поведении военного атташе КНР.

Судя по всему, у посла с атташе состоялся разговор. На следующий день военный атташе Китая с букетом цветов посетил палату, где лежал раненый егерь. Отношения были налажены.

Сам же генерал Скрипка и его жена Полина Романовна всегда очень внимательно относились к своим коллегам. Помнится, супруга югославского военного атташе, тоже весьма высокомерная, со сложным

характером, оказалась на больничной койке. Кроме мужа ее никто не посещал. А супруга Скрипки с цветами и подарками приехала к больной, пожелала ей выздоровления. Жена югославского атташе была растрогана до слез. После выхода из больницы она стала инициатором более близких, дружеских отношений между ними и супругами Скрипка. Они стали дружить семьями.

Разумеется, отношения в среде военных дипломатов очень важны. Однако есть и сугубо служебные обязанности, например организация посещения атташе военных объектов страны, участие в учениях войск Варшавского договора.

Дуайен от имени военных атташе обязан приветствовать военного министра и его представителей, сопровождать прибывших в страну военных руководителей СССР, знакомить их с обстановкой.

В Чехословакию приезжало много обычных, рядовых советских граждан, чтобы посетить могилы погибших родственников.

Военный атташат помогал им устанавливать адреса захоронений, организовывал посещение могил.

После нескольких лет работы в Чехословакии у Ивана Ивановича стало пошаливать здоровье. В конце 1975 года он возвратился на родину, а на следующий год уволился в запас. За работу в Чехословакии президент ЧССР наградил генерала Скрипку орденом Белого льва II степени.

## Кавалерист и военный атташе

Начальник факультета вошел в аудиторию, окинул взглядом присутствующих. Прозвучала команда: «Товарищи офицеры!», и старший группы доложил:

— Товарищ генерал-майор! Выпускники разведфакультета академии собраны.

— Лучшие выпускники! — уточнил начфака и широко улыбнулся.

Действительно, это были его любимые ученики. Что называется, цвет армии: фронтовики, орденосцы, отличники.

— Вы прошли много экзаменов. И выдержали их успешно. Вас забирает к себе Главное разведуправление. Это высокая честь. Насколько мне известно, вы продолжите учебу в Военно-дипломатической академии. Но.

Генерал сделал паузу.

— Предстоит пройти еще один экзамен. Завтра вас ждут в ЦК на Старой площади. Думаю, не надо объяснять, что это такое.

И хотя офицеры никогда не были на Старой площади, и совершенно не представляли, что это такое, вопросов не прозвучало. Само название — Центральный комитет партии — говорило о многом. Не надо было ни о чем спрашивать. Каждый чувствовал: это и есть главный экзамен в их нынешней жизни и службе.

Наутро подстриженные, выбритые до синевы, выглаженные тщательнее, чем на парад, офицеры-выпускники разведфакультета военной академии им. М. В. Фрунзе собрались у входа в комплекс зданий на Старой площади.

Покурили, пообщались, попытались отгадать, о чем их могут спросить, однако никто и никогда на подобных беседах не был, и потому обсуждение вскоре зашло в тупик. Да и время поджимало.

Получив пропуска, они прошли в указанный корпус поднялись на этаж, нашли нужный кабинет.

Капитан Виктор Грошев заходил со второй группой офицеров. Ждали пока выйдут первые. Прошло четверть часа, 20, 30 минут. Офицеры нервно переглядывались, напряжение нарастало. Наконец двери кабинета распахнулись и в коридор вышли их сокурсники. С первого взгляда стало понятно: разговор был не простой. Какие-то взъерошенные, растерянные, дрожащими пальцами расстегивающие верхние пуговицы мундиров.

Все бросились к ним:

— Ребята, что?. Рассказывайте.

Но те лишь нервно отмахнулись.

— Зайдете, сами хлебнете.

Открылась дверь кабинета и из глубины комнаты прозвучало как-то тихо и совсем буднично, не по-военному:

— Грошев Виктор Федорович, зайдите.

Капитан шагнул в кабинет. Напротив за столом сидели двое в штатской форме — в костюмах, в белых рубашках, галстуках. Грошев вытянулся по стойке «смирно», представился.

— Присаживайтесь! — сказал один из сидевших за столом.

Второй, который постарше, открыл папку.

— Виктор Федорович Грошев, капитан. Выпускник разведфакультета академии имени Фрунзе. Кавалерист, между прочим, — говоривший с улыбкой кивнул соседу за столом. Тот оживился.

— Где служили?

— Второй гвардейский кавалерийский корпус генерал-майора Льва Доватора. Работник ЦК удовлетворенно кивнул:

— На фронте с ноября 1941 года, — продолжал читать первый. — Окончил Чкаловское кавалерийское училище. Командир сабельного взвода, заместитель командира эскадрона.

— Где принимали взвод?

— Да здесь, под Москвой. На марше, считай, и принимал.

— По списку бойцов человек двадцать было? — со знанием дела спросил сотрудник ЦК.

— Девятнадцать кавалеристов.

Задававший вопросы умолк, словно вспоминая о чем-то своем, а потом спросил:

— Сколько лет вам тогда исполнилось?

— Восемнадцать.

Да, так оно и было. Через неделю после своего 18-го дня рождения Виктор получил звание лейтенанта кавалерии и убыл на фронт под Москву. Из 36 молодых командиров — выпускников Чкаловского училища — половина попала в 1-й кавкорпус генерала Павла Белова, вторая половина — во 2-й корпус генерала Льва Доватора.

Программа обучения в училище была укороченной, всего пять месяцев, но прибывшие в войска лейтенанты не выглядели «зелеными» новичками.

Конечно, боевой опыт предстояло накопить, но премудрости

кавалерийского дела молодые комвзвода знали не хуже «старичков». Ведь до поступления в военное училище все они занимались конным спортом.

Виктор Грошев в своем родном городе Карсун, что в Ульяновской области, занимался в клубе «Ворошиловских всадников». Были такие клубы в системе ОСОАВИАХИМА. Работал с ними опытный кавалерист, их земляк, участник боев с японцами у озера Хасан. Он научил ребят не только умело держаться в седле, ездить верхом, но и ухаживать за лошадью. Без устали повторял: берегите коня, он вас на поле боя доставит, из-под огня вывезет.

С первых занятий их учили, как подойти к лошади, как ее оседлать. Казалось бы, что тут мудреного, забросил седло, подтянул подпруги, да и дело с концом. Ан, нет. Во время седловки надо следить, чтобы под потник седла не попали какие-либо посторонние предметы, иначе беда: во время езды можно набить спину коня. Да и само седло следует класть умеючи. Не сразу на свое место закидывать, а опустить сначала на холку, потом подвинуть так, чтобы выпрямился подвернутый волос на спине. Правила вроде бы простые, не мудреные, но их надо знать и точно исполнять.

А уход за конем. Это же ежедневная круговерть. Кормить, поить, чистить боевого друга три раза в день. Дождь, снег, мороз, а лошадь надо вывести на улицу, на коновязь, замыть копыта, дать овса, напоить.

Ну и занятия, конечно, с утра до позднего вечера: основы джигитовки, умение ездить без седла и в седле, освоение шашки. Он до сих пор помнит упражнение по круговому вращению шашки. Постоянные тренировки закаляли кисть, делали ее подвижной и гибкой. А резкий взмах руки сверху вниз, чтобы клинок делал полный круг. Без освоения этого коронного приема невозможно представить кавалериста, тем более командира-конника. Ведь важно было не только овладеть мощным рубящим ударом по врагу, но при этом уберечь и собственную лошадь. Известно, что любое неловкое движение всадника могло стоить коню отрубленного уха или рассеченного крупа.

Всем этим кавалерийским премудростям Грошев научился в родном Карсунском клубе, а потом в военном училище.

Первое боевое крещение командир сабельного взвода лейтенант Виктор Грошев получил зимой сорок 41-42-го годов. В декабре кавалерийские дивизии кавкорпуса под командованием генерал-майора Льва Доватора сосредоточились в лесах под Кубинкой. Им была поставлена задача войти в прорыв, сделанный советскими войсками во вражеской обороне и ударами по тылам 4-й немецкой армии содействовать наступлению наших частей в направлении города Руза.

После войны, уже в Военной академии им. М. В. Фрунзе, он узнает, как развивались события на фронте в целом. А тогда восемнадцатилетний комвзвода запомнил ледяную стужу, снега, метели и бои, бои. За деревни Житятино, Тимонино, Сафонику. Атаки конников в тылу армии для немцев были неожиданные, яростные, разгромные. Однако и кавалеристы несли большие потери. Тем не менее, активные действия 2-го гвардейского кавкорпуса в значительной степени облегчили наступление 5-й армии генерал-лейтенанта Л. Говорова.

А потом был еще один рейд в январе 1942 года. Корпус получил приказ овладеть железнодорожным узлом Шаховская, и дальше вести наступление на Гжатск. Там впервые лейтенант Грошев узнал, что такое пикирующие бомбардировщики «Юнкере», броски по лесным дорогам и полям на пол сотню километров за переход. И вновь ожесточенные бои за неизвестные села Куклово, Быково, Среда, стремительные налеты на немецкие гарнизоны, преследование отходящего врага.

В зимних боях 41-42-го годов корпус понес большие потери и был выведен на переформирование в город Нудоль, что в Подмосковье. Из 36 молодых лейтенантов, прибывших из Чкаловского кавалерийского училища, в строю осталось всего 12 человек. Среди них был и Виктор Грошев. Из боев он вышел жив, здоров и невредим.

«Повезло», — подумал тогда комвзвода. Но он еще не знал, что война не любит везунчиков.

— Виктор Федорович! — сказал один из сотрудников ЦК. — Товарищ капитан!

Воспоминания отлетели, словно испуганная птица, и вновь перед ним строгий кабинет на Старой площади и двое в черных костюмах.

— У вас орден Отечественной войны первой степени.

— Да, это за рейд по тылам в 42-м.

— Вы оказались там? — спросил тот, который помоложе. «Он точно кавалерист или хорошо знает путь корпуса Доватора, — подумал Грошев. — Ибо человек, далекий от кавалерии, вряд ли поймет эту фразу про то, что он оказался там. Где там? А ответ донельзя прост, если ты очутился в захлопнутой ловушке в зимних, заснеженных лесах Смоленщины.»

Случилось это в ноябре 1942 года. Наши войска перешли в контрнаступление под Сталинградом, а Ставка Верховного для содействия этому успеху, проводила частные операции. Одна из них — наступательная операция по ликвидации Ржевско-Сычевского выступа и разблокированию железной дороги Москва — Великие Луки.

К сожалению, немецкая разведка своевременно вскрыла сосредоточение наших сил, и действенного прорыва обороны не получилось. Ввод 2-го гвардейского корпуса был не обеспечен и конники с большими потерями сами завершали прорыв. Группа кавалеристов корпуса в составе примерно трех с половиной полков ночью в конном строю сумела проскочить между опорными пунктами врага и вышла в тыл противника. Кавгруппу возглавил комдив полковник П. Курсаков. Она перешла к партизанским диверсионным действиям.

В составе этой группы со своим взводом оказался и лейтенант Грошев.

Позже о днях проведенных в тылу врага он будет вспоминать так: *«Условия, в которых нам приходилось воевать были крайне тяжелыми. Стояла суровая, морозная зима. Жили в шалашах, костры разжигали только днем. Ночью делать этого было нельзя, они могли привлечь внимание немецких летчиков. Почти два месяца не снимали с себя одежду.*

*Кончилось продовольствие. Изредка с самолетов нам сбрасывали сухари, колбасу, концентраты. Но основной пищей была конина. Варили ее часами, иначе не разжевать. От бескормицы начался падеж лошадей.*

*В ходе боевых действий появлялись раненые, больные. В одной из вылазок немецкая пуля попала мне в кисть руки. Ранение вроде бы и легкое, но рука распухла, болела, не заживала.*

*Решено было вывезти больных и раненых самолетами на Большую землю. Нас разместили в шалашах и в землянках заброшенной базы партизанского отряда «Сычевский». Ждали самолеты, ночью жгли сигнальные костры, но они не прилетали.*

*Вместо них появились немцы. Местонахождение лазарета выдал сбежавший к фашистам предатель. Каратели окружили лагерь с трех сторон. Бой длился больше часа. Немногим, кто мог двигаться, удалось спастись».*

Одну из групп раненых, которые были способны держать оружие, возглавили командир эскадрона Дьяченко и взводный Грошев.

*«Пьяная орда, в которой немецкая речь перемешивалась с русской, стала просачиваться на территорию лагеря, — напишет в своих мемуарах командир кавполка полковник Савва Журба. — В землянки с тяжелоранеными полетели гранаты...*

*Слабодян, Рожков, Дьяченко, Грошев знали, что люди, которых они объединили, в плен не сдадутся и молить о пощаде не будут.*

*Раненные конники (многие из них передвигались с помощью самодельных костылей) залегли за поваленными соснами.*

*— Огонь! — скомандовал Слабодян.*

*Во врага полетели последние гранаты. Нападавшие несли потери.*

*Левее атаковала группа Дьяченко и Грошева. Противник стал отступать, и этой растерянности было достаточно, чтобы вырваться из кипящего ада в спасительный лес.*

*Обессиленные, обходя вражеские засады, кавалеристы во главе со Слабодяном пять часов петляли по заснеженному лесу, пока не вышли на партизан из отряда «Мститель».*

*К рассвету в партизанском лагере появилось еще 20 человек под руководством Дьяченко и Грошева...»*

Командование кавгруппы, узнав о трагедии с ранеными, прислало к партизанам связных, которые вывели конников к своим. Теперь они были вновь в составе родных эскадронов.

А вскоре пришел приказ кавалеристам на выход из тыла. Лейтенант Грошев был включен в состав оперативной разведгруппы штаба дивизии.

Бойцы и командиры передвигались только по ночам, стараясь не ввязываться в крупные огневые стычки с фашистами. Опергруппа, в которую входил Грошев, занималась поиском безопасных маршрутов, мест перехода через дороги.

Наступила третья ночь. Конники вновь были в дороге. Виктор шел в хвосте штабной колонны. По цепочке прошелестела команда: «Лейтенант Грошев с двумя бойцами, вперед!»

Пистолет в кобуре, автомат на груди, палка, которая помогала не застрять в глубоком снегу, — в руке. В таком виде предстал он перед начальником штаба дивизии. Выслушал приказ выдвинуться в северном направлении и разведать обстановку. Начштаба. предположил, что, возможно, они уже вышли к своим.

Грошев, его коновод Шепелев и еще один боец-разведчик двинулись вперед. Где-то вдалеке слышалась редкая стрельба, в воздух взлетали осветительные ракеты. Прошли с километр пути, пересекли две свежие лыжни, но людей не встретили. Возвратились и пошли по дороге протоптанной колонной. Через некоторое время их остановил окрик:

— Стой, кто идет?

— Свои.

— Кавалеристы, что ли?

Стало ясно, что они вышли к своим. Дозор пехотинцев указал им путь к населенному пункту Бабоеды.

Так во второй половине января 1943 года конники возвратились из рейда по тылам врага. Газеты написали об их рейде, как о коллективном подвиге. Многие были награждены. Лейтенанту Виктору Грошеву вручили

орден Отечественной войны I степени.

После отдыха и пополнения их кавдивизия 2-го гвардейского кавкорпуса вновь оказалась на фронте. Их передали в состав Западного фронта. За шесть ночных переходов конники прошли свыше 200 километров и сосредоточились за боевыми порядками 11-й гвардейской армии генерала Ивана Баграмяна. Здесь, в боях за город Карачев помощник начальника штаба дивизии по разведке старший лейтенант Грошев получил два тяжелых ранения и контузию. После долгого лечения чудом остался в строю, умолил начальника госпиталя изменить первоначальный диагноз, и был направлен в 3-ю запасную кавалерийскую бригаду, командиром маршевой роты.

Неоднократно пытался вернуться на фронт, но неудачно.

В 1946 году завершил обучение в Краснознаменной высшей кавалерийской школе им. С. М. Буденного. А в следующем году поступил в академию им. М.

В. Фрунзе. В 1950-м выпустился с дипломом и золотой медалью.

— Ну что, Виктор Федорович! Не застоялись вы в стойле? — усмехнулся сотрудник ЦК постарше.

Грошев удивленно взглянул на него.

— Я имею в виду, не засиделись на академической скамье. Как-никак пять лет учитесь с небольшим перерывом.

Своего коллегу поддержал другой:

— Боевой офицер, фронтовик, не устали по аудиториям. — сотрудник оборвал фразу.

— Штаны протирать, — откровенно и прямо продолжил Грошев. — В войска готов хоть завтра. Для этого и учился.

ЦКовцы удовлетворенно заулыбались.

— Что ж, это честно, по-офицерски. Только вот не все ваши товарищи так считают. Ладно, мы подумаем, как дальше с вами поступить.

Подумали. И решили не в военно-дипломатическую академию их отправлять, а на высшие академические курсы офицеров разведки Генерального штаба. Учились год, но напряженно и интенсивно. Давали только иностранный язык и агентурную подготовку. «Даже марксистско-ленинской подготовки не было», — признался как-то Виктор Федорович.

Грошев окончил ВАК в 1951 году, и сразу же его взяли в англо-американское управление ГРУ. Началась подготовка к зарубежной командировке.

...В 1953 году он выехал в Англию. Должность самая скромная — референт аппарата военного атташе. Виктор Федорович уже был майором,

но ему приказали надеть капитанские погоны, чтобы не вызывать вопросов и подозрений. Такое «понижение в звании» он воспринял спокойно: надо, значит надо.

Никаких вербовочных задач не ставили. Да это и понятно: первая поездка за рубеж, да еще в Британию, надо было осмотреться, «въехать» в обстановку, набраться опыта.

Правда, несмотря на молодость и неопытность, ему дали на связь одну из самых ценных агентурных групп резидентуры — группу Орсена. Возможно, это случилось потому, что групповод был уже «матерым» агентом, работал с нашей разведкой еще со времен войны. В этот разведколлектив кроме Орсена входили трое ценных источников: один работал в Министерстве вооружения, второй — в центре, где разрабатывалось биологическое и химическое оружие, третий — трудился в Портсмуте и занимался военно-морской тематикой. Жена Орсена исполняла обязанности связного.

По своим оперативным возможностям это была поистине фантастическая разведгруппа. Достаточно сказать, что двое агентов группы удостоились за свою работу высших наград Советского Союза — орденов Ленина, а так же ордена Красной Звезды. И сегодня в музее ГРУ на одном из стендов выставлены их награды. Под ними скромная надпись: «Ордена агентурной группы лондонской резидентуры».

Бывая в музее, полковник в отставке Виктор Грошев подолгу задерживался у стенда. Да, действительно, замечательная была командировка. Приехав в Лондон референтом аппарата, Виктор Федорович стал помощником, а потом и старшим помощником военного атташе. Надо сказать, подобное встречается не часто. И хотя, как мы уже сказали, ему не ставились задачи по вербовке агентов (хватало дел по руководству группой Орсена), Грошев сумел привлечь к сотрудничеству руководителя одной из местных фирм. Ценен он был тем, что его компания занималась военными заказами.

Когда первая командировка подходила к концу, за успешную работу в Англии Виктора Федоровича представили к ордену. Однако представление попридержали, и Центр предложил на выбор: либо награда, либо квартира. Шел 1957 год. В Москве у Грошева ни кола ни двора. Он выбрал квартиру на Большой Молчановке. В двух комнатах жил сосед, тоже офицер-разведчик, а еще две достались Виктору. Что ж, как модно было тогда писать в газетах, заслуженная награда нашла героя.

После удачного зарубежного дебюта Грошева оставили в центральном аппарате ГРУ, в родном англо-американском управлении. Однако долго в

Москве он не задержался. Уже через два года его вновь командировали в Лондон. Должность военного атташе по-прежнему занимал генерал Иван Ефимов, под руководством которого Виктор Федорович работал в первую командировку. Иван Павлович к разведке не имел ровным счетом никакого отношения. Он осуществлял представительские функции, а вот его старший помощник Виктор Грошев занимался агентурной деятельностью.

Думается, подобное распределение обязанностей не было секретом для спецслужб Великобритании. Подтверждением тому сообщения в британской прессе. Одно из них явно указывает на принадлежность Грошева к разведке.

*«Вчера в газете «Санди телеграф», — писали англичане, — была помещена примечательная фотография работников советского посольства в Лондоне... Неприметно, на заднем плане стоит полковник Грошев, кавалерист и помощник военного атташе. Это он... является ответственным за советскую разведку в Великобритании.»*

*Серьезный, дружески настроенный мужчина, полковник Грошев крепко засел в Лондоне в качестве сотрудника ГРУ советской системы военной разведки. Между тем, его начальник генерал-майор Ефимов продолжает отрицать, что его помощник занимается шпионажем».*

Нет сомнений, что эта утечка в прессу сделана с легкой руки английской контрразведки. Но, как говорят, не пойман — не вор. Грошев действовал осторожно, умело, профессионально. Успешно провел вербовку ценного агента, который проходил службу в штабе Гринвичского арсенала. У него был доступ к материалам самой высокой секретности.

По итогам второй командировки Виктора Федоровича наградили орденом Красной Звезды.

И вновь работа в Центре, сначала помощником начальника управления, потом начальником англо-канадского направления.

Служба, как говорится, шла своим чередом и вот однажды вызывает его к себе начальник управления генерал Валентин Мещеряков. Они давно знали друг друга: в Лондоне Мещеряков приехал на смену Грошеву, когда у того закончилась командировка, а через два года было все наоборот — Виктор Федорович менял Валентина Ивановича. Теперь Мещеряков его начальник, но несмотря на это отношения у них оставались дружескими.

Словом, Грошев прибыл к начальству. Мещеряков усадил его и задал вопрос, который давно мучил и самого Виктора.

— Скажи мне, сколько ценных оценок за год получила канадская резидентура? — спросил генерал.

Он, разумеется, и сам прекрасно знал ответ на этот вопрос. Но видать,

хотел услышать столь занимательную цифру из уст Грошева.

— Да ее и произносить.

— Вот именно, стыдно ее произносить. Восемь ценных оценок!.. Всего-навсего... — замялся Виктор.

Начальник управления замолчал. Грошеву тоже нечего было сказать. Да и что тут скажешь.

— Значит так, — наконец после долгой паузы произнес генерал, — принято решение послать тебя в Канаду военным атташе и руководителем разведаппарата.

Мещеряков пристально смотрел на Грошева, пытаясь понять, как воспримет его слова Виктор. Он воспринял их, как должно офицеру — с пониманием и благодарностью. Получив согласие, начальник управления предупредил.

— Учти, Виктор, Оттава — это тебе не Лондон. Городок по нашим меркам, малый. Все как на ладони. Работать тяжело. Так, что легкой службы не обещаю.

А он и не ждал легкой службы. Тогда на кой ляд его туда посылать?

*«Канада, — вспоминал Виктор Грошев, — страна с особым контрразведовательным режимом, — КРОшники работают жестко и профессионально, покрепче, чем в Англии. Местные живут достаточно обеспечено, и найти, завербовать человека на материальной основе очень тяжело, а на идейной практически невозможно. Там запросто сломаешь себе шею и вербовку не проведешь.*

*После предательства Гузенко столько лет прошло, а там все его помнили и на нас косо смотрели. Оттава, действительно, городишко маленький. Куда не поедешь, все тебя видят.*

*В Лондоне три аппарата атташе, в Канаде — один, и тот не большой. Тем не менее, мы за дело взялись крепко. За первый год резидентура дала 36 ценных оценок, провели две вербовки».*

Таким же напряженным был и следующий год. А в 1970 случилось несчастье.

От перегрузок, волнений у резидента Виктора Грошева не выдержало сердце, случился инфаркт. Его срочно поместили в канадский госпиталь.

Круглосуточно у его постели дежурили сотрудники посольства, аппарата военного атташе. Как только стало возможным переправить его в Советский Союз, на самолете доставили в Москву. Сначала лечили в госпитале им. Мандрыка, потом был реабилитационный период. А вскоре, после выхода на службу, его пригласил к себе начальник управления кадров генерал Изотов. У него в кабинете уже находились генерал Валентин

Мещеряков и начальник медслужбы ГРУ Яков Брюханов.

С «главным врачом» военной разведки Виктор Федорович был знаком давно, еще с фронта. Они служили в одной дивизии. Яков Васильевич командовал медицинским эскадронам.

— Мы хотели бы с вами побеседовать, — начал издавека Изотов. — Дело в том, что замены пока нет. Не смогли бы поехать снова в Канаду. Ненадолго. Месяца на три-четыре.

Грошев согласился. Быстро собрался, на самолет и в Оттаву. Конечно, эта поездка не ограничилась тремя месяцами, и в работу пришлось впрягаться по полной. Ведь он руководитель разведаппарата, и не в турпоездку сюда приехал. Через восемь месяцев ему наконец нашли замену, он возвратился на Родину и тут его догнал второй инфаркт. Опять госпиталь им. Мандрыка.

Когда возвратился на свое рабочее место в ГРУ, уже сам ждал вызова в кадры. Генерал Изотов вновь пригласил его к себе на беседу. Всесильный кадровик по-прежнему был внимателен, но речь генерала прозвучала как приговор.

— Думаю, вы понимаете, что уже не перспективны для зарубежной работы, — сказал он.

Конечно же, Виктор Федорович понимал это как никто другой. Было обидно и горько, но кадровик оказался прав: какой из него теперь резидент с двумя инфарктами.

— Не хотите поработать в академии? — предложил Изотов. — Знаний, опыта у вас достаточно.

Так он оказался в Военно-дипломатической академии, на первой кафедре. А когда в 1979 году уволился с военной службы, перешел в другое подразделение, в научно-исследовательский отдел, и отработал там еще 26 лет. За эти годы подготовил много научных работ, монографий, провел исследования. Среди них и специальные работы, такие, к примеру, как «Доброжелатели и их использование в разведке» и исторические — книга о легендарном начальнике Разведуправления Красной Армии Якове Берзине. Учебные пособия, написанные Виктором Федоровичем Грошевым, и сегодня помогают в подготовке новых поколений разведчиков.

## Поединок с «Черными полковниками»

Осенью 1939 года в полк связи, дислоцированный на окраине города Куйбышева, прибыл командующий Приволжским военным округом. В полку к приезду высокого начальства готовились тщательно: драили, мыли, красили. Еще бы, командующий приезжает нечасто, опростоволосишься — запомнит надолго.

В день прибытия командующего во внутренний наряд по ротам и дивизионам назначили лучших, самых бойких, грамотных красноармейцев. По радиодивизиону дежурил красноармеец Виктор Бочкарев. Он и встречал делегацию из штаба округа.

Когда командующий, начальник штаба, командир полка вошли в казарму дивизиона, Бочкарев, как положено по уставу, подал команду, рубанул навстречу строевым шагом и четко, без запинки доложил. Он вел себя настолько естественно и уверенно, что командующий удивленно хмыкнул. Обычно красноармейцы тушевались, терялись, с трудом выдавливали из себя слова доклада, а тут этакий удалец. Ему прямо-таки и море по колено.

— Силен, — командующий округом улыбнулся, оглянулся на командира полка. Ему явно нравился красноармеец. — Бравый парень!

Комполка словно того и ждал. С гордостью доложил:

— Он у нас еще и полиглот, товарищ командующий.

— Да? И сколько языков у вашего полиглота в запасе? Красноармеец, взяв под козырек, принялся перечислять:

— Английский, немецкий, французский.

Брови командующего подскочили вверх. А Бочкарев тем временем продолжал:

— Румынский, испанский и... эсперанто.

— Даже эсперанто?

Командующий был явно удивлен. Он пожал руку полиглоту и вышел из казармы. На крыльце кивнул начальнику штаба:

— Ты бы пригляделся к парню, Александр Иванович. Толковый хлопец.

Что ж, приказ есть приказ. Начштаба пригляделся. Через неделю в полк пришла телеграмма. Было велено откомандировать красноармейца Бочкарева в распоряжение разведотделения штаба Приволжского военного округа.

Командир полка только развел руками: называется, похвалился. Так Виктор Бочкарев попал в разведку.

Повинуясь приказу, прибыл в разведотделение штаба округа. Его проверили на знание языков и, вполне удовлетворившись уровнем подготовки, посадили за перевод немецкой прессы. Он делал обзоры германских газет и журналов для доклада командованию округа, помогал составлять таблицы тактикотехнических данных техники и вооружения вермахта, вел карту дислокации вооруженных сил Германии на территории страны и в Европе.

Однако и в округе Бочкарев задержался недолго. Видимо, кто-то из его начальников, подобно командиру полка, похвалился полиглотом перед московским шефом. И уже в начале 1940 года его переводят в Москву, в 5-е управление РККА — так в ту пору именовалась военная разведка.

Для своих неполных 24 лет Бочкарев был удивительно разносторонне подготовленным: владел шестью иностранными языками, знал радиодело, имел опыт журналистской работы. Был отменно развит физически — альпинист, велогонщик, лыжник, пловец. Имел жизненный опыт — после школы работал котельщиком на машиностроительном заводе, транспортировщиком в литейном цехе на вагоностроительном, бетонщиком на строительстве жилых домов, ходил матросом на речных судах Днепропетровского пароходства.

Жизнь заставляла тогда рано взрослеть. Отец Виктора — фронтовой хирург, начальник госпиталя умер от тифа еще в 1921 году, когда ему не исполнилось и шести лет.

С тех пор они жили с мамой. Жили тяжело, голодно. Так что подрабатывать пошел рано. Еще мальчишкой чистил снег на железнодорожной станции, разгружал вагоны, продавал книги на толкучке, подряжался на тачке подвозить продукты на рынок. Кстати, трудовая заплата, обретенная еще в детстве, юности, не раз его потом выручала на долгой жизненной стезе.

Вот таким, молодым и в то же время достаточно опытным для своих лет предстал Бочкарев перед взором Героя Советского Союза, начальника военной разведки генерал-лейтенанта Ивана Проскурова.

Виктор знал: генерал — летчик-ас, храбро воевал в Испании, за что и был удостоен Золотой Звезды Героя.

Проскуров встретил молодого сотрудника приветливо, рассказал, как участвовал в боях с фашистами, поинтересовался, приходилось ли Бочкареву попадать в сложные, опасные ситуации. Виктор понимал: все, что случалось с ним, ни в какое сравнение не идет с боевыми подвигами

Проскурова, но, как говорится, что было, то было. Об этом он и поведал генералу — как тушил пожар ночью на Днестре, когда загорелся пассажирский пароход, как во время дальнего лыжного перехода с группой комсомольцев попали в снежный буран и едва не погибли, но Виктору удалось спасти ребят. А еще было сложное восхождение на одну из горных вершин Кавказа.

Проскуров все это время внимательно слушал Бочкарева. Когда Виктор замолчал, генерал еще раз уточнил:

— Так сколько говорите у вас языков?

— С эсперанто шесть. Естественно, я не считаю украинский. Он мой родной, как и русский.

— А зря не считаете украинский. Он нам очень может пригодиться, — в задумчивости произнес генерал. — Значит у вас, Бочкарев, еще и румынский? Хорошо.

Видимо, начальник военной разведки строил свои далеко идущие планы.

— А радиодело где вы изучили?

— Проходил службу в полку связи.

Их беседа длилась более двух часов. В конце Проскуров предложил Бочкареву с учетом знания немецкого и румынского языков, радиодела поработать в качестве разведчика-нелегала на территории Румынии. Попросил не торопиться с ответом. Но Виктор долго не думал. Через несколько дней он дал свое согласие. Началась подготовка к работе за рубежом.

С ним немало работали опытные военные разведчики полковники И. Большаков и А. Коновалов.

Весной 1940 года он уже во Львове, в распоряжении начальника оперативной группы, выполняет особое задание Центра.

Обстановка на Западной границе меняется быстро. В сентябре наши войска переходят советско-румынскую границу и занимают территорию Северной Буковины и Бессарабии. И Виктор Бочкарев уже в форме офицера погранвойск движется в составе танковой части. У него теперь другие задачи.

В конце 1940 его отзывают в Москву, а в январе нового, 41-го он уже оперативный офицер пограничного разведпункта в Каунасе.

В зону ответственности разведпункта входил участок советско-германской границы, проходивший по территории Литвы. Его охраняли три погранотряда войск НКВД СССР.

Офицеры пограничного разведпункта непосредственно

взаимодействовали с разведотделом 12-й армии.

К сожалению, сделать удалось не много. В распоряжении разведчиков было всего полгода. Начинать пришлось, по существу, с нуля, на пустом месте. Было завербовано несколько курьеров, которых готовили к нелегальной работе в случае осложнения отношений с Германией. Их перебросили через границу, потом вывели обратно. Хотя сделать это было крайне сложно. У немцев на той стороне хорошо работали осведомители, да и население приграничной зоны зорко следило за появлением новых людей.

В середине июня 1941 года Бочкарева срочно вызвали в Москву. По прибытии он явился к начальнику отдела полковнику Кузнецову, доложил об обстановке на литовском участке советско-германской границы. Рассказал, что знал прямо и без утайки: отмечается крупное сосредоточение немецких войск, готовых к началу боевых действий. Добавил, что по разведданным агентуры их пункта, местное население, да и солдаты вермахта, только и говорят о скором начале войны против Советского Союза.

Судя по всему, Бочкарев своим докладом озадачил полковника. Тот приказал об обстановке на границе не распространяться и попытался успокоить Виктора, мол, скорее всего, сосредоточение немецких войск в Восточной Пруссии связано с выводом их на отдых после завершения военных действий в Европе. А разговоры о войне распространяются противниками советско-германского пакта о ненападении, конечно же, в провокационных целях.

Больше полковник не стал говорить о положении на границе, а перешел к делу. А дело было таково: лейтенанту Бочкареву приказали получить у начфина Разведуправления крупную сумму немецких марок, польских злотых и советских рублей и доставить их начальникам трех разведпунктов — во Львове, Бресте и Каунасе.

Бочкарев попросил выделить в помощь ему сопровождающего, однако вместо этого лейтенанту вручили два пистолета «Вальтер» и заказали отдельное купе в международном вагоне поезда, следующего во Львов.

20 июня он прибыл во Львов и вручил деньги начальнику разведпункта. Тот под большим секретом сообщил: не исключено, в ближайшие дни начнется война, в Брест не заезжай, сразу следуй в Каунас. Бочкарев так и поступил.

В 3 часа утра 22 июня 1941 года он прибыл в Каунас. Через час окраину города, где находились воинские склады, уже бомбили немецкие самолеты.

В тот же день началась срочная эвакуация разведпункта. Удалось погрузить личный состав, семьи офицеров, двух агентов, которых не успели отправить на германскую территорию, материально-техническое имущество. Полностью был вывезен склад гражданской одежды немецкого производства, который специально создавали по заданию Центра. Кстати, эта одежда очень пригодилась Разведуправлению в первые годы войны. Именно в эту одежду экипировали наших разведчиков, засылаемых в Германию.

В ходе следования начальник поезда принял единственно верное решение — следовать в Москву не через Минск, а через Даугавпилс — Великие Луки. Это спасло эшелон.

Через две недели каунасский пограничный разведпункт прибыл в Москву. Чего только не нагляделись они в дороге, но самым большим потрясением для молодого лейтенанта было то, как тысячи людей из-за неорганизованности местной власти, нерасторопности военкоматов без обмундирования, оружия выдвигались навстречу фашистским войскам, гибли, попадали в плен, разбегались.

На следующий день после прибытия офицеры пункта в том же вагоне были направлены в распоряжение штаба Юго-Западного фронта. Бочкарева за час до отправки эшелона неожиданно вызвали в Разведуправление и приказали написать все, что он знал о подготовке немцев к войне, а также все виденное в дороге.

Этот вызов спас ему жизнь. Его сослуживцы по каунасскому разведпункту погибли осенью 1941 года в окружении восточнее Киева. Чудом выживет только один радист — лейтенант Передера.

## «Прошу доложить: завтра война!»

Холодным ноябрьским вечером 1989 года в Берлине, в своей квартире, скончался старик. Ему было 82 года. Он умер от сердечного приступа, сидя в кресле у телевизора.

Старик смотрел репортаж о том, как разбушевавшаяся толпа громила здание госбезопасности ГДР. На экране люди с перекошенными от злобы лицами били окна, ломали мебель в кабинетах, рылись в шкафах и сейфах. Поджигали, топтали, крушили.

Хоронили старика тихо, по-семейному. На кладбище социалистов в Берлине. Государство, которому он служил всю жизнь, исчезало с карты Европы, а новому не нужна была память о нем. В одной из германских газет появился небольшой некролог, в котором говорилось, что скончавшийся был журналистом, партийным работником, дипломатом.

В Советском Союзе, которому вскоре тоже была уготована горькая судьба ГДР, в прессе о старике не появилось ни строчки. Только в одной из московских квартир раздался телефонный звонок. На том конце провода говорили по-немецки. Звонил сын старика из Берлина. Взявший трубку москвич слушал, отвечая при этом по-немецки. Когда в комнату вошла жена, он уже закончил разговор и, отвернувшись, глядел в темное окно.

За стеклом ледяной ветер трепал голые ветви деревьев. Жена, чувствуя настроение мужа, спросила:

— Что случилось? Кто звонил?

— Умер Герхард Кегель.

Виктор Викторович Бочкарев (а это был он) опустил на диван.

— Не выдержало сердце. Увидел по телевизору, как громят разведку.

Бочкарев с горечью подумал, как несправедливо устроена жизнь. Этот берлинский старик, тихо умерший в кресле, столько сделал для его страны, что, пожалуй, было бы вполне заслуженным выражение соболезнования от советского правительства. А наяву вот только они с женой и знают о его смерти. Он, конечно, обзвонит ветеранов разведки, сообщит в ГРУ. Вот, пожалуй, и все, что в его силах.

Герхард Кегель был одним из ценнейших агентов советской военной разведки перед войной и в войну. Он входил в берлинскую резидентуру легендарной «Красной капеллы».

Широко известен факт, как Рихард Зорге предупреждал Центр о фашистском нападении. Но мало кто знает, что именно сообщение

Герхарда Кегеля за два дня до начала войны, хоть и с опозданием и проволочками, было доложено начальником военной разведки Голиковым самому Сталину. Голиков, вернувшись из Кремля, с досадой бросил лишь одну фразу ожидавшим его сотрудникам Разведуправления Леонтьеву и Поляковой: «Он не поверил!»

А ведь это было не единственное агентурное сообщение Кегеля. Да и не только его.

Герхард, Герхард. Они дружили и после войны, когда Кегель работал в газете «Нойес Дойчланд», потом в ЦК СЕПГ. Виктор бывал у него в гостях в Германии.

В одну из таких встреч вспоминали тревожный 1941-й. В мае в германское посольство в Москве по личному заданию Гитлера приехал сам Вальтер Шелленберг. Разумеется, под чужой фамилией, под личиной простого инженера-химика. В узком кругу, крепко выпив, эmissар фюрера поделился некоторыми сведениями зловещего плана «Барбаросса». Кегель тут же доложил о встрече с Шелленбергом оперативному офицеру ГРУ. Центр заинтересовался сообщением и организовал обстоятельную беседу с Кегелем.

Позже в своей книге «В бурях нашего века» Герхард Кегель посвятит той встрече целую главу. Она будет называться «Серьезный разговор с Центром».

Бочкарев достал папку с бумагами, нашел перевод главы, который сделал несколько лет назад из немецкого издания книги. Книгу ему подарил сам Кегель — с автографом.

«Однажды мой друг Павел Иванович (оперативный псевдоним сотрудника ГРУ Константина Борисовича Леонтьева) сказал мне, что Центр хочет провести со мной обстоятельную беседу», — писал Кегель. Бочкарев знал, чем закончилась эта встреча. Кегелю не поверили. Ведь он говорил, что скоро война.

Однако, несмотря на неудачу, Кегель продолжает делать все возможное, чтобы предупредить руководство военной разведки о готовящемся нападении фашистской Германии на Советский Союз.

20 июня 1941 года Кегель докладывает Центру, что знакомый дипкурьер, прибывший из Берлина, доверительно сообщил: война против СССР начнется 21 или 22 июня.

Наконец 21 июня Кегелю с трудом удалось вырваться из немецкого посольства и, рискуя жизнью, позвонить по телефону с Центрального телеграфа, попросить о срочной встрече с сотрудником ГРУ. Вышедшему на встречу офицеру Герхард сообщил: во дворе посольства сжигают

секретную документацию, уничтожают шифры. Он просил доложить: завтра война. Как опытный агент, спросил у представителя Центра, каковы указания в отношении его дальнейшей работы. Офицер посоветовал не проявлять горячности и заявил, что будет еще достаточно времени решить этот вопрос.

Как показала история, времени у нашей страны не оставалось совсем. Кегель оказался прав.

Всю жизнь он посвятил борьбе с фашизмом. И представить себе не мог, что умрет, как кричали по телевизору, «в счастливый миг объединения немецкой нации». Для него тот миг стал последним. Ему не досталось счастья. А может, агент легендарной «Красной капеллы» представлял свое счастье совсем иным?

## Встречи с Мессершмидтом

В первом отделе ГРУ, куда попал Бочкарев в начале войны, было всего шесть офицеров. Только в середине 1943 года их штат увеличили вдвое. А пока этой доблестной шестерке приходилось подбирать сотрудников для заброски в тыл, вести их оперативную подготовку, обеспечивать легендирование, снабжать документами, разрабатывать условия связи, осуществлять засылку агентов и руководить их дальнейшей работой. Словом, делать из обычных людей разведчиков.

Работа шла в столь напряженном режиме, что один офицер, как правило, готовил сразу несколько разведгрупп и отдельных агентов, а также у него на связи уже находились две-три резидентуры.

Особое внимание уделялось работе с военнопленными. С 3 августа 1941 года в войсках действовала директива Ставки об обязательной и немедленной отправке пленных офицеров, унтер-офицеров и летчиков вермахта в Москву, в распоряжение Разведуправления Красной Армии.

Специальная группа офицеров-разведчиков, которые владели немецким языком, располагалась в столице на улице Грицевец, 19. Сюда и попадали прибывающие с разных фронтов плененные фашисты. Поначалу это были, в основном, немецкие летчики, сбитые над нашей территорией.

В конце сентября один из таких пилотов оказался на допросе у лейтенанта Виктора Бочкарева. Выяснилось, что это был не первый его полет на Москву, и капитан люфтваффе Мессершмидт (такую «авиационную» фамилию носил пленный) верил в свою звезду. Он выглядел несколько обескураженным, но не потерял присутствия духа.

Откровенно говоря, на первом допросе командир сбитого Ю-88 вел себя умело и хитро. Он убеждал Бочкарева, что в тайны командования не посвящен, знал маршрут своей боевой машины, район бомбежки, да и то до него не дотянул, был сбит зенитной артиллерией, выбросился с парашютом. Экипаж его самолета, судя по всему, погиб.

Так, в сущности, и произошло. Но о подробностях боя Бочкарев был осведомлен и без Мессершмидта, а вот что касалось позиции капитана «моя хата с краю» и я знаю только свой маршрут, тут лейтенант фашисту не поверил. Мессершмидта препроводили в камеру, а Виктор начал внимательно изучать документы пилота. Его внимание привлекла записная книжка пленного. Это был настоящий ребус. Бочкарев вскоре понял: капитан делал стенографические записи, да еще мелким, куриным

почерком, разумеется, по-немецки. Будь такая абракадабра записана по-русски, и то вряд ли разберешься, а тут еще на чужом языке. На это и рассчитывал фашист, мол, откуда у диких русаков найдутся спецы по немецкой стенографии. Но Мессершмидт просчитался. Действительно, таких специалистов были единицы, но, поди ж ты, не повезло фашисту, Бочкарев знал немецкую стенографию.

Три часа кряду лейтенант разведки разгадывал витиеватые значки. И разгадал. Оказывается, командир самолета Ю-88 участвовал в совещании командиров летных частей немецкой воздушной армии. Там же из уст командования и прозвучали даты 30 сентября — 1 октября, которые Мессершмидт пунктуально занес в свою записную книжку. А цифры оказались особой важности — на эти сутки гитлеровское командование назначило генеральное наступление на Москву. На втором допросе фашистскому пилоту ничего не оставалось, как подтвердить верность расшифрованных записей. Они в тот же день были доложены командованию Разведуправления, далее в Генштаб и в Ставку Верховного.

Фашистский пилот, судя по всему, пережил настоящий шок. Этот невзрачный русский лейтенант, которого, казалось, он, чистокровный ариец, легко обвел вокруг пальца, «расколол» его за три часа, и Мессершмидт, по сути, выдал врагам дату наступления на Москву. Капитан люфтваффе запомнил Бочкарева на всю жизнь. Пройдя советский плен, лагеря, Мессершмидт выживет, вернется в Германию и через 20 с лишним лет неожиданно встретит того русского лейтенанта. Встретит случайно на автостраде в районе границы между ФРГ и Австрией. Они остановят свои машины случайно в одном и том же месте.

Фронтной пилот представится, напомним русскому о Москве 1941 года, о его допросе, однако тот почему-то холодно ответит, что господин Мессершмидт ошибся и перепутал с кем-то другим. Мало ли похожих людей. Это правда, есть похожие друг на друга люди, но того русского лейтенанта он не спутает ни с кем.

Мессершмидт оказался прав: это был он, русский лейтенант, который допрашивал немецкого пилота в начале войны. Только признаться Виктор Викторович не мог, хотя и очень хотел. В тот день военный атташе Советского Союза в Австрии выполнял разведывательное задание, и подобные неожиданности ему были ни к чему. Хотя сама по себе встреча удивительная. Вспоминая о ней, Виктор Бочкарев не раз думал, как все-таки тесен мир. Однако это лишь эпизод, пусть важный, запоминающийся, а сколько их, таких эпизодов, было за годы войны.

Ведь офицеры первого отдела Разведуправления не засиживались в

Москве.

Они выезжали в лагеря военнопленных, работали с немецкими антифашистами, собирали, изучали, проверяли и перепроверяли данные агентурной обстановки в Германии. А обстановка там была крайне сложной, изменчивой и противоречивой. Да иначе и быть не могло — война диктовала свои жестокие законы, гестапо работало профессионально.

Приходилось постоянно кропотливо заниматься сбором разведсведений, необходимых для легендирования и легализации наших разведчиков на оккупированных территориях и в самой Германии. Нужны были документы. Не липовые, пусть даже искусные подделки, а подлинные. Например, справка об освобождении от военной службы, подтверждения местных властей об уничтожении дома в ходе бомбардировки, талоны на питание в столовых Германии. Тут даже не специалисту ясно, какие выгоды сулили подобные «подлинники».

Многие документы были столь надежными, а легенды, разработанные в ГРУ, правдоподобными, что агенты военной разведки спустя годы оставались жить с этими фамилиями и судьбами. Случалось, и умирали с ними.

Так, один из агентов советской военной разведки, заброшенный в крупный немецкий город вскоре после войны, удачно легализовался и был принят в труппу драматического театра. Потом он стал известным германским драматическим актером. С этой легендой прожил всю жизнь.

Пожилая немка, отправленная в Берлин в 1944 году, выдавала себя за вдову офицера вермахта, погибшего на восточном фронте. По легенде все ее родные и близкие погибли во время бомбардировки Гамбурга. После войны она продолжала жить по документам, выданным в Центре, и даже получила пенсию как вдова капитана.

Итак, главной задачей первого отдела ГРУ был подбор, подготовка и заброска агентуры в Германию.

За время войны Виктору Бочкареву приходилось участвовать в заброске десяти групп разведчиков. Чаще всего они «стартовали» с Внуковского или Астафьевского аэродромов на военных самолетах на территорию Восточной Пруссии, Верхней Силезии, Саксонии, Польши, Чехословакии, Югославии. Случалось, их сначала десантировали в партизанские отряды, а уже оттуда в Германию. Иногда агентов отправляли морским путем в Англию, а потом британскими самолетами в Западную Германию.

Случались, конечно, и «проколы», ЧП, не только на территории,

занятой противником, ной у себя дома. Как-то группу подготовленных разведчиков пытались забросить в тыл врага дважды. В составе группы двое немцев-коммунистов. Но всякий раз их высадке в Восточной Пруссии мешал густой туман. Перед тем, как осуществить третий полет, совершенно случайно по какой-то надобности вскрыли грузовой парашют, куда обычно закладывались рация, запас батарей, продукты и личные вещи разведчиков. Каково же было потрясение офицеров Разведуправления, когда вместо всего этого имущества в мешке оказались кирпичи.

Расследованием занялась военная контрразведка. Результаты следствия до сотрудников управления не доводились. Известно только, что личный состав парашютно-десантной службы, был до единого отправлен на фронт, а сотрудники, занимавшиеся укладкой грузового парашюта и его охраной, попали под трибунал.

Так что война есть война. Происходило и такое. Хотя порой в это трудно поверить.

Виктор Бочкарев за войну побывал на десяти фронтах — от Карельского до 1-го Украинского и на территории пяти стран: Польши, Румынии, Чехословакии, Австрии, Германии. Он вырастил десятки агентов и среди них поистине героическую личность — разведчика Винцента Поромбку (оперативный псевдоним «Беккер»), который трижды в течение войны забрасывался в тыл врага и с успехом завершал свои задания. Таких было немного. Ведь жизнь разведгруппы коротка. Против нее работает вся мощная фашистская машина контрразведки.

Однако с Поромбкой все было иначе. Уже к началу Великой Отечественной войны Винцент — опытный боец, имеет семь ранений, полученных в Испании, где он сражался в составе 11-й интербригады комиссаром батальона имени Э. Тельмана. В 1939 году Поромбка эмигрирует в СССР. В ту пору он уже работал на советскую военную разведку по предложению генерала Х. У. Мамсурова, соратника Поромбки по испанским событиям.

Винцент родился в Верхней Силезии в городе Забже (бывший Гинденбург), прекрасно владел как польским, так и немецким языками. Как член компартии Германии в 1933 году попал в концлагерь, в 1935 после выхода из фашистских застенков эмигрировал в Чехословакию.

В апреле 1943 года он был заброшен в свои родные края, в Верхне-Силезский промышленный район, в качестве резидента-радиста. Создал здесь разведгруппу. Уже 15 мая 1943 года резидент Поромбка передал первую радиограмму в Центр.

Через некоторое время разведгруппа Поромбки попала в поле зрения

гестапо. Родственники советского разведчика были схвачены и казнены, а по городу развешены объявления, в которых говорилось, что за его выдачу назначена награда в 10 тысяч немецких марок. Однако это не помогло фашистам. Резидентура Винцента Поромбки продолжала успешно работать.

Позже в одном из своих отчетов оперативный офицер ГРУ Виктор Бочкарев напишет: «У Поромбки было железное правило: каждый очередной сеанс проводить на новом месте и чаще всего в новом населенном пункте. Пользуясь велосипедом и имея надежных помощников, он умело перемещался в пределах этого густонаселенного района. Иногда пользовался трамваями, которые соединяли целые города и крупные поселки на протяжении более 100 километров. Гитлеровцам так и не удалось его запеленговать.

Резидент Поромба часто менял одежду, внешний вид и даже походку. Для него свойственны высокая конспиративность, находчивость, смелость и оперативность в выполнении заданий».

Подтверждением этих строк может служить весьма изобретательный и достаточно оригинальный поступок Поромбки, совершенный им в начале февраля 1945 года, когда наши войска вплотную подошли к его родному городу Забже.

Дело в том, что в этом районе гитлеровцы создали достаточно сильную оборону, проходящую вдоль железной дороги. Сам город Забже был превращен в хорошо укрепленный опорный пункт. Группа Поромбки, действовавшая в этих краях довольно продолжительное время, имела ценные разведсведения о расположении фашистских войск, их вооружении и технике. Но связь группы с Центром была потеряна, и Винцент ломал голову, как помочь наступающим советским войскам, как передать сведения. И тогда у него возник смелый план. Он приказал одному из членов подпольной группы Зауэру, по специальности связисту, наладить нарушенную немцами телефонную связь между городом Забже и любым населенным пунктом, где находились части наступающей Красной Армии. Задание резидента было выполнено.

Поромбка, владевший русским языком, позвонил по телефону. На той стороне действительно подняли трубку, и тут же прозвучало категорическое требование: «Кто вы, отвечайте». Винцент сказал, что он советский разведчик и готов передать важные сведения.

«Я майор Красной Армии, передавайте ваши сведения», — ответили на той стороне. Поромбка сообщил основные данные. Время было ограничено, он боялся, что их могут засечь фашисты.

В конце разговора майор сказал в трубку: «Через несколько часов мы возьмем город, и, если вы фашист или провокатор, драпайте, как можно скорее.»

На следующий день наши танковые части, используя данные Поромбки, совершив обходной маневр, вошли в город. Сведения оказались верные, только на южной окраине они встретили некоторое сопротивление. Город освободили без разрушений.

Пожалуй, это был редкий, если не единственный случай в истории разведки, когда добытые сведения были переданы через линию фронта по телефону.

А через полчаса после освобождения нашими войсками города Забже капитан Бочкарев обнял своего резидента, которого не видел почти два года.

«С освобождением Красной Армии этих областей задание мое было окончено, — напишет в своих воспоминаниях Поромбка. — Но поскольку война еще продолжалась, нам поручили отобрать из нашей группы двух надежных товарищей и вместе с ними перелететь через линию фронта в Саксонию. Спустя несколько дней мы приземлились на парашютах вблизи Хемница, и приступили к выполнению нового боевого задания.»

В оперативном отчете о работе резидентуры под руководством Винцента Поромбки сказано: «Группа работала в районе Берлина по разведке боевой обстановки».

В первых числах мая состоялась встреча Виктора Бочкарева с группой Поромбки в штабе 1-го Украинского фронта. День Победы они встретили вместе в поверженной немецкой столице.

А после необходимого отдыха агент военной разведки Поромбка выехал на нелегальную работу в Западную Германию. Там он осел и создал новую резидентуру. И вновь на связи с ним был оперативный офицер Главного разведывательного управления Виктор Бочкарев.

## Где скрывается Гитлер?

Подполковник Руненко, командир специальной разведгруппы, вызвал к себе капитана Бочкарева, своего помощника. Командир заметно волновался.

— Вот что, Виктор, готовь людей. Срочно выезжаем в город Тойпиц. Есть данные, что в госпитале скрывается Гитлер.

— Гитлер?!

Капитан Бочкарев не смог сдержать удивление. Фашист номер один, убийца миллионов, проклинаемый человечеством монстр находится в часе езды. И может быть, им, военным разведчикам, удастся захватить его. Было от чего взволноваться.

В период проведения Берлинской операции в 1945 году части 3-й танковой армии под командованием генерала Рыбалко неожиданно встретили крайне упорное, ожесточенное сопротивление фашистов при взятии небольшого городка Цоссен. Казалось бы, ничего необычного, городок, как городок, которых сотни в Германии, но на подступах к нему был создан сильнейший оборонительный узел. Достаточно сказать, что оборону здесь держали войска СС при поддержке танков и артиллерии. В ходе боев в самом городке фашистские подразделения яростно контратаковали наши войска.

Командование 3-й танковой армии было озадачено действиями гитлеровцев. Здесь крылась какая-то загадка, в конце концов, Цоссен — не Берлин, что тут защищать? Оказывается, было что защищать. В Цоссене находился подземный командный пункт Гитлера. Более того, из рассказов местных жителей стало известно, что совсем недавно его посещал фюрер, но с началом боев за город спешно покинул бункер.

Вскоре поступили новые сведения, якобы, Гитлер далеко не уехал. Он находился в войсках котбусской группировки, прорывавшейся на юго-восток и уничтоженной частями Красной Армии, а теперь скрывается в военном госпитале под видом тяжело раненного в лицо солдата вермахта.

Словом, специальная разведгруппа Руненко на «додже» и «виллисе» незамедлительно выехала в сторону Тойпица. Движение по проселкам и лесным дорогам затруднялось пожарами, завалами из битой техники, автомашин, повозок, а порою и трупов немецких солдат.

Тойпицкий госпиталь, расположенный в сосновом бору, был окружен советскими автоматчиками. Сюда с мест боев поступали раненые.

Спецгруппа военной разведки начала прочесывать лечебные корпуса. С раненых снимали повязки, внимательно их осматривали. К всеобщему огорчению, Гитлера среди них найдено не было. В то же время спецгруппа разоблачила нескольких эсэсовцев, переодевшихся в форму военнослужащих вермахта.

Это лишь один из эпизодов военных будней капитана Виктора Бочкарева на последнем этапе войны.

С декабря 1944 года, когда была основана спецгруппа, и до Дня Победы разведчикам пришлось немало метаться по Германии в поисках следов Гитлера, Бормана, Манштейна.

Спецгруппа ГРУ посетила и дачу Геббельса. И, разумеется, не из праздного любопытства. Здесь удалось застать и допросить няньку детей Геббельса. Она-то и показала, что тут вскоре должны собраться нацистские лидеры во главе с Борманом.

При осмотре дачи разведчиков удивило также невиданное количество репродукторов. Они были развешаны во всех комнатах, коридорах, холлах, прихожих, ваннах, даже в туалетах. Как пояснила нянька, доктор Геббельс и в туалете хотел быть в курсе того, как ведется пропаганда его ведомством.

Разведчиков вновь ожидала неудача: засада на даче Геббельса ничего не дала. Борман и нацистские лидеры не приехали. А как хотелось захватить Гитлера, Геббельса, Бормана! Но, как показала история, этого, увы, никому не удалось сделать. Чтобы сегодня, спустя десятилетия, не показалось, что, якобы, спецгруппа ГРУ занималась лишь бегом за «теньями» нацистских преступников, скажу сразу: поиск фашистских лидеров лишь эпизод из боевой жизни военных разведчиков. Да, возможно, самый яркий, эмоциональный, запоминающийся, но эпизод. В основном, шла обычная, если хотите, рутинная работа, без которой в разведке не бывает успеха.

В те месяцы, несмотря на яростное сопротивление фашистов, было ясно: войне приходит конец. И разведка пыталась заглянуть уже за тот, мирный горизонт. У спецгруппы в связи с этим свои заботы: не только постоянная заброска разведгрупп в тыл противника, не только доклад разведданных в Центр, но и сбор и отправка в Москву легализационных документов.

От их наличия, подлинности, ценности зависела судьба будущих, послевоенных агентов военной разведки. Это прекрасно понимал капитан ГРУ Виктор Бочкарев. И не ошибся. Именно ему и придется всю свою послевоенную жизнь готовить таких агентов и снабжать их документами. В

том числе и теми, которые удалось добыть спецгруппе в конце войны.

## «На русских смотрели исподлобья»

В 1954 году, после окончания академии Советской Армии, подполковника Виктора Бочкарева назначают старшим помощником военного атташе Советского Союза в Австрии. К тому времени он уже был опытным разведчиком. За спиной — война, служба в разведуправлениях Группы Советских войск в Германии и Центральной группы войск, работа в аппарате ГРУ в Москве, учеба в академии.

Наиболее сложный этап в деятельности венской резидентуры военной разведки той поры пришелся на 1956 год — год кровавых октябрьских событий в Венгрии. В силу сложившихся обстоятельств военный атташе полковник И. Маковский вынужден был постоянно находиться в здании посольства, а организация оперативной работы возлагалась на его старшего помощника Бочкарева.

За рулем автомашины приходилось проводить большую часть дня. Порой поездки совершались на расстояния более 400 километров. Под наблюдение пришлось взять районы, граничащие с Венгрией, ФРГ, Италией, Югославией. Он вел маршрутную разведку, встречался с источниками, изымал и закладывал материалы в тайники. Поздно вечером возвращался в Вену, занимался обработкой информационных данных, готовил тексты телеграмм в Центр, а рано утром снова в путь.

Основное внимание наша разведка в те тревожные недели уделяла, разумеется, австро-венгерской границе. Хотя границей ее трудно было назвать. Она, по сути, была открыта и западные спецслужбы успешно использовали подобную «открытость» — перебрасывали нужных людей, технику, оружие, пропагандистскую литературу. Особенно активно действовали американцы.

В такой обстановке крайней нестабильности Виктору Бочкареву для прикрытия приходилось использовать австрийские документы, нередко бывать на венгерской территории, контролируемой мятежными силами.

Важно было знать обстановку и в лагерях беженцев. На первом, раннем этапе развития событий из Венгрии бежали приверженцы левых убеждений, после подавления мятежа, наоборот, в лагерях оказались правые. В одном из таких лагерей было поднято восстание, начались беспорядки.

Однако центр событий находился не на австрийско-венгерской границе. И в резидентуре принимается решение — несколькими

сотрудникам выехать непосредственно в Будапешт для сбора разведсведений и анализа обстановки. Возглавил эту группу наиболее опытный разведчик — Виктор Бочкарев. Они побывали в столице Венгрии, как раз в самое тревожное, напряженное время — в 20-х числах октября, в канун событий.

Потом в отчете о своей поездке старший помощник военного атташе Бочкарев напишет: *«В городе чувствовалась напряженность. Венгры, которые по своей натуре и без того не очень радушны и общительны к иностранцам, теперь, на нас, русских, смотрели исподлобья, а иногда и просто зло. На вокзале, в ресторане нам подчас чинили различные препятствия. Меня, имевшего диппаспорт, заставили открыть чемодан и показать его содержимое.*

*На улицах собирались группы молодежи и оживленно беседовали, кое-где уже прошли небольшие студенческие демонстрации. Возбуждению умов основательно способствовало торжественное перезахоронение останков Ласло Райка и других жертв террора режима Ракоши.*

*Экономически Венгрия выглядела не очень благополучно. С продуктами тяжело, они дороги. В городе царило запустение. Такси невозможно найти. Места в гостинице достать было трудно, и стоили они очень дорого. Пришлось остановиться в нашем посольстве или в доме для приезжих, где комфорта ожидать не приходилось».*

Будапешт разведчики из австрийской резидентуры покинули накануне решающих событий. Они возвратились в Вену. Австрийско-венгерская граница становилась самым «горячим участком», через который шла постоянная подпитка венгерской контрреволюции. Тысячи машин устремились из Австрии в Венгрию. Пограничные венгерские заставы вышли из-под контроля центральных властей. Красные звезды на трехцветных флагах, которые развивались на пограничных постах, были вырезаны.

Вскоре переброска оружия из Австрии в Будапешт стала осуществляться воздушным путем. Австрийцы подтянули свои воинские части к венгерской границе. Наши войска также вышли к границе с Австрией. Одной из армий командовал генерал-полковник Х. У. Мамсуров, в прошлом сотрудник Разведуправления.

Сложилась крайне тяжелая ситуация: наши войска, выдвинувшиеся к границе, не могли вести агентурную разведку, а развединформация о противнике была очень нужна. Пришлось выручать своих. Дважды в неделю подполковник Виктор Бочкарев выезжал на границу и информировал офицеров разведотдела армии об обстановке на

сопредельной стороне.

Однажды, в очередной приезд, его встретил взволнованный офицер армейской разведки. Оказалось, по их данным, к границе подтянута американская танковая дивизия, переброшенная из ФРГ. Что и говорить, неприятный сюрприз. Предстояло выяснить, так ли это на самом деле.

Подполковник Бочкарев немедленно выехал в предполагаемый район. К счастью, вместе с ним была его супруга, которая практически всегда сопровождала Виктора Викторовича в оперативных поездках. Юлия Викторовна, сама в прошлом офицер Разведуправления, прекрасно владела немецким языком, преподавала в Военно-дипломатической академии и всегда умело выполняла роль прикрытия.

Вот как она сама рассказывает о той поездке. «В Австрии мы почти ежедневно выезжали в различные пограничные районы страны. В некоторых случаях с нами находился и сын.

Конечно же, супруга могла оказать мужу значительную помощь, если она знала соответствующий иностранный язык.

В этот раз поступили сведения: на границе сосредоточена американская танковая дивизия, что является грубейшим нарушением союзного договора с Австрией о соблюдении ею нейтралитета.

Действительно, прибыв в район, мы увидели американские танки с соответствующими опознавательными знаками и солдат, одетых в американскую форму.

Поскольку я владела немецким языком, отправилась к танковой колонне и под благовидным предлогом завела разговор с военнослужащими. Оказалось, никакая эта не американская дивизия, а австрийская. Они получили от американцев боевую технику и одели их форму, так как своей, в связи со спешкой, не успели пошить. Судя по всему, танковая часть была срочно сформирована в связи с венгерскими событиями.

Подобные сведения оказались очень важны. Таким образом, мы нашли подтверждение — союзный договор не был нарушен».

Задачи, подобной этой, приходилось решать постоянно. Как-то, еще до вывода союзных войск из Австрии в аппарат военного атташе поступила информация: на американскую авиабазу прибыла новая техника, самолеты. Правда, пока они в небо не поднимались и зафиксировать полеты не удалось. Но прояснить ситуацию было необходимо.

Под легендой поиска могилы Героя Советского Союза разведчика Л. Маневича Бочкарев отправился на авиабазу. Однако посещение ее не дало никаких результатов. Самолеты располагались так, что с земли рассмотреть

их не представлялось возможным даже в бинокль.

Казалось, придется уезжать, не солоно хлебавши. Однако вновь выручил опыт. Бочкарев еще на подъезде к базе заметил у дороги костел. Теперь оставалось уговорить священника разрешить подняться на колокольню. Оттуда вся авиабаза, летное поле как на ладони. Представившись автотуристами, разведчики мило, учтиво поговорили с настоятелем, попросили разрешения подняться на колокольню. Священник был польщен таким вниманием к его особе, сельскому костелу, уважением к вере.

А разведчики, в свою очередь, благодарны священнику. Они выполнили задачу, поставленную руководством.

Служба в Австрии длилась четыре года. Центр был доволен работой разведаппарата и вскоре Виктор Бочкарев получил повышение по службе — стал военным атташе.

В этот период состоялось подписание межгосударственного договора по Австрии и четыре великих державы — СССР, США, Великобритания и Франция — начали вывод своих оккупационных войск с территории страны.

Свертывалась работа советской оперативной разведки и на связь с Бочкаревым был передан агент, находившийся в Западной Австрии. Он являлся владельцем частного детективного бюро.

Несмотря на свой значительный опыт разведработы, с таким агентом Виктору Викторовичу приходилось работать впервые. В период войны и в послевоенные годы на связи с ним были разведчики-коммунисты или сочувствующие им, они боролись с фашистами, исходя из своих внутренних убеждений, и, разумеется, ни о какой оплате своей разведработы речи не вели.

Здесь же на первой встрече в Вене Бочкарев понял: перед ним типичный буржуа, работающий на советскую разведку в тяжелое послевоенное время только из материальных интересов. Личная выгода у него на первом месте. Виктор Викторович осознавал, что на оплату работы агента придется выделять немалые народные деньги. Психологически это было делать очень тяжело.

С другой стороны, он понимал, сколь значительны возможности этого человека. Под его руководством работали десять детективов. Они охватывали своим влиянием всю провинцию и столицу страны. Детективное бюро имело обширные связи, подробную картотеку о финансовом положении владельцев частных компаний, банков, учреждений. Сотрудники бюро занимались бракоразводными делами.

Таким образом, шеф этого бюро был прекрасно осведомлен о военном, политическом и экономическом положении в провинции и в стране, по заданию резидентуры мог составить любую справку, давал наводку на любых лиц, интересующих советскую разведку. Кстати, делал это без опаски попасть в поле зрения контрразведки. Деятельность частного детективного бюро была идеальной крышей для разведдеятельности.

Встречи Бочкарева с агентом проходили один раз в месяц вдалеке от столицы, в горной местности. В оба конца приходилось ехать около 700 километров, но всякий раз, получив разведсведения, Виктор Викторович понимал: игра стоит свеч.

Два года продолжалось сотрудничество с шефом детективного бюро. Потом случилось так, что он тяжело заболел и оставил работу. Связь с ним прекратилась. Однако сделано было немало за этот период. «В последующем, работая в других странах, — признавался полковник Бочкарев, — я упорно искал пути выхода на подобного человека. Но тщетно. Он оказался единственным, если хотите, уникальным «агентом».

Австрийский период работы Виктора Бочкарева был характерен и тем, что ему удалось по заданию командования советской разведки, разыскать могилу легендарного разведчика Льва Маневича, известного в концлагере под именем полковника Старостина.

Разведчик-нелегал Лев Ефимович Маневич (оперативный псевдоним «Этьен») легализовавшийся, как австрийский коммерсант Конрад Картнер, работал в 30-е годы в Австрии и в Италии. В Милане и других портовых городах ему удалось создать нелегальную резидентуру. Агенты под руководством «Этьена» занимались сбором развединформации по авиации, особенно имеющей отношение к так называемым «слепым полетам» — пилотированию по приборам, а также полетам в тумане. Особое внимание агенты Маневича уделяли военному судостроению, в ту пору находившемуся в Италии на высоком уровне развития.

Разведматериалы группы «Этьена» неизменно относились к разряду ценных и особо ценных. В 1936 году итальянские фашисты напали на след разведгруппы Маневича. В результате предательства одного из агентов он был арестован и осужден на 12 лет тюрьмы.

Но даже из тюрьмы Кастельфранко ему с помощью заключенных-коммунистов удалось установить связь с Центром. «Этьен» продолжал свою работу. Опросив заключенных, работавших ранее на заводе «Копрони», он составил и передал в Москву анализ недостатков нового прицела для бомбометания фирмы «Цейс».

Его не забывали в Советском Союзе, всячески пытались вызволить из

тюрьмы, но помешала война. Льва Маневича перевели в каторжную тюрьму на острове Сан-Стефано. В 1943 году он был освобожден американцами, но вскоре попал в руки гитлеровцев. Здесь он стал Яковом Старостиным. Прошел фашистский лагерь Маутхаузен, вновь был освобожден американцами и 9 мая 1945 года скончался. Могила его была утеряна.

Теперь предстояло ее найти. Как это удалось сделать, рассказал мне сам Виктор Викторович Бочкарев: «Для решения этой задачи, а также попутно и других организационных и информационных задач, в мое распоряжение был выделен помощник ВАТ подполковник А. П. Федотов и оперативная автомашина. Это было в самый разгар лета, когда Австрия с ее живописной гористой местностью особенно красива. Для начала мы решили направиться в Маутхаузен, где уже был создан музей международного значения. Из бесед с администрацией музея мы узнали, полковник Старостин умер через несколько дней после освобождения в деревне Эбензее, находящейся недалеко от Маутхаузена (провинция Нижняя Австрия).

Мы посетили эту деревню, побеседовали с местными крестьянами и узнали, что через несколько дней после освобождения Маутхаузена в их деревню привезли русского по фамилии Старостин, который был тяжело болен туберкулезом. Вскоре он умер и его похоронили на окраине деревни. Однако через несколько лет после окончания войны одиночные могилы погибших советских военнослужащих и насильно угнанных из СССР рабочих стали ликвидировать, а останки их перевозили на братские кладбища. Крестьяне сообщили, что останки русского офицера увезли в направлении города Линц.

Выехали в Линц, где выяснили расположение братских кладбищ в этом районе. Посетили несколько кладбищ, тщательно их осмотрели, но могилы Старостина не нашли. После захоронения на этих кладбищах прошло 12 лет и могилы начали постепенно зарастать кустарником, хотя австрийцы и поддерживали на кладбищах определенный порядок.

Кончалась третья неделя наших поисков, осталось обследовать еще одно братское кладбище, в стороне от магистрального шоссе, западнее Линца, расположенное на обширной лесной поляне. Там было похоронено более пяти тысяч советских граждан. Могил как таковых на кладбище не было, вся поляна была ограждена каменным бордюром, по четырем углам и посередине были посажены кусты сирени, которые сильно разрослись. На поляне был установлен большой гранитный камень, на котором на немецком языке было написано, что здесь похоронено около пяти тысяч

русских.

Итак, на этом кончались наши поиски, обидно было возвращаться в Вену без результата. Я предложил осмотреть все заросли сирени посаженной по бокам и в середине кладбища. Осмотр боковых посадок ничего не дал, тогда мы подошли к большой посадке, расположенной посередине. Вдруг из посадки выскочил испуганный заяц и умчался в лес.

Подойдя к посадке, обследовали метр за метром все кусты и обнаружили в густых зарослях небольшой гранитный памятник, поставленный австрийцами, на котором было написано, что здесь похоронен полковник Старостин. На следующий день по нашей просьбе памятник был очищен от кустарника и сфотографирован. Через две недели эти фотографии были переданы в Москву вдове и дочери покойного».

В 1958 году командировка в Австрию завершилась. Полковник Бочкарев возвратился в Москву.

## Работа с нелегалами

С полковником Бочкаревым мы были знакомы более 10 лет, до самого ухода его из жизни. Встречались, звонили друг другу, Виктор Викторович заезжал ко мне в редакцию, я к нему домой. Он передал мне большую часть своего архива. Его помощь в работе над книгами о военной разведке была неоценима. Порой казалось, о разведке он знал все или почти все, а я в свою очередь столько же знал о нем. И каково же было мое удивление, когда в ходе работы над этим очерком обнаружился провал в десяток лет.

Перевернул все архивы, заново прослушал наши беседы, записанные на магнитофонную пленку: ни-че-го! Только в биографии, написанной его собственной рукой в 1990 году, прочел одну строку: «В течение 10 лет руководил работой, связанной с деятельностью спецразведки».

Потом, правда, нашлись некоторые материалы, связанные с его командировками в Таиланд, Филиппины, Южный Вьетнам, в Гонконг. Ясно было, что не на отдых туда летал полковник Бочкарев. Тогда зачем? Он вел работу с нелегалами.

В записях есть очень важные моменты — в какие экстремальные ситуации попадал разведчик в этих далеких и зачастую совсем не дружественных нам землях, как он умело и мужественно вел себя, чтобы в конечном итоге выполнить боевую задачу, выжить и победить.

Весной 1962 года Виктор Бочкарев находился в командировке в Таиланде, в городе Бангкоке. Предстояло выполнить задание в интересах спецразведки. Местная контрразведка явно не имея на него никаких материалов (иначе он незамедлительно был бы арестован), тем не менее, решила устроить своеобразную проверку с психологической нагрузкой.

В первый же день пребывания официант в кафе, которое находится в цветущем саду, подбрасывает на обнаженную ногу разведчика скорпиона. Бочкарев практически не реагирует на столь наглую провокацию и как можно спокойнее просит официанта убрать скорпиона. Тот ловко смахивает полотенцем на землю ядовитое насекомое, давит его ногой.

На этом психологический прессинг не заканчивается. Вскоре Бочкарев в номере гостиницы обнаруживает паука, укус которого смертелен. Еще через несколько дней, разведчик находит под верхней простыней на своей кровати шипящую кобру.

В том же году Виктор Бочкарев оказывается на Филиппинах. Здесь две крупнейшие военные базы Субик-бей и Кларк-Филд. Задание — провести

встречу с нашим нелегалом и заняться визуальной разведкой. Однако перед поездкой к гостинице подкатывает полицейский автомобиль. Начальник полиции с улыбкой сообщает — в городе не спокойно и предлагает сопровождение. Вот так под неусыпным оком полиции и приходится вести разведку баз.

Работа с нелегалами — дело не только весьма опасное, психологически напряженное, но и своеобразное. Человек едет чаще всего в чужую ему страну и там предстоит действовать зачастую одному, без официального прикрытия, пытаясь сыграть роль совсем другого человека. Дело сложное. Не каждому под силу. Как напишет впоследствии сам Виктор Бочкарев: «Недостаточно тщательный подбор нелегалов из числа советских граждан имел печальные последствия».

Так, после долгой и кропотливой подготовки наш нелегал на последней инструктивной встрече перед выездом из страны промежуточной легализации струсил и отказался ехать на место постоянной работы. Объяснил это тем, что в нем вдруг заговорила совесть и он был вынужден признаться: при поступлении на службу в Разведуправление скрыл факт своей судимости трибуналом во время войны.

В другом случае для работы в Юго-Восточной Азии была подобрана супружеская пара. Однако на заключительном этапе подготовки тяжело заболела жена нелегала. Оказывается, в период проживания на Дальнем Востоке она перенесла энцефалит и скрыла это от медицинской комиссии.

Порою, подобрав для работы с нелегальных позиций хороших, перспективных офицеров, забывали об изучении личностных качеств их жен. После отъезда мужей в длительную командировку нервные, беспокойные супруги доставляли немало хлопот Разведуправлению, настойчиво требуя вернуть их мужей. Помнится, жена одного из нелегалов, (назовем его Леонидом В.) буквально терроризировала ГРУ, и добилась-таки возвращения мужа.

Были свои сложности и в работе с нелегалами-женщинами в силу особенностей их характера. Позже Виктор Викторович с содроганием вспоминал, какую истерику закатила ему капризная и своенравная агентесса-нелегал «Эмма», решившая таким образом добиться своего, отстоять предложенный ею вариант действий. Хотя этого никак нельзя было делать, ибо под угрозой ставилось проведение всей операции.

Да, работа разведчика-нелегала трудна и опасна. Что ни шаг, то словно ступаешь по минному полю — тут и привлечение будущего нелегала к работе, и перевод его на нелегальное положение, и замена одних

легализационных документов на другие, и проведение первого радиосеанса, забазирование радиостанции на длительное хранение или, наоборот, ее расконсервирование. А чего стоит, например, тайниковый обмен, срочный выезд из страны в связи с провалом? Да разве мало таких психологически напряженных моментов? И все желательно предусмотреть руководителю агентов-нелегалов, которым долгие годы был полковник ГРУ Бочкарев.

В конце 60-х годов Виктор Викторович получил новое старое назначение — военным атташе. Работа ему была знакома. Только вот попал он не в благополучную Германию или тихую Австрию, а на беспокойный остров Афродиты — Кипр, где в тот период греческая хунта «черных полковников» добивалась свержения президента страны архиепископа Макариоса.

## Резидент советской разведки

Самолет заходил на посадку. Пилот заложил крен и слева по борту, в иллюминаторе, словно венок на волне, качнулся цветущий остров. Зелень чудного берега была так необычно ярка, что в первую секунду, от неожиданности Виктор Бочкарев закрыл глаза. «Вот ты какой, Кипр! Здесь теперь жить, здесь служить.»

Он откинулся на спинку кресла, разлепил усталые веки. В самолетном круглом оконце через узкую полоску сверкающего моря показался еще один берег. «Турция» — понял Бочкарев. Вспомнилась почему-то песня: «Не нужен мне берег турецкий, чужая земля не нужна.». Оказывается, нужна.

Перед командировкой, как и положено, он штудировал материалы по Кипру, Турции — страноведение, экономику, военные группировки, географию. Знал, до турецкого берега недалеко, но чтоб вот так, рукой подать, не ожидал. Хотя коллеги предупреждали. В одном из отчетов кто-то из его предшественников так и написал: «В ясные дни из замка Святого Иллариона видна Турция».

Лайнер пошел на новый круг над морем и Бочкарев с противоположного борта увидел сирийско-ливанскую территорию: «Да, это не сибирские просторы. Все рядом — Кипр, Турция, Сирия, Ливан».

Стюардесса что-то приятно лепетала в микрофон, но Бочкарев был занят своими мыслями. Услышал только последнюю фразу: температура воздуха в Никозии плюс 27 градусов.

«Для февраля совсем неплохо», — решил он, вспомнив жгучую ледяную крупу, которую гнал северный ветер по летному полю в Москве. «Живут же люди.»

И тут же вернул себя в реальность. В аналитических справках его родного Главного разведывательного управления обстановка на Кипре трактовалась, как очень далекая от райской. Продолжалось противостояние Президента Макариоса и греческих «черных полковников» во главе с их ставленником на острове генералом Гривасом, непрекращающаяся вражда между греческой и турецкой общинами толкала народы на грань войны.

На это обращал его внимание накануне отъезда непосредственный начальник, да и короткая встреча с шефом ГРУ генералом Петром Ивашутиным говорила о том, что служба медом не покажется. Хотя сверху прекрасный остров был безмятежен и тих.

Задач Бочкареву набросали не мало. И одна из них — активно противостоять свержению законного правительства и президента республики Кипр.

Полковник ГРУ Виктор Бочкарев официально в начале 1970 года был назначен военным, военно-морским и военно-воздушным атташе Советского Союза на Кипре. Он же — резидент советской военной разведки.

И вот теперь Виктор Викторович у цели. Самолет уже бежал по взлетно-посадочной полосе, тормозил, лениво покачивая плоскостями, словно гигантская птица уставшими крыльями. Подогнали трап. Пассажиры заторопились, салон наполнился разноязычным гомоном. Встал и Бочкарев.

Уже на трапе он почувствовал, что значит плюс 27 в феврале. В нос ударил непривычный, терпкий, пряный запах. Воздух Никозии дурманил.

Его встречала посольская машина. Когда они выехали с территории аэродрома, Бочкарев был немало удивлен: дорога в столицу Кипра пролегала по безжизненной, голой местности. Слева и справа — унылый пейзаж, пласты застывшей вулканической лавы, на которой почти ничего не росло, разве что торчали редкие кусты каких-то белых высоких цветов. Это они наполняли воздух резким, пряным запахом.

Однако сама Никозия на въезде выглядела свежо и молодо: белые, ухоженные домики с плоскими крышами, колоколенки церквей, утопающие в садах, а вдалеке темно-зеленые отроги горных цепей Кирении и Троодоса.

Даже не верилось, что эта земля помнит Александра Македонского и римского императора Клавдия, византийского императора Романа II и английского короля Ричарда Львиное Сердце.

Нового военного атташе Советского Союза поселили в представительской квартире на Зеверис-авеню. Напротив был президентский дворец. Из окна видны ворота, парадный въезд.

Вскоре атташе полковник Бочкарев будет принят Макариосом и вручит ему верительные грамоты. Второй раз они официально пожмут друг другу руки, когда президент Кипра возвратится из Москвы. Всего две встречи. Но деятельность советского резидента на Кипре во многом будет подчинена сохранению жизни президента Макариоса.

Полковник Виктор Бочкарев достаточно быстро разобрался в обстановке. А обстановка на Кипре была поистине фронтовой. Греко-турецкое противостояние нарастало. Не проходило недели без каких-либо инцидентов. Три года назад турки неожиданным ударом, в одну ночь,

овладели важным тактическим районом — горой Святой Илларион — полностью разгромив превосходящие силы греков-киприотов.

Турки вели себя крайне воинственно. Во всех деревнях и населенных пунктах они создали военные отряды, на окраинах селений оборудовали наблюдательные пункты, несли боевое дежурство, устраивали учения.

Кроме турецких и греческих войск на Кипре было расквартировано 25 тысяч английских солдат и офицеров. В соответствии с решением ООН там же находились «голубые каски» — австрийцы, австралийцы, датчане, шведы, финны, канадцы. Посты «голубых касок» располагались на «зеленой линии», разделяющей греческий и турецкий районы.

Словом, людей с оружием на маленьком острове хоть отбавляй, но несмотря на это напряженность и противостояние было столь велико, что «голубые каски» находились в повышенной боевой готовности по несколько месяцев подряд.

Во главе Кипра стоял архиепископ Макариос. Он же президент республики, премьер-министр, Главнокомандующий и глава православной церкви.

Вот что в ту пору в Москву сообщал резидент военной разведки полковник Бочкарев (Борин).

*«Москва. Центр. Совершенно секретно.*

*Директору.*

*Макариос родился 13.08.1913 года в семье бедного пастуха в Троодосе в провинции Пафос. Образование получил в монастырской школе, на богословских факультетах Афинского и Бостонского (США) университетов.*

*В 1950 году избран епископом и этнархом. Является руководителем национально-освободительного движения кипрского народа. В 1956 году выслан англичанами на Сейшельские острова.*

*Макариос гибкий, ловкий буржуазный политик, пользующийся всем арсеналом хитростей византийской церкви, умело использующий в полной мере противоречия стран, заинтересованных в Кипре. Ему свойственна недооценка сил противника и преувеличение своих возможностей. В сложной обстановке драматизирует события и впадает в панику.*

*В течение нескольких лет местная реакция, греческая черная хунта пытаются физически ликвидировать Макариоса. Однако эти попытки результатов не дали.*

*Борин».*

Действительно, Макариосу подсыпали в еду отраву. Неудача. После этого личным поваром президента становится его брат.

Шла интенсивная «обработка» шофера. Предполагалось совершение аварии. Шофер заменен, водителем назначен родственник Макариоса.

Президента Кипра пытались уничтожить по пути его следования, а также в церкви во время проповедей.

8 марта 1970 года Макариос собирался вылететь на вертолете в монастырь Ма\*еепзогеб\*ас. Там он должен был отслужить службу.

Когда вертолет поднялся со взлетной площадки архиепископского дворца, с крыши ближайшей гимназии ударил пулемет. Президент остался невредим, но пилот был тяжело ранен в живот. Обливаясь кровью, он все-таки сумел посадить машину на одну из узких улочек Никозии.

Макариос сам отвез пилота в госпиталь, находился с ним неотлучно, пока шла операция. Убедившись, что жизни летчика ничего не угрожает, он выехал в Махерас на автомашине. Несмотря на угрозы террористов, он произнес проповедь, поведав прихожанам о трагедии.

После этого неудавшегося покушения Макариос получал анонимные письма, авторы которых обещали убить его, если он не покинет пост президента.

За многочисленными террористическими актами стоял главный враг кипрского лидера — генерал Гривас.

*«Москва. Центр. Совершенно секретно.*

*Директору.*

*Гривас родился 23.05.1898 года в д. Трикомо в семье богатого землеторговца. Претендует пароль лидера киприотов. Тщеславен, капризен, обидчив, злопамятен. В борьбе готов идти на любые самые жестокие, бесчеловечные меры.*

*Мастер терактов и конспирации.*

*В начале карьеры был настроен проанглийски. Участник греко-турецкой войны 1919–1922 годов, албанской кампании 1940 года.*

*В период гитлеровской оккупации Греции примкнул к организации крайне правых греческих офицеров.*

*В 1944 году, после высадки в Греции англичан, создал террористическую организацию «Хитосы». Убивал коммунистов. В 1952 году сблизился с секретными организациями на Кипре, которые начали борьбу против англичан. Действовал под псевдонимом «Дигенис».*

*1 мая 1955 года Гривас и его соратники взорвали английскую радиостанцию в Никозии. Англичане назначили за его голову 10 тысяч фунтов, но, несмотря на все усилия, им так и не удалось арестовать Гриваса.*

*Генерал прекрасный конспиратор. Умело преобразуется в женщину,*

человека любого возраста и социального положения, может принять вид горбатого, больного, покалеченного. При необходимости способен быстро похудеть, потерять до 15 кг своего веса.

После создания кипрского государства Гривас уехал в Грецию. После греко-турецких столкновений в декабре 1964 года он снова возвратился на Кипр. Через три года его отзывают в Афины.

В сентябре 1971 года Гривас нелегально пробирается на Кипр с задачей организации заговора против Макариоса.

Борин».

Таков был коварный и хитрый враг президента Кипра. Он стал и врагом советской военной разведки. Знал ли Гривас, кто ему противостоит? Несомненно. Об этом говорит план государственного переворота, попавший в руки наших разведчиков 1 февраля 1972 года. Тогда до начала путча оставалось несколько часов. Но. план стал известен Макариосу и террористы не выступили.

Каково же было изумление работников посольства, когда в детально разработанном документе они нашли и свои фамилии. Гривас подробно расписал, каким пыткам после переворота должны подвергнуться посол, некоторые сотрудники посольства, а также их семьи. В числе первых в пыточную камеру Гривас собирался отправить советского военного атташе полковника Бочкарева.

Срочно принимаются меры предосторожности. Посол покидает страну на полгода, дипломатический и техперсонал выезжают в город только группами. Но у разведчиков нет возможности отсиживаться за стенами представительства. Оперативная работа не должна прекращаться ни на день. И она не прекращается.

Ее результатом становится провал террористического акта в гостинице «Лидра» на дипломатическом приеме в честь дня Советской Армии и Военно-морского флота. Бомба была заложена в столик для посуды официантов. В этот же вечер боевики Гриваса пытались пронести в зал автомат под видом фотоштатива и расстрелять гостей.

Хорошо работала агентура. Вовремя пришло сообщение о подготовке убийства Макариоса во время рождественской проповеди в соборе. Предприняв меры безопасности архиепископ, тем не менее, службу не отменил. Он начал свое обращение с того, что в божьем храме накануне светлого православного праздника слуги дьявола хотят лишить его жизни. Господь этого не допустит. Обстановка в храме была такова, что террористы не решились применить оружие, они бежали из собора.

Разумеется, в этом переполненном наэлектризованном зале находились

и двое советских военных разведчиков — резидент полковник Виктор Бочкарев и его заместитель.

Случалось, агенты «Борина», рискуя жизнью, ночью пробирались в дом резидента, чтобы предупредить о перевороте.

В работе кипрской резидентуры ГРУ были и другие весьма интересные моменты. Сотрудники внимательно следили за местной прессой, а также за газетами и журналами, радиопередачами Греции, где в ту пору правил режим «черных полковников».

Так офицер Сунцов, в совершенстве владеющий греческим языком, на основе анализа прессы и документов резидентуры высказал предположение о скором свержении правительства Кипра. Информация была доведена до сведения Макариоса. Последующие события доказали верность аналитических расчетов резидентуры.

Гривас, будучи опытным военным специалистом, хорошо осознавал причину своих провалов. И поэтому в очередной раз покушение было устроено уже на советского резидента, военного атташе Виктора Бочкарева и его семью. На сей раз их спасло только чудо. Автоматная очередь прошла над головой Бочкарева, его жены и двоих детей, когда субботним вечером они отдыхали на балконе своей виллы. Стена была изрешечена пулями. Пришлось сменить квартиру.

Судьба свела противников — советского военного разведчика полковника Бочкарева и генерала Гриваса — лицом к лицу всего один раз. Эта встреча могла стать роковой. Наши офицеры вели маршрутную разведку как раз в тех безлюдных, диких ущельях западного Троодоса, где скрывался террорист-генерал, где тренировал он своих убийц-боевиков.

Уже в сумерках на дороге, которая шла по каменистому руслу ручья, встретились две машины — Бочкарева и Гриваса. Встретились и разъехались в разные стороны. Почему тогда не напал на безоружных сотрудников атташата Гривас? Не ожидал этой встречи, не был готов, не решился? Кто знает.

Больше они не встречались. Командировка полковника Бочкарева закончилась, и он убыл в Советский Союз.

А в 1974 году мир узнал о государственном перевороте на Кипре. К счастью, президенту Макариосу удалось бежать, переодеться в платье простого пастуха и выйти в распоряжение английского экспедиционного корпуса. Англичане доставили руководителя Кипра в Лондон.

Резидент советской военной разведки на Кипре полковник Виктор Бочкарев признавался позже, что тот переворот можно было предотвратить. Увы, жизнь распорядилась по-своему.

## Русский разведчик Иванов

Свой первый бой выпускник Смоленского стрелково-пулеметного училища лейтенант Василий Иванов принял уже на второй день войны. Немцы долетели до Смоленска, бомбили город, на окраине в Красном Бору выбросили парашютистов. Диверсанты были одеты в красноармейскую форму.

На уничтожение десанта бросили тогда выпускников их училища. Многие погибли. Ему повезло. С немецкими диверсантами лицом к лицу он не встретился, но как воют фашистские бомбы и свистят пули, узнал.

Лейтенанты стрелково-пулеметного училища встречали немецкие самолеты на крышах домов. И, надо сказать, сбивали их. Поначалу фашистские пилоты вели себя нагло, летали низко. Но когда молодые лейтенанты-пулеметчики «завалили» одного, потом другого немецкого аса, ухарство словно рукой сняло. Самолеты с крестами забирались повыше, лишь бы их не достал огонь «Максимов».

Лейтенанту Иванову и его сокурснику Карпову, с которым он работал в одном пулеметном расчете, сбить фашистский самолет не удалось, но боевое крещение они получили.

А потом была 298-я стрелковая дивизия, куда, собственно, он и попал по распределению после окончания училища, еще до войны.

Василий повел плечами. Холодок забирался под гимнастерку. «Сентябрь. Ночи уже с прохладой, 3 подумал он и произнес вслух: «До войны, до войны». Да, окончил училище, хоть и три месяца назад, но до войны. Собирался в отпуск. Столько лет мечтал приехать в родное Понизовье, что на Смоленщине, в деревню Поняжево, к матери, к сестрам, братьям. Мечтал пройтись по деревенской улице в новенькой, красивой офицерской форме. Но, видать, не судьба. По выпуску вроде и форму выдали, и отпускные билеты стали оформлять, да все тянули, тянули. А 18 июня собрали лейтенантов и объявили: принято решение отправить всех в части, а оттуда уже поедете в отпуска. Хитро придумано. Только в части не успели разъехаться, 22-го грянула война, а на следующий день уже прилетели фашисты.

Тем не менее, отбив первые воздушные атаки немцев и собрав свои скромные пожитки, лейтенанты двинули в войска. Там теперь они были как никогда нужны. Ведь их не призвали откуда-то с гражданки, из запаса, они — кадровые офицеры. Значит, на вес золота.

Вскоре после прибытия в 298-ю стрелковую дивизию к ним приехали офицеры из штаба армии. Отбирали командиров в разведывательный батальон. Отбрали и его. Но командир полка встал грудью: лейтенант Иванов, кадровый офицер, выпускник военного училища. Кадрового не отдам. Иначе, с кем воевать буду?

Так Василий не попал в разведку. Остался в пехоте командиром пулеметного взвода. А взвод у него был знатный. Не только потому, что пулеметчики — это сила. Бойцами был крепок его взвод. Он-то в сравнении со своими солдатами мальчишка. А они мужики серьезные, рассудительные, по возрасту кому под 40, кому и того больше. Большинство москвичи, и главное, считай, одна семья. Работали в столице в одной сапожной мастерской, так в полном составе и ушли на фронт.

Как-то говорят ему с укором: «Товарищ лейтенант, ну что это у вас за сапоги?» Оглядел сапоги: да уж, обувь не модельная, кирзачи и есть кирзачи. Только что тут поделаешь, такие выдали. А они: «Не волнуйтесь, скидывайте бахилы, мы над ними маленько поколдуюем». И через пару дней возвращают обувь. Василий не узнал свои сапоги — по ноге подогнаны, голенища ушиты, одним словом, игрушки, да и только.

На первом же построении эту красоту узрел командир полка майор Ковалев. После развода подозвал к себе лейтенанта.

— Иванов, а скажи-ка мне, откуда у тебя такие сапожки? Сравни. — И он выставил вперед ногу. — Вот такие говнотопы носит комполка, а этикие — комвзвода. Справедливо?

Пришлось признать несправедливость такого положения и поговорить со своими сапожниками. Вскоре и командир полка уже щеголял в красивых сапогах.

А дивизия не вылезала из боев. Она находилась в резерве Верховного Главнокомандующего, и ее то и дело перебрасывали с одного участка фронта на другой.

Первый бой в составе соединения комвзвода Иванов принял у города Жуковка, что на Брянщине. Тогда немцы прорвали нашу оборону, и 298-ю бросили, чтобы заткнуть брешь. Были тяжелые бои.

После этого дивизию передислоцировали на север Сумской области, в район населенного пункта Середина Буда. Вновь бои, ожесточенные, кровавые.

Батальон, в котором воевал лейтенант Василий Иванов со своим пулеметным взводом, размещался у села Шатрици. А в самом селе размещались немцы. Между позициями пролегла лощинка, по дну которой протекал ручей.

Фашисты, захватив село, обустроились неплохо. Каждый вечер они разбирали, раскатывали не бревна дома, жгли большой костер, готовили пищу. А наши бойцы в лесу, что называется, голодные, холодные. Смотрят, как греются да жируют немцы.

Первыми не выдержали нервы у молодых лейтенантов. Шесть офицеров без разрешения командования на свой страх и риск решили сделать вылазку и наказать фашистов.

У троих лейтенантов были пистолеты-пулеметы Дегтярева, только появившиеся на вооружении, у остальных винтовки.

Ночью пробрались по лощине к селу, подползли поближе к немцам. Выждали, пока их побольше соберется у костра, и открыли внезапный огонь. Заметались фашисты в панике. На фоне огромного костра они словно мишени в кино. Перебили их там немало. И быстро отошли. Немцы вдогонку открыли минометный обстрел. Одна из мин разорвалась недалеко от комвзвода Иванова, и осколок пробил каску. Выходит, удачно пробил.

Вот тогда военврач и сказал, оглядев его:

— Праздник у тебя сегодня.

«Да, уж, есть повод повеселиться», — подумал лейтенант, нащупав в кармане гимнастерки холодную сталь осколка. Василий вытащил осколок, подкинул на ладони и зашвырнул его подальше в лес, в темноту, чтоб не было подобных поводов для веселья. И пошел спать. Наутро предстоял новый бой.

## «Учиться всегда готов!»

Батальон перешел в наступление. Приказ был прост: выбить немцев из деревни Шатрищи.

Только вот выполнить его оказалось непросто. Немцы встретили их сильным огнем. Взвод залег, открыл ответную стрельбу. Иванов видел, как из-за бугорка фашист ведет прицельный огонь по нашим бойцам, не дает подняться наступающим. Он выбрал удобную позицию и дал очередь по стрелку. Немец замолчал.

В это время лейтенант не столько увидел, сколько почувствовал, как слева, из-за укрытия, в него выстрелил фашист. Пуля по касательной пробила грудь и ударила в руку. Рука опала, как плеть.

Его подобрали санитары, вытащили с поля боя, перевязали. Василий храбрился, пытался идти сам, не позволили, уложили и повезли. В тот миг лейтенант еще не осознавал, что серьезно ранен. После операции в госпитале не все осколки удастся вынуть из руки. Один из них до сих пор находится в теле.

А везли его через Старый Оскол на Курск, потом на Воронеж, конечный пункт — город Ртищево Саратовской области. Там сделали операцию, и с конца сентября на госпитальной койке он провалялся до декабря. Выписался и был направлен в 19-ю запасную бригаду, которая располагалась недалеко от Саратова, в населенном пункте Татищево.

Чем занималась запасная бригада? Знамо чем. Формировала подразделения, так называемые, маршевые роты для отправки на фронт. Это делал и лейтенант Иванов — формировал и просился в действующую армию. Роты уходили, а он оставался, формировал, и вновь просился. В феврале 1942 года его наконец услышали, дали роту в 100 человек, политрука в помощники и отправили в Калугу.

А тогда по всем руководящим документам командир и политрук маршевой роты после доставки подразделения на фронт должны были вернуться в запасную бригаду и доложить о выполнении задачи.

Однако фронт есть фронт. Уже практически сдав роту, лейтенант Иванов попадает под обстрел в районе населенного пункта Дядьково, что в Калужской области. Ранение в ногу, снова госпиталь, по выписке он опять возвращается в свою 19-ю запасную бригаду. Переучивает тыловых офицеров-финансистов, кадровиков, интендантов. Старается подготовить из них строевых офицеров.

Что делать, на фронте катастрофически не хватает командиров.

Однако вскоре ему поручают сформировать роту в составе шести взводов, по численности 254 человека! Как шутили в бригаде, доверили тебе, Василий Иванович, создать не простую, а «гвардейскую роту».

Приказано — сделано. В мае 1942 года рота была готова к отправке на фронт. Однако куда ее отправят, не знал даже командир роты.

Повезли на юг. Когда проехали Краснодар, у железнодорожников удалось выведать 3 путь их эшелона лежит в Керчь.

Однако до конечного пункта доехать не успели, наши сдали Керчь. Прошло несколько дней, и «гвардейскую роту» Иванова перебрасывают в Новороссийск. Там в порту грузят на пароход «Абхазия». Морем ночью они идут в Севастополь.

До Севастополя дошли благополучно, а в порту попали под страшную бомбежку. Лейтенант Иванов получил приказ доставить роту в 140-й полк. По дороге их непрерывно бомбили, появились раненые, убитые. Здесь лейтенант Иванов получил свое третье ранение. Однако подразделение было доставлено в расположение полка.

Его эвакуировали вместе с другими ранеными на лидере «Ташкент» из Севастополя в Новороссийск. Весь день, с раннего утра до вечера, шли под бомбежкой. То бомба справа, то бомба слева. Лидер маневрирует, уходит, бомбы рвутся за бортом, а раненые лежат прямо на палубе. К счастью, ни одна из бомб не попала в корабль.

Из Новороссийска Иванова везли через Сталинград, Тамбов, а когда выехали на Саратовскую дорогу, он сумел улизнуть из санитарной колонны и добрался до своего госпиталя. Там только руками развели: везет же тебе, Василий, третье ранение.

Подлечившись, он вновь явился в свою запасную бригаду.

На сей раз его вызвали в штаб бригады и направили в Саратов, в штаб округа. Приказали явиться к капитану Леонову.

Явился. Представился. Леонов долго расспрашивал его о родителях, учебе в школе, братьях, сестрах, обучении в военном училище, фронтовых делах, потом предложил:

— Не хотите, лейтенант, поехать на учебу? Тем более вы после ранения, выздоравливающий.

— Учиться я всегда готов, товарищ капитан, — ответил Иванов.

Так он попал в Казань, куда из Москвы был переведен разведфакультет академии им. М. В. Фрунзе. Вскоре факультет преобразовали в Высшую спецшколу Генерального штаба. Василий Иванов стал слушателем этой спецшколы.

## Помощник военного атташе

В 1943 Высшую спецшколу возвращают в Москву, расквартировывают в Филях. Учеба идет до конца года, потом слушателям сообщают: предстоит продолжить образование и в следующем 1944 году. Вот тут начались возмущения, протесты, рапорты. Мол, забирали на краткосрочные курсы, а учимся уже третий год.

Командование школы, как могло, вразумляло самых горячих, но мер никаких не предпринимало, ведь офицеры рвались не на курорт, а на фронт.

В конце 1944 года к всеобщей радости слушатели сдали госэкзамены. Василия Иванова распределили на 3-й Белорусский фронт, в разведотдел штаба.

Однако доехать до фронта не удалось. На границе с Литвой в вагон вошли несколько офицеров, представились, назвали шесть фамилий, в том числе и Иванова. Приказали покинуть поезд и отправиться обратно в Москву.

В столице капитан Василий Иванов получил новое назначение — в штаб Дальневосточного военного округа.

Объяснили это просто — здесь война уже походит к концу, а там, на Востоке, нужны образованные, опытные офицеры. Что ж, нужны, так нужны.

Погрузка в эшелон, 20 дней в пути и здравствуй, город Хабаровск. Столица Дальнего Востока встретила их крепким морозом. Пришлось московские щегольские офицерские сапоги спрятать подальше и утеплиться по-настоящему.

Капитан Василий Иванов был назначен помощником начальника отделения войсковой разведки штаба округа. Изучали они дислокацию японской армии, ее вооружение, штатную структуру, готовили войсковых разведчиков, в том числе и бойцов 88-й китайско-корейской бригады.

Это необычное соединение подчинялось разведотделу округа и офицеры штаба ДВО постоянно выезжали в части и подразделения бригады, проводили там занятия, обучали китайских и корейских командиров и бойцов всему тому, что необходимо на войне.

Бригада эта была сформирована из китайских и корейских партизан, бежавших от японских карателей на нашу территорию. Ее существование держалось в большом секрете. Да и до сих пор мало что известно. А ведь из состава бригады вышло много будущих руководителей, военачальников

Китая и Кореи.

Однажды, во время работы в частях соединения, Василий Иванов познакомился с командиром батальона капитаном Ким Ир Сенем, будущим руководителем Северной Кореи.

Все командиры и бойцы 88-й бригады с началом боевых действий против японских милитаристов рвались в бой. Но их не пускали. Держали как резерв для создания местных органов власти.

За месяц до начала войны Василия Иванова направили в войска 35-й армии, а точнее в 265-ю дивизию, которая непосредственно готовилась к боевым действиям. С частями этой дивизии Василий Иванов и прошел дорогами своей второй войны.

После победы пять лет служил на Сахалине в войсковой разведке. объездил Курилы, Камчатку, Чукотку. Всюду обучал разведчиков.

В 1950 году заменился в Прибалтийский военный округ, в Ригу. Занимался не только практической деятельностью, но и написал научно-теоретическую работу «Разведка в противодесантной операции».

В разведуправлении штаба округа, а потом в ГРУ в Москве работа понравилась, ее издали отдельной книгой, разумеется, под грифом «Секретно». А автору предложили поступить в военно-дипломатическую академию.

Летом 1952 года, сдав экзамены, подполковник Василий Иванов стал слушателем академии. Был назначен командиром 1-й группы, состоявшей полностью из офицеров-фронтовиков. В его группе учились два Героя Советского Союза.

По выпуску Василия Ивановича назначают в ГРУ на должность офицера 4-го восточного управления.

В 1957 году было принято решение о формировании аппарата военного атташе при посольстве СССР в Бирме. Атташе становится полковник Стрыгин, а Василий Иванов утвержден его помощником и одновременно переводчиком.

Отправляясь в свою первую зарубежную командировку, Иванов и не подозревал, сколь сложной и беспокойной будет его работа в Бирме.

Во-первых, он только начинал деятельность в стратегической разведке. Опыт фронтового разведчика у него был богатый, но, увы, это несколько иной опыт. Ведь условия работы в чужой стране совсем другие, нежели на собственной территории.

К тому же он попал в Бирму в довольно беспокойное время. Один государственный переворот, второй. Обострение обстановки в стране. Активизация американских спецслужб. Ухудшение советско-бирманских

отношений.

Помимо всего прочего случилось несчастье с военным атташе. Тот оказался серьезно болен. Пришлось его срочно эвакуировать на самолете через Китай в Советский Союз.

После эвакуации атташе на эту высокую и ответственную должность был назначен он, Василий Иванов.

Судьба разведчика такова, что он всегда ходит по лезвию ножа. Василий Иванович до сих пор помнит одну из своих агентурных операций. Казалось бы, ничего сложного: выйти на агента, связь с которым в последние годы была приостановлена, работа «законсервирована», возобновить отношения, активизировать его деятельность.

А источник 3 ценный, сотрудник Министерства иностранных дел. Через него следовало добыть информацию о намерениях американцев.

Агента он лично не знал, только по фотографии. Определить нелегко. Для европейца азиатцы, словно все на одно лицо. Это потом, проработав не один год в азиатских странах, Василий Иванович научится различать разрез глаз, форму носа, тембры голоса бирманцев, корейцев, китайцев, а тогда, на первых порах, было непросто. И, тем не менее, он вычислил агента. Изучил маршрут его движения, встретил на улице, прошел мимо него раз, второй. Наконец выбрал день, время, место для решающей встречи. Догнал его и, обгоняя, произнес пароль. На английском языке. Бирманец ответил, правда, невнятно, неразборчиво, но назвал отзыв.

Василий Иванович назначил встречу на завтра в одном из районов Рангуна — столицы Бирмы. Казалось бы, дело оставалось за малым: забрать агента, посадить в машину, вывезти в нужное место.

Поначалу так, собственно, и произошло. Иванов подъехал на машине, подхватил по дороге агента, и в путь. Но не тут-то было. Свернув на одну из улиц, он попал в ловушку. Дорога оказалась перекрыта бирманскими военными.

Еще час назад проезд по ней был свободен. Он проверял сам. Но жизнь внесла свои коррективы: в стране государственный переворот, в столице военное положение. И полиция, военные неожиданно перекрывают то одну, то другую улицы, проверяют документы.

Так оказалось и на сей раз. Что делать? Ведь бирманский сотрудник МИДа в машине советского военного дипломата — это явный провал. Поворачивать назад — безумие. Расстояние до армейского поста метров 100, не более, все на виду. Высаживать агента тоже нельзя. Его тут же схватят.

Иванов продолжает ехать прямо. Впереди вереница машин, у

водителей которых проверяют документы. Василий Иванович пристраивает свой автомобиль в хвост очереди. К нему подходит солдат. Полковник вытаскивает свою дипломатическую карточку. Она на английском языке. Военнослужащий вертит ее так и этак. Видно, он не знает английского. Смотрит то на человека за рулем, то на карточку, потом зовет офицера, который проверяет впереди стоящие машины.

«С офицером может так не повезти», — понимает Василий Иванович. Он выхватывает из рук солдата свою карточку и едет вперед. Солдат растерянно молчит. Иванов добавляет газу, двигается быстрее. В зеркало заднего вида замечает: его никто не пытается остановить. А вот и спасительный перекресток, поворот, и военный патруль остается за углом.

Внешне Василий Иванович спокоен и только правая нога на педали газа почему-то нервно затряслась. Он затормозил, дождался, пока прошла нервная дрожь, и двинул дальше.

«А ведь работа посуществу еще не начиналась, — подумал атташе. — Они только ехали, чтобы начать ее. Могли и не доехать». Полковник Иванов и его источник были в шаге от провала.

В 1960 заканчивалась командировка в Бирму. В начале года в Рангун прибыла высокая государственная делегация Советского Союза во главе с первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым.

У Василия Ивановича до сих пор сохранилось фото, на котором он здоровается за руку с Никитой Хрущевым. Кстати, с этой фотографией произошла занимательная история.

В отпуске Иванов приобрел себе автомобиль «Волгу». В ту пору подобные машины просто так в магазине не продавались. И досталась она Василию Ивановичу как своего рода поощрение за успешную службу за рубежом.

Словом, купил он «Волгу» и перегнал ее из Москвы в Кудепсту. Там жили родители жены, был гараж. Поставили машину в гараж, а когда отпуск закончился, Василий Иванович с супругой убыли обратно в Бирму.

Теща машину берегла, ходила, пыль протирала, и вот однажды, открыв гараж, чуть не лишилась чувств: «Волга» на месте, а колес нет. Все закрыто, никакого тебе взлома, но колеса исчезли. Разумеется, заявили в милицию. Те пришли, посмотрели, составили протокол: будем искать. Время идет, милиция ищет, а колес как не было, так и нет.

Однажды заявился милиционер в квартиру к тестю-теще, чтобы в очередной раз обрадовать: мол, пропажа не найдена. И вдруг опытный глаз блюстителя закона среди других фото на стене выхватил необычную фотокарточку:

— А чего это у вас тут Никита Сергеевич висит? — спрашивает он.

— Да вот, с моим зятем здороваётся, — хитро отвечает теща.

Милиционер внимательно ещё раз рассмотрел фотографию и, не вымолвив ни слова, ушел из квартиры.

А через два дня привезли колеса, все четыре, родные от «Волги» Иванова.

Вот так помогла фотография Василию Ивановичу. Что ж, как говорят, и на том спасибо.

## «На сборы вам неделя...»

После возвращения из Бирмы Иванова оставили в центральном аппарате ГРУ, в управлении информации по Юго-Восточной Азии. Однако долго он в Москве не задержался.

Как-то начальник отдела говорит:

— Василий Иванович, шеф тебя хочет видеть.

А шефом информации тогда был генерал Кореневский.

— Есть решение направить вас военным атташе в Эфиопию, — сказал генерал. — Идите в кадры, там все расскажут.

В кадрах повторили тоже.

— Но у меня и двух лет не прошло с предыдущей командировки.

— Надо, Василий Иванович, — сказал замначальника управления кадров. — Подумайте, посоветуйтесь с женой. Если согласны, на сборы вам неделя.

— Как неделя? Это же новая для меня страна. Кадровик только руками развел и поднял глаза вверх: мол, решение принято там, наверху.

В общем, согласие Иванов дал. На подготовку, к счастью, не неделя, месяц получился.

Что из себя в ту пору представляла Эфиопия? Страна, конечно, слаборазвитая, но исторически у России, а потом и у Советского Союза отношения с ней сложились дружественные.

Наряду с исламом действует эфиопская православная церковь. Многие эфиопские офицеры учились в наших училищах, академиях. СССР вел строительство на территории Эфиопии. Отношения с Министерством обороны также удалось наладить.

Разведработы против Эфиопии наша военная разведка не вела, но интересы свои отстаивала, поскольку рядом всегда находились наши заклятые друзья — американцы. А они уж не упускали случая, чтобы навредить советским.

Были и другие заботы, дела, заморочки, которые, разумеется, к разведке никакого отношения не имели, но полковник Василий Иванов, как военный, военно-морской и военно-воздушный атташе вынужден был ими заниматься.

Так, император Эфиопии, как командующий военно-морскими силами страны, ежегодно приглашал и принимал у себя советский военный корабль. Это был большой праздник для Адисс-Абебе. Гремел оркестр,

наших моряков восторженно приветствовали жители столицы. Император всегда лично посещал наш корабль, любил концерты, которые устраивали моряки.

Однако в 1968 году праздник был омрачен побегом нашего моряка с борта корабля. Эсминец стоял у пирса, и матрос дал деру. Часовой видел побег, но стрелять не решился, а беглец тем временем скрылся.

Самое неприятное, что случилось это в день отхода корабля. Военный атташе вместе с помощником выехал, чтобы проводить корабль, но видит, в городе матросы. Почуввав неладное, двинули быстрее на пирс. Командир корабля так и огорошил:

— Товарищ полковник, у нас беглец. Я отправил в город несколько групп на поиск, но нам уже пора отходить.

— Всех возвращайте, отходите по графику, как положено, мы это дело берем на себя, — успокоил командира Иванов.

А сам поехал к заместителю главкома военно-морских сил Эфиопии, кстати, внуку императора. Переговорил, просил оказать помощь. Потом отправился к Главкому ВМФ адмиралу флота Советского Союза Горшкову. Он в составе делегации прибыл в Эфиопию и находился на территории военно-морской базы.

Было раннее утро. Порученец, завидев атташе, грудью встал на защиту начальника:

— Адмирал Горшков еще отдыхает, к нему нельзя. Иванов, тем не менее, открыл дверь в покои Горшкова. Тот уже проснулся.

— Что случилось?

Атташе рассказал о беглеце, о том, что корабль пришлось отправить, а сам он уже побывал у эфиопского заместителя главкома ВМС.

— Хорошо, — сказал адмирал. — Передайте ему мою просьбу оказать помощь.

Назавтра беглеца нашли. Он оказался молодым матросом, призванным всего полгода назад. Службу нес в кочегарке, а там жара страшная, вот и не выдержал «тягот и лишений».

Однако найти-то его нашли, а как отправить на корабль? Договорились с руководством ВМС Эфиопии и отвезли на катере.

Вот и такими вопросами приходилось заниматься военному атташе.

Но тут еще полбеда. Офицеры, матросы — люди военные, а если взбунтуются женщины. Какие женщины, спросите вы? Наши, советские, например, с гидрографического судна ВМФ.

В 1967 году наше гидрографическое судно находилось в Индийском океане. На обратном пути вошли в Красное море, да тут началась

пятидневная война между Израилем и арабами. Суэцкий канал закрыли. И как теперь попасть в родной Севастополь? А все ресурсы на судне — топливо, питание, вода — были строго рассчитаны на определенные дни возвращения. А вместо возвращения — дрейф в Красном море.

О таком положении гидрографы сообщили в Севастополь, оттуда телеграмма в Главный штаб ВМФ, а из Москвы в Адисс-Абебе секретная депеша: военному атташе полковнику Иванову обратиться в главный штаб эфиопской армии, договориться о поставке на судно топлива, воды, пищи, а главное — провести беседу с личным составом судна, успокоить их. А там пол-экипажа — женщины, которые несколько месяцев без берега, без семьи, без мужей.

Василий Иванович еще молодым лейтенантом узнал, что означает в таком положении беседовать с женщинами. В 1942 году, когда ехал он со своей маршевой ротой на юг, был назначен начальником эшелона. На Кубани остановились. Женщины, кубанские казачки, окружили вагон:

— Дай, начальник, солдатиков хоть на часок. Сначала просили, потом на приступ пошли. Караульные едва солдат успевали оттаскивать от разъяренных баб. Тогда он еще подумал про себя: «Вот он, трибунал мой, разбегутся солдаты, ищи их потом по хатам, теплым постелям, под боком у казачек».

К счастью, эшелон вскоре тронулся в путь. Иначе, несдобровать ему.

Теперь вот, опять через 20 с лишним лет уговаривать подобных казачек. Но приказ есть приказ. А человек он военный. Первым делом поехал в эфиопское Минобороны, потом — на военно-морскую базу. Местные моряки выделили топливо, воду, питание. Встретился с экипажем судна. В основном, солировали женщины. Они хотели к семье, домой, к мужу, детям. Выслушал. Объяснил, что топливом вскоре заправят, продукты загрузят, и отправится судно в обход Африки, по Индийскому, Атлантическому океанам, домой. Другого пути нет.

Экипаж согласился с доводами военного атташе, успокоились и женщины.

Так что забот у военного атташе СССР в Эфиопии было достаточно.

В 1967 командировка полковника Василия Иванова успешно завершилась. Он возвратился в Москву, в центральный аппарат ГРУ.

После двух зарубежных поездок теплилась надежда, что теперь подольше задержится на Родине, поработает в Центре, тем более опыта ему было не занимать. Но жизнь распорядилась иначе.

В 1970 году Василия Ивановича направили в Китай. С уверенностью можно сказать, в тот период не было более опасного и беспокойного места

для наших дипломатов.

После событий на острове Даманский и без того сложные отношения между Китаем и Советским Союзом резко обострились. Страну покинули семьи наших дипломатов. Во время отправки на аэродроме сотрудники посольств различных стран устроили живой коридор, по которому проходили жены и дети советских дипломатов, укрываясь от беснующейся толпы китайцев. Многие дипломаты проявили большое мужество, спасая своих коллег из СССР. Так, французский посол сам, рискуя попасть под удары, стоял в оцеплении, создавая живой коридор.

В этот день был жестоко избит военный атташе Советского Союза.

Сюда, в Центр, из Китая каждый день приходили сообщения одно тревожнее другого. Василий Иванович читал эти материалы и прекрасно осознавал всю сложность обстановки.

Только вот не догадывался, что вскоре именно ему предложат возглавить аппарат военного атташе при посольстве СССР в Пекине.

Однако за год до этого будет у него командировка, по времени не продолжительная, но очень напряженная, ответственная и запомнившаяся на всю жизнь.

Василий Иванович оказался первым советским представителем, разумеется, неофициальным, который встретился с молодым лидером, ливийской революции Муамаром Каддафи через несколько дней после его прихода к власти.

## «Специальный посланник»

1 сентября 1969 года в Ливии произошел военный переворот. Он стал большой неожиданностью для США и Великобритании, хотя американские и английские войска размещались на ливийской территории не один год, и их спецслужбы, казалось, держали все под контролем. В первый день осени подразделения ливийской армии без особого сопротивления захватили важнейшие правительственные учреждения, военные объекты и места расположения сил национальной безопасности и полиции.

Король Идрис I был свергнут и провозглашена Ливийская Арабская Республика.

«Полностью захваченный врасплох дипломатический мир, — напишет потом известный ливийский историограф Ф. Мускат, — с напряжением и нетерпением хотел узнать, кто будет новым руководителем. и какой политике он будет следовать».

На подобные вопросы желали знать ответы и в Советском Союзе. Тем более что ответы эти были крайне важны для Москвы.

Ведь Соединенные Штаты Америки и Британия и после объявления Ливии независимым Соединенным Королевством в 1952 году не собирались выпускать эту страну из своих цепких когтей.

Муамар Каддафи, выступая по случаю первой годовщины революции в 1970 году, так охарактеризует положение в Ливии: «Англия начала играть судьбой нашей страны, навязав нам марионеточную власть и провозгласив ложную независимость. Она посадила на престол своего ставленника, который опирался на американские и английские военные базы».

В Москве хорошо помнили и так называемую «доктрину Эйзенхауэра», в которой президент США призывал поставить барьер «коммунистическому проникновению» на Ближний Восток и в Северную Африку. США были готовы помогать арабским странам, но в обмен на их отказ от связей с СССР.

«Доктрина» начала действовать в том же 1957 году. Осенью ливийское правительство разослало всем диппредставительствам ноту с требованием закрыть иностранные военные атташаты. В нем не было бы ничего необычного (в конечном итоге, это право каждой страны — держать на своей территории аппараты военного атташе или нет), если бы не одно обстоятельство. Это требование напрямую действовало против СССР и Египта. Ибо другие страны, кроме Франции, не имели своих военных

атташе в Ливии.

Так что Советский Союз не мог не воспользоваться подвернувшейся возможностью и не ответить должным образом на происки Соединенных Штатов. Правда, для Кремля и МИДа этот переворот тоже стал большой неожиданностью, и никто толком не мог сказать, кто эти молодые офицеры, захватившие власть в Триполи. Известно было, что руководителя восстания звали Муамар Каддафи, он достаточно молод, пользуется поддержкой в армии. И это, пожалуй, все.

Первой отреагировала военная разведка. В конце концов, их представителя 12 лет назад по указке США и Британии выбросили из Ливии. Не пора ли вернуться обратно?

Трудно сказать, такие ли далеко идущие планы преследовал в 1969 году начальник ГРУ генерал-полковник Петр Ивашутин. Но важно, что он не собирался сидеть сложа руки, даже если обстановка была не совсем ясна. И как показало время, оказался прав.

Уже 3 сентября, ранним утром, он вызвал к себе в кабинет начальника 2-го управления ГРУ генерал-лейтенанта Сеськина и замначальника африканского направления полковника Василия Иванова.

Главным исполнителем его замыслов должен стать Василий Иванович Иванов. Он знал регион, углубленно занимался им. Опыта зарубежной разведработы Иванову было не занимать. Работал военным атташе в Бирме, Эфиопии.

Выслушав доклад офицеров, генерал Ивашутин предложил присесть и сразу, как говорится, взял быка за рога.

— Ну что, Василий Иванович, в Ливии военный переворот. Начальник разведки замолчал, явно предлагая продолжить Иванову.

— Да, переворот. Возглавили его молодые ливийские офицеры во главе с Муамаром Каддафи.

Иванов так же, как и его начальник, оборвал фразу. Потом добавил:

— К сожалению, мы пока мало знаем о них.

— Вот именно, — подчеркнул руководитель военной разведки, — а надо знать как можно больше. Это очень важно сейчас.

И он добавил, глядя в упор на Иванова:

— Надо выезжать туда самым срочным образом. Там сейчас переполох. И англичане, и американцы в шоке. У них под носом свергли их ставленника. Но скоро они оправятся от удара и начнут действовать. Им легче, они рядом, а мы далеко.

Генерал Ивашутин встал со своего кресла, присел рядом с офицерами за приставным столом.

— Но это ровным счетом ничего не значит. Надо лететь в Триполи и постараться встретиться с Каддафи. Любым способом добраться до него. Предложить нашу помощь и учредить аппарат военного атташе.

Он поднялся, пожал руку Сеськину, потом Иванову:

— Остальные задачи поставят в МИДе и в ЦК. Справишься?

— Постараюсь справиться, товарищ генерал-полковник. Только вот жаль, с Каддафи я не знаком.

Начальник разведки развел руками и широко улыбнулся:

— Везучий ты человек, Василий Иванович, как раз познакомишься. Надеюсь, что сделаешь это раньше американцев.

— «Н-да, — подумал Иванов, — американцам только улицу перейти, а мне облететь полмира. Воти попробуй, опереди их».

Спасибо, конечно, генералу Ивашутину за доброе слово и шутки, но Иванов, откровенно говоря, никак не мог прийти в себя. Как обухом по голове.

Он никогда не был в Ливии, не знает арабского языка. Пусть хоть и отдаленно, но представляет, что там творится после военного переворота. Границы, скорее всего, закрыты, связи нет. Даже если он каким-то образом проберется в Ливию, как ему попасть к Каддафи? Да и кто знает, какие взгляды исповедует этот новый руководитель страны, захочет ли видеть у себя представителя СССР?

Вопросов было много. В военной разведке на них ответить никто не мог. Василий Иванович надеялся на Министерство иностранных дел, на Центральный комитет, но после бесед понял: на Старой и Смоленской площадях о событиях в Ливии знают еще меньше.

Оставалось надеяться на свои силы. Разумеется, в МИДе ему обещали всяческое содействие наших послов в Египте, Алжире и даже в Ливии. Только, судя по скудости мидовской информации, наш временный поверенный в Триполи был не совсем в курсе событий. Хотя, впрочем, это вполне объяснимо: переворот произошел всего каких-нибудь двое суток назад — прошло всего 48 часов.

Прямого авиасообщения у СССР с Ливией в те годы не существовало, и потому Василий Иванович 4 сентября вылетел в Каир. Легенда была такова: полковник Иванов следует в Алжир по служебным делам, по дороге заезжает к своему фронтовому другу, который является военным атташе в Каире. Далее его путь лежит к месту назначения, но уже через Ливию. Таким образом Иванов оказывается в Триполи, а там действует по обстановке.

Послу и военному атташе в Египте были даны указания обеспечить

его скорейший вылет из Каира в Триполи.

Возможно, в другое время это и не составило бы труда. Из Египта постоянно летали самолеты в Ливию, и организовать визу для посольства было не проблема. На это и рассчитывали в Москве. Но не учли только одного: теперь в Ливии военное положение, и попытка советского консула получить визу для Иванова не увенчалась успехом. Страна закрыта для посещения иностранцев, — ответили в ливийском посольстве в Каире.

5 сентября утром военный атташе Советского Союза в Египте надел форму, все ордена и медали и при полном параде поехал в ливийское посольство. Добился встречи с послом. В цветах и красках рассказал легенду о захвавшем погостить фронтовом друге, которому уже завтра надо быть в Алжире.

Посол Ливии сказал, что хотел бы помочь советскому военному атташе, но, увы, не в силах. Таков приказ Триполи. Не солоно хлебавши, атташе возвратился в посольство. Оставалось только ждать.

Василий Иванович вновь и вновь анализировал ситуацию, пытаясь найти выход. Выхода не было.

6 сентября рано утром в дверь гостиничного номера, где жил Иванов, постучали. На пороге стоял консул.

— Василий Иванович, — сказал он, — через два часа из каирского аэропорта летит самолет в Ливию, но не в столицу Триполи, а в Бенгази. Главное, вы попадете в Ливию, а там и до столицы доберетесь. Посол спрашивает, согласны ли вы лететь? Если да, собирайтесь, я жду вас внизу в машине.

Выбирать не приходилось. Через десяток минут консульская машина уже везла полковника в аэропорт. Конечно, будучи опытным сотрудником военной разведки, он понимал, что крепко рискует. По всем инструкциям он должен был обо всем доложить в Москву, дожидаться указаний Центра. Только кому они нужны, эти указания? Ко времени их прихода в посольство самолет бы улетел, и другой такой оказии могло бы еще долго не подвернуться. Вот и жди тогда у моря погоды с инструкцией за пазухой.

Однако дело не только в указаниях Центра. Уже в самолете он вспомнил: у него нет денег. В посольстве должны были выдать, да так и не успели.

Волновал вопрос и с визой. Ведь виза у него тоже отсутствовала. Так, поди ж ты, прямо с трапа можно и в тюрьму загреметь. Он представил, как это может выглядеть с ливийской стороны: иностранец, более того, советский полковник прибыл в страну, в которой только что произошел государственный переворот, введено военное положение. Более того, этот

полковник пробрался нелегально, без визы.

Да, было о чем задуматься Василию Ивановичу прежде, чем он ступил на трап самолета. Полковник, конечно, не из робкого десятка, на фронте не раз смерти смотрел в лицо, однако, признаться, пережил несколько неприятных минут. Откровенно говоря, очень не хотелось оказаться в ливийской тюрьме по обвинению, скажем, в незаконном пересечении границы или хуже того, в шпионаже.

Однако, к счастью, ничего подобного не случилось. В 10 часов утра самолет коснулся бетонки аэропорта в Бенгази. Иванов покинул борт и направился в здание вокзала. Навстречу ему шли ливийские военные, но никто не обратил на него внимание. Он пытался заговорить с ними на английском, но те уклонялись от общения, принимая его, видимо, за американца.

Василий Иванович вышел на площадь перед аэровокзалом, где стояло с десяток такси. Пытался взять машину, чтобы поехать в советское консульство, но никто из водителей не знал английского языка. В свою очередь он не говорил на арабском. Пришлось просто сесть в такси и показать рукой: вперед! Водитель поехал. Они долго колесили по городу в поисках консульства. Вдруг на одной из улиц он увидел здание, а над ним развевался английский флаг. Василий Иванович искренне порадовался британскому флагу. Значит, где-то здесь реет и красный, молоткосто-серпастый флаг его родины. Так оно и произошло.

Сначала показался флаг ФРГ, потом — советский.

Такси затормозило у ворот консульства Советского Союза в Бенгази, полковник вышел из машины и нажал на кнопку звонка.

Через несколько минут на крыльцо вышел консул.

— Василий Иванович, — искренне удивился он, — каким вас ветром занесло в наши края?

Всего какой-нибудь месяц назад они встречались в Москве, в Главном разведуправлении, и консул никак не ожидал увидеть Иванова в Бенгази.

— Рассчитайся, пожалуйста, с таксистом, а потом я все объясню, — сказал полковник.

Вскоре гость поведал о своей миссии, дорожных злоключениях. Консул, в свою очередь, сообщил, что в Бенгази находится представительство МИД Ливии, и он доложит о прибытии Иванова, постарается оформить транспортную визу.

Ждать пришлось недолго. Вскоре в ответ на звонок консула из представительства ливийского МИДа сообщили: в Бенгази находится Абдель Салам Джеллуд (второй человек после Каддафи, член Совета

революционного командования, в последующем министр правительства) и он через два часа приглашает Иванова на встречу.

К назначенному времени Василий Иванович вместе с консулом, который владел арабским языком, прибыл в назначенное место, в гостиницу. Их встретил ливийский офицер и проводил в холл. Вскоре к ним вышел Джеллуд.

Иванов приветствовал новое руководство и сказал, что через несколько дней будет в Москве и готов доложить руководству Министерства обороны СССР, какую помощь хотела бы получить Ливия.

Джеллуд ответил благодарностью, но сообщил, что по поводу помощи ему все скажет лично Муамар Каддафи, который примет советского представителя в Триполи. Он же хотел попросить от Советского Союза официального признания палестинского движения. И добавил, что готов устроить встречу с палестинцами сегодня.

Непростые загадки задал Иванову Абдель Салам Джеллуд. А ведь в ходе многочисленных инструктажей в Москве никто ни в МИДе, ни в ЦК и словом не обмолвился о палестинцах. Как поступить? Ведь в ту пору Советский Союз еще не признал палестинское движение.

Пришлось поблагодарить Джеллуда за оказанное доверие, но от встречи с палестинцами отказаться, сославшись на неофициальный характер своей миссии. К счастью, Джеллуд не настаивал.

На том, собственно, и расстались. Джеллуд пригласил Василия Ивановича на следующий день лететь в Триполи вместе с ним на его самолете.

7 сентября в середине дня Иванов был уже в Триполи. Его встретил временный поверенный в делах СССР Юрий Мешков. Они встретились, как старые знакомые. Василий Иванович знал Мешкова еще по работе в посольстве Советского Союза в Эфиопии, где тот служил первым секретарем, а Иванов — военным атташе.

9 сентября из МИДа Ливии сообщили, что Каддафи примет советского представителя в ближайшие дни.

Этот ближайший день наступил 11 сентября. Утром пришла машина.

Полковник Иванов предложил Мешкову ехать с ним. Временный поверенный колебался. И, действительно, пригласили ведь только гостя из Москвы. Однако Василий Иванович настаивал, убеждая Мешкова в желательности знакомства с Каддафи, с которым впоследствии посольству придется работать.

Интуиция не изменила полковнику Иванову и на этот раз.

Мешков не исключал тот вариант, что при посадке в автомобиль ему

могут отказать. Все-таки договорились попытать счастья: к машине спустились Иванов, Мешков в сопровождении посольского переводчика.

Сопровождавший их ливийский офицер не возражал. Так втроем они и были доставлены в здание радиостанции, располагавшейся на окраине Триполи.

Их проводили в небольшую комнату, где стоял коктейльный столик и четыре кресла. Офицер извинился, сказав, что Каддафи очень занят и у него для беседы будет всего четверть часа.

Столько перелетов, переездов, сложностей, волнений и всего 15 минут. Да что тут скажешь, тем более при переводе с арабского. Решили, что Василий Иванович коротко поздравит Каддафи, пожелает дальнейших успехов, скажет о неофициальном характере своей миссии и спросит, что сообщить в Москве. Желает ли Ливия получить помощь, и какую? Ах да, и просить учредить в Триполи аппарат военного атташе.

Муамар Каддафи вошел в комнату с автоматом Калашникова. Его никто не сопровождал. Он был одет в военную форму без знаков различия. Поздоровавшись, сел в кресло, автомат поставил перед собой.

Началась беседа. По поводу помощи Каддафи сказал, что сейчас новое руководство крайне занято внутренними проблемами, но вскоре обратимся и к вопросам международным. Тогда и определимся. Но за предложение помощи большое спасибо.

Прошло четверть часа. Приоткрылась дверь, выглянул офицер. Каддафи махнул рукой. Дверь закрылась.

Иванов предложил обменяться аппаратами военных атташе, чтобы успешнее сотрудничать по военной линии. Каддафи согласился и обещал рассмотреть вопрос в ближайшее время.

Минуло еще 15 минут. Дверь вновь открылась. Легкий взмах руки председателя Совета революционного командования и беседа продолжилась.

Таким образом, переговоры длились 45 минут. Полковнику Иванову удалось обсудить все вопросы, которые он планировал предложить к рассмотрению.

В конце беседы Василий Иванович попросил сохранить конфиденциальность их беседы, сославшись на то, что он лицо неофициальное, был здесь по пути следования из Египта в Алжир.

Каддафи согласился.

Уже простившись, председатель Совета поднял автомат:

— Знаете, что это такое?

— Еще бы, — с гордостью сказал Иванов, — это наш знаменитый

Калашников, только ведь мы его не поставляли в Ливию, откуда он у вас?

Каддафи улыбнулся. Видимо, он неспроста, пришел на встречу с советскими представителями с автоматом Калашникова.

— Это нам подарили иракские друзья!

«Так вот откуда ветер дует, — подумал про себя Иванов, — ав Москве многие считают, что помогали Каддафи египтяне. Оказывается, иракцы. Весьма важная информация».

После встречи с Каддафи, по возвращению в посольство, Василий Иванов и Юрий Мешков направили шифровки в ЦК КПСС, МИД и Министерство обороны. Они оба подчеркнули, что просили Каддафи сохранить в секрете их встречу.

Однако получилось иначе. На следующее утро газета «Ар-Риад» вышла с броским заголовком: «Специальный посланник министра обороны СССР поздравляет Совет революционного командования».

Далее в статье сообщалось, что «полковник Василий Иванов, специальный посланник министра обороны, посетил Совет революционного командования в Триполи и выразил поздравления в связи с происшедшей революцией и провозглашением Ливийской Арабской Республики.

Совет революционного командования выразил советскому посланнику свою благодарность и признательность за чувства дружбы, которые связывают Советский Союз и арабов. СРК передал свои приветствия всему руководству и офицерам Советской Армии».

Это сообщение на страницах ливийской газеты не сулило ничего хорошего для полковника Василия Иванова. Ведь перед его полетом к Каддафи ему тщательно указывали на сохранение секретности встречи. А тут на тебе, он не успел еще покинуть пределы Ливии, а газеты раструбили на весь мир «о специальном посланнике министра обороны СССР и его поздравлениях СРК. Хорошо, что в качестве свидетеля рядом был временный поверенный в делах СССР Юрий Мешков. А если бы встреча состоялась с глазу на глаз? Так что правильно уговаривал Василий Иванович Юрия Мешкова поехать с ним к Каддафи.

Через два дня полковник Иванов вылетел из Триполи в Тунис, оттуда в Алжир и уже потом в Москву.

17 сентября он предстал перед очами начальства — своего, Генштабовского, МИДовского и, разумеется, самого высокого, которое располагалось на Старой площади в ЦК КПСС.

Все благодарили за успешное выполнение задачи, не забыв при этом высказать сожаление об утечке информации в ливийские СМИ. Хотя в то

же время соглашались, что Каддафи важно было раскрыть эту встречу.

Подобная публикация укрепляла авторитет и положение СРК Ливии и, видимо, сдерживала силы, которые желали свержения Каддафи.

Правда, в самом ГРУ непосредственные начальники полковника Иванова были настроены не так благодушно. Их в первую очередь интересовало не столько газетное сообщение и утечка в СМИ, сколько решение Василия Ивановича без денег и визы вылететь из Каира в Бенгази, не поставив об этом в известность Центр.

Полет в страну, где произошел переворот, и было введено военное положение, мог закончиться плачевно.

Оказывается, как стало известно позже, недовольство было высказано и посольству СССР в Египте за отправку Иванова из Каира в Бенгази без разрешения Центра.

Однако в конечном итоге здравый смысл восторжествовал, и полковника Василия Ивановича Иванова не наказали, а даже объявили благодарность.

## На китайской земле

В Китай, откровенно говоря, ехать не хотелось. Да и какому нормальному человеку захочется? Мы для Китая в ту пору были врагом номер один, да и он для нас не лучше. Это в тихой, спокойной, сонной бабушке-Европе действовала дипломатическая неприкосновенность, а тут атташе ты или секретарь посольства, никому дела нет, вытащат из машины, и если уж не побьют, то наорут, заплюют, наговорят гадостей.

Такое случалось со многими дипломатами. И с военным атташе полковником Василием Ивановым тоже. Поехали они как-то на машине в Цзянь Цзинь. Разумеется, получив предварительно разрешение китайского МИДа. На полдороги их машину останавливают, высаживают, и начинается спектакль: разгневанные хунвейбины, как черти из табакерки, беснуются вокруг них. Потом затолкнули всех в машину и отправили назад. Протест в Министерство иностранных дел ничего не дал. Там как всегда расписались в своей беспомощности, мол, гнев народа, что поделаешь.

Вот в такой обстановке и начал свою работу в Китае Василий Иванович. Сейчас о том безумном времени неприятно вспоминать, а полковнику в отставке Иванову в особенности. Он много лет после увольнения из армии работает в обществе российско-китайской дружбы, укрепляет совместные связи, очень любит эту страну, да и китайцы его боготворят, но, как говорят, слов из песни не выбросишь. Такое было.

Работалось невероятно трудно. Контрразведка у китайцев сильная. Как шутили наши сотрудники атташата, обижаться не на кого, сами обучали китайцев и, судя по всему, обучали хорошо.

Слежку там обнаружить трудно. Людей много, в годы культурной революции все одеты одинаково.

Китайская официальная пресса была — газеты, журналы, цитатников Мао Цзедуна хоть завались, а вот, к примеру, центральную военную газету КНА советским дипломатам не давали. Она открыта для всей страны, но только не для посольства СССР.

Повезло, что в тот период в Китай чрезвычайным и полномочным послом Советского Союза назначили Толстикова, бывшего первого секретаря Ленинградского обкома КПСС. Связи у него обширные — то известного певца Штоколова пригласит, то на посольском пруду хоккейный матч устроит. Вот и тянулись иностранные дипломаты в наше посольство, а это, в свою очередь, давало возможность более крепкого общения.

Да и к тому же в такой закрытой стране, со сложной внутренней и внешней общественно-политической обстановкой дипломаты невольно спланивались, крепче держались друг друга, делились новостями, охотно заводили знакомства.

С китайцами советские дипломаты общались мало. Не потому, что не хотели мы, чаще они чурались этих отношений, боялись быть заподозренными в добрых чувствах к «советским ревизионистам».

Помнится, Василий Иванович все пытался найти китайцев, которые в конце 50х начале 60-х работали в атташате КНР в Бирме. Он хорошо их знал, дружил. Тогда они здорово сотрудничали, помогали друг другу.

На одном из приемов ему повезло, увидел китайца, тогдашнего майора, помощника военного атташе. Китаец тоже узнал его. Поздоровались, конечно. Но поговорить толком не смогли. Их не оставили вдвоем. Рядом с бывшим помощником атташе неотступно следовали два человека. Охранники или соглядатаи? Кто знает.

Четыре года отработал советским военным атташе в Китае полковник Василий Иванов. По возвращению продолжал службу в ГРУ, одновременно являясь членом двух международных комиссий — советско-американской по ограничению торговли оружием в мире и ООНовской. Члены комиссии готовили Генеральному секретарю ООН ежегодный доклад:

«Экономические и социальные последствия гонки вооружений в мире».

В 1979 году Василий Иванович уволился из Вооруженных Сил, но продолжал еще несколько лет трудиться в составе международной комиссии ООН. Ныне, полковник Иванов — военный пенсионер, но его по-прежнему трудно застать дома. Он — заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы. Много работает, собирает исторические материалы, пишет, публикуется в прессе.

Он по-прежнему служит. Честно и преданно служит своему Отечеству.

## Мы встретимся с тобой, Устаз<sup>[1]</sup>

Леонид Иванович Медведко — человек достаточно известный. Доктор наук, академик РАН, востоковед, историк, журналист, автор более 100 научных работ.

Писать о нем трудно. Много о своей поистине удивительной жизни рассказал он сам, поведали его друзья, товарищи, коллеги. Однако, как ни странно, еще немало интересного осталось за рамками этих повествований. Ведь полвека назад, окончив институт востоковедения, Леонид Иванович стал офицером советской военной разведки. Он редко носил военную форму, но от этого не менялась суть его работы.

Старшего лейтенанта Медведко, его жену с маленьким трехмесячным сыном в поезд посадил болгарский консул. Попросил турецких проводников приглядеть за ними. Состав следовал из Эдирне в Стамбул. Леонид ехал в свою первую командировку за границу в Турцию. Да и куда ему еще было ехать, ведь он выпускник Московского института востоковедения, турецкого отделения. Можно считать, что ему повезло: очень немногим из выпуска удалось поехать на работу за рубеж. Возможно, и он бы сидел сейчас в Москве и ждал у моря погоды, но на его счастье в институт пришел офицер из отдела кадров Главного разведуправления Генштаба.

Леонида уже приглашали на Лубянку, в КГБ, но откровенно говоря, ему не очень хотелось связывать свою жизнь с этой организацией. Оказалось, что и Медведко не подошел комитетчикам: родственники у него во время войны были на оккупированной территории, да к тому же Леонид пожаловался, что он прибалывает, хромает самочувствие. Тут он немножко слукавил, здоровье было в порядке. Но «покупатель» из КГБ клюнул на его удочку и захлопнул папку: «Нам нужны здоровые люди. Свободен!»

А вскоре Медведко сидел перед кадровиком из ГРУ. Он даже запомнил его фамилию — полковник Левшня. Того не смутили родственники, бывшие в оккупации. Пришлось рассказать и о небольшом скандале, который разгорелся перед выпуском. Одна из девушек-выпускниц забеременела, и в качестве отца ребенка неожиданно назвала Леонида. Действительно, он провожал ее несколько раз, но между ними не было близости. Медведко твердо знал и стоял на своем. Однако не все ему поверили. Секретарь партбюро, так и сказал:

— В партию мы тебя принять пока не можем. За интим тоже надо

платить.

Об этом и рассказал Медведко полковнику без утайки. Прямота и искренность понравилась кадровику. Левшня только рассмеялся:

— Нам такие люди нужны! Теперь ты знаешь, какие бывают женщины.

Леонида направили в 4-е управление ГРУ, и он начал подготовку к командировке. Ехать ему предстояло в Турцию в качестве переводчика.

Накануне отъезда прошел беседы в Центральном комитете партии. Перед этим его и жену Елену одели на специальном складе — выдали каждому пальто, Леониду — шляпу, супруге — шляпку, чемодан на двоих. И в таком экипированном виде они предстали перед работниками ЦК. Сначала с ними беседовал инструктор, а потом попросили зайти к заведующему отделом. Им оказался Леонид Ильич Брежнев.

Кстати говоря, ту беседу Медведко запомнил на всю жизнь. Поговорив о делах, Брежнев сказал: «Будьте бдительны. А главное — берегите ребенка и жену».

С таким напутствием они и двинулись в путь. Ехали через Болгарию. Пешком переходили турецко-болгарскую границу. Потом болгарский консул посадил их в поезд. И вот теперь они в купе. Жена с сыном уснули, а Леониду не спалось. Он вспоминал институт, месяцы, проведенные в ГРУ, и пытался представить свою будущую службу в резидентуре в Анкаре. Казалось, задремал, сморил-таки его сон, как вдруг в коридоре вагона услышал шаги и кто-то резко и нетерпеливо постучал в дверь. Леонид включил свет, открыл замок. На пороге купе стояли несколько турецких жандармов. Они что-то быстро и громко говорили, указывая на вещи семьи Медведко. Признаться, из «горячей» речи жандармов Леонид практически ничего не понял, ну, разве что слово «каза». В институте учили, что оно могло означать то ли аварию, то ли катастрофу.

«Провокация! — подумал он, вспоминая многочисленные инструктажи. — Явная провокация». Однако, что-либо предпринять в данной ситуации он был бессилён. Пришлось собрать чемодан и следовать за жандармами. Выгрузив пожитки из вагона, они хотели принять и ребенка, но супруга, помятуя наставления Брежнева, только крепче прижала его к себе.

Оказалось, действительно «каза», то бишь, авария на железной дороге.

Пришлось около километра прошагать по шпалам, чтобы пересест в другой состав. Утром они приехали в Стамбул.

На следующий день военный атташе, побеседовав с Медведко, представил его советскому послу в Турции А. Лаврищеву. Тот встречал

переводчика не с пустыми руками. Протянул турецкую газету:

— Что ж вы, товарищ Медведко, еще не доехали до посольства, а уже занялись терроризмом и диверсиями? Читайте, что о вас пишут!

«Час от часу не легче, — подумал Леонид и взглянул на первую полосу газеты. Там крупным шрифтом, да еще красной краской, был набран заголовок: «Катастрофа на железной дороге». Дальше шел текст, описывающий произошедшее, и весьма неожиданный подзаголовок: «Русские шпионы».

— Вот это — самое важное, — улыбнулся посол. — Отсюда и читайте.

«Обращает на себя внимание, — писал автор статьи, — что по маршруту Эдирне — Стамбул в последнее время зачастую ездят русские дипломаты. В ночь железнодорожной катастрофы по этой дороге проследовал помощник военного атташе Леонид Медведко со своей женой Еленой».

Так, в первую же ночь пребывания на турецкой земле старший лейтенант Медведко был повышен в должности до помощника военного атташе и, по сути, получил прозрачный намек на возможную причастность к теракту.

Каждый разведчик, который пребывает в страну, начинает свою работу с оценки контрразведывательной обстановки. Леониду Ивановичу тут потеть особенно не пришлось: обстановка была на лицо.

Покинув кабинет посла, Медведко вспомнил слова известного турецкого поэта Назыма Хикмета. Они не раз встречались в Москве, Леонид переводил его стихи на русский язык. Провожая его в командировку, Хикмет сказал:

«Запомни, во всем плохом, что происходит в Турции, будут винить Москву, коммунистов и курдов».

Что тут скажешь, верные слова.

## «И швец, и жнец...»

5 марта 1953 года утренние выпуски турецких газет вышли с сенсационными заголовками: «Русский диктатор загнулся!» «Сталин протянул ноги!» Подтверждение этому посольство не получило. МИД почему-то молчал. Откровенно говоря, никто из дипломатов не знал, верить, не верить этому известию.

Однако вскоре московское радио сообщило: умер Сталин. Леонид понимал, что предстоит немало работы, быстро собрался, и поспешил в посольство. Было еще рано, но у запертых дверей миссии он увидел группу иностранных дипломатов, турецких представителей.

Пока готовили траурный портрет, книгу для записей, посол приказал Медведко занять гостей. И вот тогда ему впервые пришлось побеседовать с экс-президентом Турции, лидером Народно-республиканской партии генералом Исмет-пашой Иненю. Он говорил о том, что со смертью Сталина ушла целая эпоха и его дела войдут в историю века.

Однако слова соболезнования это одно, а дела — совсем другое. Отношение к советским людям, к нашей стране в Турции оставалось враждебным. С Леонидом случалось ни раз, что турок, узнав в нем русского, едва не плевал в лицо. Как-то один из его новых знакомых сказал: «Мы воевали с вами в ста сражениях и всегда побеждали! Почитайте наши учебники». Медведко почитал. Действительно, по турецким учебникам они из всех сражений выходили победителями. Правда, когда Леонид вместе с военно-морским атташе капитаном I ранга Павлом Чичериным приехали в Синоп, то там еще помнили победу русского флота и знали о сокрушительном поражении турок.

Сказать, что работать советской разведке в Турции было трудно, считай, не сказать ничего. Это тебе не цивилизованная старушка-Европа, где за сотрудничество с разведкой СССР тоже, конечно, не гладили по голове и сажали в тюрьму, но не лишали жизни. В Турции даже за попытку сотрудничества, да что там сотрудничества, просто встречу с советским дипломатом, могли вздернуть на виселице. И это, поверьте, не фигура речи, не красное словцо. Подобное потрясение пережил молодой офицер Леонид Медведко. Он всего раз встретился и пообщался с турецким гражданином, курдом по национальности, который работал в одной из военных организаций. Что можно успеть за одну встречу? Разве, что познакомиться, немного пообщаться, разумеется, ни о каких шпионских делах не могло

идти и речи. Однако курд был схвачен. В газетах написали, что он агент русского шпиона, и в результате тот закончил жизнь на виселице.

С этим случаем приезжал разбираться в Анкару генерал Константин Сеськин. Однако вины в гибели курда со стороны Медведко не нашли, и тем не менее подстраховались — Леонида перевели в Стамбул, в аппарат военно-морского атташе. Ведь у него не было дипломатического паспорта, и случись что, он так же мог оказаться в турецких застенках.

Теперь ему предстояло набираться опыта под руководством опытного советского военного разведчика генерала Михаила Иванова, который еще в 30-е годы работал с Рихардом Зорге.

Летом 1956 года на Измирской международной торговой ярмарке Медведко познакомился с директором израильского павильона. Назвался тот Симоном, рассказал, что был скрипачом, эмигрировал в свое время из Советского Союза. Особенно переживал наш бывший соотечественник за то, что после войны 1948 года главные еврейские святыни остались в Восточном Иерусалиме. О международном статусе этого города Симон и слышать не хотел.

Казалось бы, ничего примечательного в речах Симона не было. Однако насторожило Леонида одно замечание израильтянина. «Вспомните меня потом, — говорил собеседник Медведко, — этой осенью мы разобьем своих врагов и выйдем к Суэцу. Мы будем в Иерусалиме».

Это заявление Симона Леонид и передал резиденту Иванову. Михаил Иванович выслушал рассказ внимательно и неожиданно спросил, мог бы Медведко встретиться со скрипачом еще раз. Молодой офицер, признаться, удивился просьбе резидента, но виду не подал, ответил утвердительно. Тем более что на следующий день Симон уезжал из Стамбула в Анкару. Генерал хотел знать, откуда у директора павильона выставки такая важная информация.

Медведко встретился с новым знакомым, выяснил, что источник вызывает полное доверие: им оказался родственник Симона, офицер Генштаба, израильской армии.

Информацию доложили в Центр. Правда, как ее использовало советское командование, до сих пор неизвестно. Только когда по радио сообщили о начале войны, генерал Иванов произнес с досадой: «Судя по всему, не поверили в Москве нашему Симону».

Медведко понимал Иванова. Ведь в свое время Сталин так же не поверил Рихарду Зорге. Оставалось утешать себя мыслью, что они, офицеры Стамбульской резидентуры, поставленную задачу выполнили: заранее сообщили о начале войны.

Тем временем обстановка вокруг Сирии накалялась. Турецкие войска подтягивались к границе. Участились приграничные инциденты. Пресса Анкары постоянно публиковала провокационные материалы о «законных претензиях» на часть Сирийской территории. В турецкие порты заходили американские военные корабли. НАТО готовилось начать свои учения в Восточном Средиземноморье и на территории Турции.

Советский Союз тоже не остался безучастным к натовскому бряцанию оружием у своих южных границ. Он развернул крупные маневры Кавказского военного округа.

В Анкару срочно с официальным визитом прибыл заместитель госсекретаря США Гендерсон. И надо же такому случиться, в турецких газетах появилась странная информация: у Гендерсона якобы пропал портфель с документами. Догадайтесь, кто в этом виноват? Конечно же, «русские шпионы».

Дабы подтвердить злостные намерения «шпионов», полиция устроила провокацию и, несмотря на дипломатический иммунитет, арестовала двух помощников военно-морского атташе, а также переводчика и шофера. Всю ночь Медведко звонил в полицейский участок, но ему отвечали, что идет разбирательство, выясняются причины подлинных намерений советских военных дипломатов.

Утром сотрудников атташата выпустили, но турецкие газеты уже пестрели сообщениями о шпионаже русских. В посольство поступила нота МИД: помощники были объявлены персонами «нон-грата» и вскоре покинули страну.

— Ну что, Леонид, ты теперь и швец, и жнец. — усмехнулся генерал Иванов, имея ввиду, что он остался едва ли не единственным сотрудником атташата, выполняющим протокольные функции.

— Нам с тобой и завершать операцию.

Дело в том, что Центр поставил перед стамбульской резидентурой задачу: добыть крупномасштабные карты турецкой территории. Через знакомых удалось выйти на военного врача-стоматолога, который был в оппозиции к действующему режиму. Он, разумеется, преследовал свои цели и надеялся на помощь советских. У разведчиков — свои интересы.

На приеме у этого врача уже перебивали сам Иванов, его супруга, Медведко с женой. Когда речь заходила о картах, врач сердился, отмахивался, всем своим видом показывая, что добыть их не проблема. Наконец, он согласился это сделать.

*«Меня вызывает Иванов, — вспоминает Медведко. — Я понимаю, что требуется, и предлагаю: «Михаил Иванович, мое пребывание в Турции*

закончилось, если вы подстрахуете, я пойду. Даем врачу адрес тайника, он делает закладку, а я заберу карты».

На том и порешили. Приходим на встречу с медиком, спрашиваем: «Достал карты?» «Достал». «Положил в тайник?» «Нет». «Почему?» Отвечает: «Я же турецкий офицер, полковник. Что же мне лазать по всяким дырам. Это ваши штучки. Вот вам жетон, идите в камеру хранения на морском вокзале и заберите четыреста карт в мешке». Вот так поворот! Как гром среди ясного неба! А если это подстава? Ведь только что четверых выслали».

Генерал Иванов долго думал, мучился, но делать нечего, надо идти. Спрашивает Медведко:

— Леонид, ты готов?

— Готов.

— Мы тебя высадим у камер хранения и подстрахуем.

Леонид Иванович как-то в беседе признался, что единственный раз в жизни с ним случилось такое: пока дошел до камеры хранения был весь мокрый, словно из парилки. Не помня себя, он предъявил служащему жетон и ему без проблем выдали заветный мешок. Мешок секретных карт! Идет и ждет: вот схватят, вот арестуют!

К счастью, все обошлось. В коридоре его встретил Иванов, забрал мешок и погрузил в машину. Быстро приехали в консульство, распаковывали мешок, и на столе — гора карт! Агент не подвел.

Генерал Иванов доложил в Центр, отправил карты. Москва долго молчала, потом сообщила, что Иванову и Медведко объявлена благодарность, и они награждены денежной премией.

А вскоре пришел приказ: командировка капитана Медведко в Турцию завершена. Сопровождал Леонида в Москву сам вице-консул Иванов. Он опасался очередной провокации со стороны местных властей. Так они вместе и прибыли на родину.

## Билет в Дамаск

По возвращению в Москву Медведко написал рапорт. Просил направить для обучения в Военно-дипломатическую академию. Руководство управления не возражало. Действительно, все, казалось бы, логично, Леониду предстояло и дальше служить в военной разведке, а у него ни военного, ни специального образования. Однако жизнь порой делает такие повороты, которые вряд ли укладываются в ложе логических законов. Вот и на этот раз он благополучно прошел экзаменационные пороги и, когда казалось, цель была так близка, и Леонид уже мысленно представлял себя слушателем академии, на его пути возникла фигура генерал-полковника Хаджи Мамсурова. Участник войны в Испании, легендарный майор Ксанти, Герой Советского Союза, первый заместитель начальника ГРУ. На беду Медведко он возглавил приемную комиссию.

— Товарищ капитан! — Мамсуров сурово смотрел на Леонида. — Академия дает высшее военное образование! Понимаете, высшее!

— Понимаю. И хочу его получить.

— Хотения тут мало. У вас же, по сути, нулевое военное образование. Как же вы в академии учиться будете?

— Но тогда получается замкнутый круг, товарищ генерал-полковник.

Мамсуров поморщился и отпустил капитана. Медведко в академию не приняли. Правда, в управлении успокоили: подожди годик, примут. Так оно, собственно, и получилось. Он поработал в Центре подготовки нелегалов, рассказывал им о Турции, обычаях этой страны, языке, а весной сделал вторую попытку поступить в академию. Его приняли.

Хотел попасть в англоязычную группу, но не тут-то было. Нет уж, дорогой, сказали ему, будешь учить арабский язык. Что ж, человек он военный, арабский, так арабский. Впрочем, вскоре Леонид и сам понял правильность выбора его педагогов.

Академические годы были нелегкими. В квартире, которую выделило ГРУ, жили три семьи — в комнате по семье. У Леонида двое маленьких детей. Утром он укутывал их в шинель, и вез через всю Москву в детский садик при академии. Сам бежал на занятия: арабский язык, страноведение, оперативная техника, физическая подготовка, философия, политэкономия и, конечно же, специальная оперативная подготовка. «Наружка» из курсантов Высшей школы КГБ висит на хвосте, а ты «чешешь» по маршруту, пытаешься оторваться, выйти к тайнику незамеченным, сделать

закладку.

Итак на протяжении трех лет. А когда обучение было завершено, встал вопрос: куда отправить Медведко? Оказывается, в родном 4-м управлении уже присмотрели ему будущее место службы. Заканчивался срок командировки в Сирии Валерия Торгунакова, который работал там под крышей отделения ТАСС. Медведко предстояло сменить своего коллегу.

Ю. Тыссовский, востоковед, работник ТАСС, так вспоминает о приходе Медведко в агентство: *«Нечего скрывать, ТАСС часто был и «крышей» для прикомандированных к нему работников разных специальных служб и ведомств, которых мы называли «чужаками» или «соседями». Поэтому время от времени в редакции появлялся очередной новый человек, который застенчиво сообщал нам, что перевелся в ТАСС из неведомого «издательства словарей» или чего-то в этом роде. Мы между собой таких и называли «словарями». Но в большинстве своем это были специалисты с прекрасной подготовкой — и страноведческой, и языковой. Однако журналистских навыков у них явно не хватало. Этот недостаток в той или иной мере, в зависимости от способностей человека, преодолевался достаточно успешно во время стажировки в редакции.*

*Среди них особо выделялся хорошим знанием языков и литературы Леонид Медведко. Когда он уехал за границу, мы стали называть его «нашим человеком в Дамаске».*

Однако прежде чем оказаться за границей, Леонид Иванович споткнулся, что называется, на самом пороге. Правда, не по своей вине.

Билет в Дамаск он взял на 8 марта 1963 года, но в этот день в Сирии произошел военный переворот. Он еще не подозревал, что это своего рода знак судьбы — все последующее пятилетие пребывания Медведко в этой стране пройдет в бурлящем потоке событий: борениях, переворотах, революциях.

Но тогда, оставив семью в Москве, Леонид вылетел в Дамаск на два дня позже.

В столице Сирии еще был комендантский час, и местные газеты утверждали, что на сей раз это не переворот, а «Великая революция».

*«Она свершилась под лозунгом Парии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), — напишет позже Медведко. -Единство, свобода, социализм. Эти слова рефреном звучали ежедневно в течение всего моего пребывания в стране. Правда, за последующие семь лет предпринималось еще несколько попыток всякого рода переворотов и революций.*

*Среди журналистов даже ходила шутка: общее число переворотов в стране определяется по формуле «N-1», где «N» означала общее число*

*переворотов, но без последнего, который всегда объявлялся революцией».*

Вот в такой обстановке и пришлось начинать свою работу оперативному офицеру Дамасской резидентуры, корреспонденту ТАСС Леониду Медведко. Это была уже вторая командировка и, разумеется, руководитель разведаппарата, даив Центре, ждал от него активной работы.

Одного из агентов на связь ему передал предшественник Торгунаков. Им оказался депутат парламента. Он прекрасно знал обстановку в стране, расклад сил, подводные камни сирийской политики. И, конечно, поставлял весьма ценную информацию.

Второй агент был уже в разработке, и его, что называется, следовало «довести до ума». Что Леонид Иванович и сделал.

Медведко не надеялся только на свою даже весьма информированную агентуру. Он сам старался, пользуясь весьма влиятельной «крышей» советского телеграфного агентства, добыть развединформацию, что называется, из первых рук.

Вместе с редактором «Правды» Игорем Беляевым, который побывал в Дамаске, Медведко взял интервью у основателя партии «Баас» Мишеля Афляка. Тот принял журналистов у себя дома.

Еще в Москве Леонид встречался с Ахмедом Шукейри, который возглавлял Организацию освобождения Палестины (ООП). А уже в Сирии впервые услышал имя преемника Шукейри Аббу Аммара, впоследствии более известного как Ясир Арафат.

Однако умы советских военных разведчиков занимала не только Сирия. Как-то, пользуясь случаем, во время встречи «с генералами советской журналистики» главным редактором «Известий» Алексеем Аджубеем и генеральным директором ТАСС Дмитрием Горюновым, которые совершали средиземноморский круиз, Леонид Медведко и его коллега-«известинец» Константин Вишневецкий обратились с просьбой разрешить им побывать в Иордании и встретиться с королем Хусейном. Ведь в ту пору у Советского Союза с этой страной не было дипломатических отношений, и очень хотелось первыми проложить эту тропинку между нашими странами. «Генералы» дали «добро».

Откровенно говоря, это была незабываемая встреча. Вот как о ней вспоминает сам Медведко. *«В конце июня 1963 года мы оказались в гостях у самого короля Хашимистского королевства Иордания Хусейна Бен Таалала.*

*Его величество не скрывал своей заинтересованности использовать пребывание на Святой земле первых за последние годы советских гостей, представлявших, по его словам, могущественный ТАСС и*

правительственную газету «Известия» для продвижения-установления дипломатических отношений между нашими странами. Кстати, оно и состоялось через несколько месяцев после нашего визита. Мы, со своей стороны, чья профессия обязывала как можно больше узнать о королевстве и короле, с которым нас свела судьба, как говорится, живьем, пытались вызвать монарха на откровенный разговор по многим проблемам.

*Любопытство наше во многом было удовлетворено. Мы имели три довольно продолжительные беседы».*

Достаточно сказать, что итогами командировки в Иорданию осталось довольны как советское телеграфное агентство, так и советская военная разведка.

Но не только встречи в королевских покоях сопровождали в Сирии Леонида Медведко. Чаше это была кипящая революционными страстями улица с ее непредсказуемостью и таящимися опасностями. А ему и как разведчику, и как журналисту надо было знать истинное положение вещей. Чтобы сегодня же по возвращению в корпункт написать сообщение в ТАСС и отправить шифротелеграмму в Центр.

*«Далекие 60-е годы... Леонид Медведко — корреспондент ТАСС в Дамаске, я — корреспондент «Правды» в Каире, — вспоминает Евгений Максимович Примаков. — В Сирии 23 февраля 1966 года произошел кровавый переворот.*

*...Леонид из окна своего офиса, да еще стоя на приставной лестнице, чтобы лучше видеть сверху, фотографировал бой на улице, и один из разгоряченных участников боя выпустил по нему автоматную очередь. Слава богу, его не задело. Он славился среди нас, корреспондентов, освещающих события на Ближнем Востоке тем, что всегда владел информацией, позволяющей разобраться в бурных событиях, захлестнувших регион».*

Еще бы, ведь руководитель разведаппарата и Центр требовали точных и трезвых оценок действительности. И Медведко старался не ошибаться. Одним из первых он узнал о нанесении авиационных ударов по Сирии израильскими ВВС утром 5 июня 1967 года. Начиналась так называемая «шестидневная война».

В тот день посол Анатолий Барковский собирался провожать в Москву министра обороны Хафеза Асада. Освещать этот отлет предстояло Медведко.

Но визит не состоялся. У Асада теперь были другие заботы.

Израильская авиация нанесла массированные авиационные удары по

базам ВВС и аэродромам Египта, позициям ПВО, переправам через Суэцкий канал. На земле бронетанковые войска, заранее сосредоточенные у египетской границы, перешли линию перемирия и совершили бросок по Синайскому полуострову в сторону Суэцкого канала. Позже такие же боевые действия были предприняты и против Сирии.

В ходе войны израильская армия нанесла тяжелое поражение Египту, Сирии, Иордании. Израильцы оккупировали Синайский полуостров, сектор Газа, Голанские высоты и Западный берег реки Иордан.

Советскому Союзу стоило больших усилий остановить войну. Москва пошла на беспрецедентный шаг: по прямому проводу связи до руководства США была доведена информация, если Израиль не прекратит действия, СССР не остановится перед принятием мер военного характера. После этого Израиль прекратил огонь.

Так что Медведко пришлось пережить не только несколько «революций», но и войну.

Накануне завершения командировки в Сирии Леониду Ивановичу посчастливилось вновь встретиться с королем Иордании Хусейном, а потом с палестинским лидером Ясиром Арафатом.

В 1968 году Медведко возвратился в Москву.

Его встречей с Арафатом заинтересовался начальник Главного разведывательного управления генерал Петр Ивашутин. Откровенно говоря, не часто приходится обычному оперативному офицеру общаться с руководителем военной разведки. У него начальников, начиная с «участкового», который курирует соответствующий регион, и до первого заместителя начальника ГРУ, добрый десяток. Так что было кому доложить. И Леонид Иванович, разумеется, докладывал. Видимо, его доклад дошел и до «Петра Великого», как называли своего шефа военные разведчики, и тот решил все узнать из первых уст.

Генерал Ивашутин умел слушать. Внимательно выслушал и Медведко. Особенно заинтересовал его рассказ о первом боевом крещении палестинцев в долине Иордана, под Караме. После этого он уточнил:

— Как вы думаете, надо нам начинать снабжать оружием палестинцев?

Вопрос был непростой, весьма щекотливый. Но Леонид Иванович ответил откровенно:

— Полгода назад это было бы кстати. А вот теперь у меня есть сомнения.

— Почему?

— Как бы это оружие арабы не направили против самих арабов в той

же Иордании, а потом и в Ливане.

Судя по всему, мнение Медведко заинтересовало шефа военной разведки. Он задумался, с интересом глядя на своего собеседника. Тогда Леонид Иванович еще не знал, что через несколько лет ему придется часто встречаться с генералом Ивашутиным и докладывать ему.

## На «умной службе»

За спиной у него уже был солидный опыт работы за границей, в Турции и в Сирии, его знали в журналистских кругах международников, он владел тремя иностранными языками. Друзья, однокашники по институту востоковедения предложили его кандидатуру главному редактору «Правды» Михаилу Васильевичу Зимянину. Тот согласился. Разумеется, все было согласовано с ГРУ. Начальники в погонах не возражали.

Что и говорить, «крыша» была более чем серьезная. Газета номер один в Советском Союзе. Засиживаться в редакции особенно не приходилось. Как-то его вызвал к себе «Михвас», так звали между собой в коллективе главного редактора Зимянина.

— Поедешь с делегацией журналистов в Ирак, — сказал он, — Кроме тебя иракского языка никто не знает. Так что будешь разбираться сам, кого любят курды и баасисты.

Приглашение было от главного редактора газеты «Ас-Саура» — органа партии «Баас» Тарика Азиза. Впоследствии, при Саддаме Хусейне, он станет вторым человеком в Ираке.

В ходе поездки предложили встретиться также с курдскими руководителями в Киркуке и Эрбиле. Однако Мустафа Барзани несколько раз менял место встречи и время, и она по каким-то непонятным причинам не состоялась. Впрочем, и без Барзани накопилось достаточно информации, чтобы выступить в «Правде», а также доложить в Центр, что в Ираке набирает силу партия «Баас», а страной фактически правит Саддам Хусейн.

Казалось бы, информация проверенная, что называется, из первых рук, и в Главном разведуправлении должны быть довольны. Но, увы, некоторым начальникам «крышевая» активность Медведко совсем не нравилась. Особенно невзлюбил Леонида Ивановича начальник политотдела ГРУ генерал-лейтенант Григорий Долин. Для него, как и для любого другого политотдельца, газета ЦК КПСС «Правда» была одной из вершин на сияющем партийном небосклоне. А тут вдруг какой-то «крышевик» из 4-го управления, майор Медведко регулярно выступает со своими статьями, да еще и высказывает свое мнение по вопросам мировой политики в популярной передаче центрального телевидения «Международная панорама».

Долин очень ревниво следил за творчеством Леонида Ивановича. Случалось, не мог сдержаться, чтобы не подставить ножку. В 1972 году

Медведко стал кандидатом исторических наук, а в 1984- доктором. Тему его диссертации утвердил лично начальник Генштаба. Маршал Огарков, и защищался он в Институте военной истории. Так что Долин тут помешать не мог, но все-таки он позвонил начальнику института и сказал: имейте ввиду, в ГРУ идет расследование, не использовал ли Медведко в своей книге «К востоку и западу от Суэца», вышедшей накануне, служебные материалы, присланные из резидентур.

Разумеется, никаких документов Леонид Иванович не использовал. У него и собственных материалов вполне было достаточно. Впрочем, все это будет потом. А пока Медведко трудился под крышей «Правды».

В 1973 году его назначат старшим офицером первой смены командного пункта ГРУ. В книге «Восток — дело близкое, Иерусалим — святое» главу, рассказывающую об этом важнейшем органе военной разведки, Леонид Иванович назовет весьма изобретательно: «Умная служба на службе у недоуменных верхов».

Ветеран ГРУ Владимир Онищенко, работавший под руководством Медведко, так вспоминает о тех годах: *«Становление “умной службы” ГРУ Генштаба со всей ее разветвленной информационно-аналитической индустрией пришлось как раз на 70-е годы прошлого столетия... Развитие ее шло по многим направлениям. Для этого создавались отраслевые информационные управления, специальные службы и отделы, оснащенные современными техническими средствами.*

*Постоянное внимание уделялось также формированию небольшой по численности структуры офицеров-аналитиков Информационной службы ГРУ. Туда отбирались специалисты высокого класса, имевшие до этого опыт работы в различных органах военной разведки и обязательно обладавшие творческими и аналитическими способностями. Особое место в этой системе стало отводиться в 1970-х годах командному пункту ГРУ. Силами его четырех дежурных смен в круглосуточном режиме для доклада наверх, а точнее, в Политбюро ЦК КПСС и военно-политическому руководству, обрабатывался большой поток поступавшей со всего мира информации, особенно из «горячих точек» планеты.*

*Предыдущий опыт работы Леонида Медведко, военного и литературного переводчика, корреспондента ТАСС, а в последующем обозревателя «Правды», автора ряда научно-популярных книг и степенного востоковеда, здесь оказался особенно востребованным. Этому не просто ремеслу и одновременно науке нас, молодых офицеров, терпеливо учил Леонид Иванович — наш начальник и наставник».*

Однако Медведко, разумеется, не сразу стал начальником смены КП.

Сначала он сам набирался опыта. Тут ведь тоже была своя специфика. Поначалу справки по обстановке в «горячих точках» готовили только Министру обороны. Но как-то одну из них маршал Гречко показал Генсеку Брежневу. Она понравилась Леониду Ильичу своей ясностью и четкостью, и, конечно же, краткостью. Брежнев попросил присылать ему справки в будние дни, и даже в выходные и праздники. Такой порядок оставался и при следующих Генсеках — Андропове, Черненко, Горбачеве.

Важно подчеркнуть, что на КП также была создана оперативно-аналитическая группа. В эту группу, как свидетельствует сам Медведко, «народ подбирался, в основном, из тертых калачей».

Начальник ГРУ генерал Ивашутин приезжал на службу рано и уезжал достаточно поздно. Начальник смены КП докладывал ему о важнейших событиях. Случалось, что поднимал руководителя и поздно ночью, в особенности, когда сообщал о начале войны, вспыхнувшей в той или иной точке Земли. А уж полковнику Медведко на войны «везло». Трудно сказать, почему, но большинство их выпадало именно на его дежурство. Начало боевых действий в Сомали, Эритрее, в Ливане, Бангладеш, в Ираке и Иране озвучивать приходилось именно ему. Как правило, тут же следовал приказ срочно подготовить справку, указав в ней силы воюющих сторон, а также прогноз — сколько продлится это противостояние. Леонид Иванович и через много лет с гордостью вспоминает, что в оценке продолжительности войны в Бангладеш он не ошибся. Она шла две недели, Ирано-иракская война, считал Медведко, продлится не один год и вряд ли завершится победой какой-либо из сторон.

Случалось, что Ивашутин приказывал доложить о том или ином событии напрямую начальнику Генерального штаба. И Медведко звонил маршалу Агаркову.

Командный пункт ГРУ и аналитическая группа старались всегда идти в ногу со временем. Так, в 70-е годы, когда в Советской Армии шло бурное техническое перевооружение, внедрялись передовые технологии, было решено включать в документы, которые готовили офицеры КП, материалы о военно-технических новинках. Признаться, начальников обуревали сомнения. В руководстве партии и страны тогда находились люди весьма солидных возрастов, естественно, возникал вопрос: смогут ли они осилить военно-техническую тематику?

Оказалось, зря сомневались. Брежнев, прочитав сообщение о развитии в США стратегических систем управления в вооруженных силах, задал Устинову вполне резонный вопрос: «А как обстоит с этим у нас?» Так что КП ГРУ и аналитики военной разведки умело поставляли ценные знания и

передовые идеи в «верхние эшелоны власти».

30 лет прослужил полковник Леонид Медведко на командном пункте ГРУ.

Все эти годы он не просто работал, но передавал богатый и во многом уникальный опыт, воспитывал молодых офицеров. Достаточно сказать, что четверо его заместителей стали генералами.

Один из них, Владимир Онищенко, так здорово сказал о своем бывшем начальнике — полковнике Медведко, что я решил этот очерк закончить его прекрасными словами: *«Продолжая встречаться с Леонидом Ивановичем, я убеждаюсь, что он, судя по всему, ни в запас, ни в отставку уходит не собирается. Наверное, такого склада люди приходят в «умную службу» без плаща и кинжала, раз и на всю жизнь. Теперь я окончательно уверен, что он из нее и не уходил».*

## Швейцарский «бумеранг»

*Первый день войны Валерка Калинин встретил в пионерском лагере под Ленинградом. день как день. Ничем особенным не запомнился. Летний, теплый, беззаботный. Слово «война» ему, четырнадцатилетнему пареньку, ровным счетом ничего не говорило. разве что неожиданно закрылся пионерлагерь, да детей отправили в город.*

В городе тоже как прежде — сонно и тихо. В пустой квартире Валерка бродил из угла в угол, не зная чем заняться. Мать с младшим братишкой уехали к родственникам в Магнитогорск, отец допоздна на работе.

Дом их стоял в самом центре Питера, на бывшей Почтамтской, теперь улица Союза связи. Если выбежать из подъезда, через несколько минут ты уже на площади Исаакиевского собора, у Медного всадника. Рукой подать до набережной Невы, до Адмиралтейства. Школа, где учился Валерка, располагалась как раз напротив Мариинского театра, а во дворе консерватории, что по-соседству, они с мальчишками играли в лапту.

Однако долго гонять в лапту не пришлось. Как-то вечером, придя с работы, отец устало сказал:

- Собирайся Валерка, завтра в дорогу.
- Это куда?
- В Магнитогорск, к матери.

Валерка ничего не понимал. Зачем ему ехать в какой-то далекий, неведомый Магнитогорск? Он знал: там живет его бабушка, тетя. Но здесь у него школа, друзья. Скоро вернутся мама со Стасиком. Он ждал, что папа все объяснит. Но отец в последние дни был угрюм и скуп на слова. Сказал только, что сформирован эшелон с эвакуированными из Питера и его знакомый присмотрит за Валеркой в дороге. А в Магнитогорске его встретит мама.

Валерка хотел что-то возразить, но отец только вздохнул:

- Делай, как я сказал. Потом все поймешь. Война, сынок.

Правоту отцовских слов он испытал уже на следующий день. Эшелон едва успел выехать за город, как от страшного воя немецких бомбардировщиков раскололось небо над головой, и народ с криком и плачем бросился из вагонов. Валерка помнит, как лежал в придорожных кустах, закрывая голову руками.

А самолеты все пикировали на эшелон. Когда они улетели, стало тихо-тихо, и только потом в эту тишь начали вплетаться приглушенные всхлипы

женщин, плачь детей, какие-то далекие и непонятные команды, гудок тепловоза.

К счастью, вагоны оказались целы хоть и пробиты пулями, осколками, и уже через полчаса, погрузившись в них, эвакуированные продолжили путь.

Забравшись на верхнюю полку, Валерка долго смотрел в окно. Мелькали перелески, деревни, реки. Но он не замечал их. Он думал о своем. Кажется, теперь только понял, что означает еще недавно ничего не значащее слово «война». Хотя Валерка и предположить не мог, это только самое начало тяжкого, долгого, четырехлетнего пути. И на этом пути война у него будет своя, мальчишеская, юношеская. Она не будет свистеть пулями у виска. Но встретит голодом, уральскими лютыми морозами, заводским выстуженным цехом, пайкой стылого хлеба.

Но пока ничего этого не знал питерский подросток Валерка Калинин. Он побывал под первой в своей жизни бомбежкой, остался жив и ехал в далекий Магнитогорск к матери и маленькому брату.

Маршрут эшелона пролегал из Ленинграда через Свердловск, Челябинск и дальше на Магнитогорск. Много чего нагляделся за долгое путешествие Валерка. Но запомнилось главное — доброта людская, забота местных властей об эвакуированных. На всем пути следования эшелон, как правило, подавали к первой платформе. На перроне были развернуты полевые кухни, расставлены столы. Можно было поесть горячей пищи, покормить детей. И снова в дорогу.

Так он добрался до Магнитогорска. Их большая семья — бабушка по материнской линии, старшая сестра мамы, ее муж и они втроем — жила в двух маленьких комнатках. Валерка пошел в шестой класс.

Тяжело было с питанием. Голодно. Мама работать не могла, брату Стасику едва исполнилось четыре года. Это значит, что они могли рассчитывать только на так называемую иждивенческую карточку, которая оказалась крайне скудной.

Ранним утром, зимой, ходили Валерка с мамой к ресторану «Атач», выстаивали на морозе длинные очереди, чтобы купить несколько бутербродов. Но этого не хватало. Ситуация с продуктами становилась все сложнее. Посоветовавшись с мамой, он решил идти на работу, на завод. С 8 до 14 часов смена в цеху, а с 16 до 22 уроки в школе.

Это давало ему право получать рабочую карточку, по которой выдавали 800 граммов хлеба.

Устроиться удалось на сеточный завод. Предприятие изготавливало сетку, которая использовалась в приборах для танков, самолетов,

автотранспорта. Взяли поначалу в грузчики, потом перевели на должность электрика.

Зима 1941 выдалась в Магнитогорске лютой. Морозы за 30 градусов. А он приехал из Питера в легкой курточке, в летних брюках. Думал, в Магнитогорск ненадолго. К осени в Ленинград надеялся вернуться. Да вот не рассчитал.

Трудно сказать, сколько бы он протянул на морозе в своей одежонке, если бы на счастье — столкнулся в цеху с главным инженером завода. Тот удивился, глядя на мальчонку:

— Ты же замерзнешь.

Валерка только пожал плечами. Главный инженер подозвал кого-то из стоявших рядом и приказал:

— Отведи мальчика на склад, скажи, чтоб выдали ему фуфайку и ватные штаны.

Получив новое обмундирование, Валерка был счастлив. Трудился он добросовестно, а когда получил первую рабочую продовольственную карточку, мама сказала ему:

— Теперь ты настоящий рабочий, иди и сам получай хлеб. Радостный, зажав в руке талоны, Валерка бросился в пункт раздачи. Получил. И так хотел есть, что пока шел домой по крошечке, по кусочку отламывал от хлебной пайки. Опомнился уже у ворот дома. От 800 граммов не осталось ничего.

Что теперь делать? Чем кормить маму, младшего брата?

Переступив порог квартиры, он бросился к маме просить прощения, но та и сама все поняла. Она обняла сына и в ее глазах заблестели слезы.

Этой же зимой ослабленный Валеркин организм дал сбой — он тяжело заболел. Несколько дней держалась высокая температура. Помогла соседка по квартире. Она работала в госпитале и втихую приносила заболевшему мальчишке лекарства. Позже мама признается, болезнь так накатила, что у нее бывали минуты отчаяния и она порой теряла надежду на выздоровление сына.

Но Валерка победил, болезнь отступила. А там и спасительная весна подоспела. Теперь они с мамой ходили на колхозное поле, собирали оставшуюся с осени мерзлую картошку, перекручивали ее в мясорубке и делали котлеты. И еще долгое время Валерка мечтал ни о конфетах или пирожных, а о простой печеной картошке.

Однако время шло, и весной 1943 года Валерка стал задумываться над своей дальнейшей судьбой. Вскоре он заканчивал седьмой класс. Надо было определяться. На заводе ему предлагали поступить в ФЗУ, получить

рабочую профессию. Но он мечтал о море. С детства хотел стать моряком. И вот однажды мама нашла в местной газете объявление: «Ленинградская военно-морская специальная средняя школа объявляет набор учащихся». У Валерки замерло сердце: «Ленинградская... военно-морская.»

Внизу стоял адрес школы: город Тара Омской области. Это потом, позже он узнает, что Тара — старинный русский город, с более чем 300-летней историей. Расположен в устье одноименной реки, впадающей в Иртыш. Долгие годы был форпостом русских владений в Сибири.

В царском наказе князю Андрею Елецкому говорилось: «... Итти город ставить вверх Иртыша на Тару-реку, где бы государю было впредь прибыльнее, чтобы пашню завести и Кучума-царя истеснить и соль устроить.»

И пошли, и основали город. Именно сюда в начале войны была эвакуирована Ленинградская спецшкола. Валерий написал письмо: хочу стать курсантом вашей школы.

Осенью из Тары пришел вызов. Мама собрала в дорогу его нехитрые пожитки, родственники дали немного денег, и он отправился в путь.

## «Дорогой товарищ Сталин...»

На дворе уже стоял октябрь. Валерий с пересадкой добрался до Омска. А оттуда одна дорога — по реке. Да вот незадача, к тому времени на Иртыше уже закончилась навигация. Он метался по речному вокзалу, выяснял, каким можно добраться до Тары, но все лишь разводили руками: опоздал же парходом, сынок. К счастью, кто-то подсказал, что через несколько дней вниз по течению пойдет еще один, последний буксир с баржей. Проситесь, может, и возьмут вас.

Их уже было двое. Валерий здесь же на пристани встретил товарища, такого же, как и он, мальчишку, который ехал в ту же спецшколу.

Дни до отхода буксира они провели на железнодорожном вокзале. А потом уговорили капитана буксира взять их с собой. Глядя на них, маленьких, оборванных, голодных, капитан сглотнул застрявший в горле комок.

— Ну что ж, ребята, привыкайте к морской жизни. Удобств у нас нет. Вот прачечная, которая не работает, это и будет ваша каюта. Согласны?

«Каюта» была два метра в длину и метр в ширину. Но выбирать не приходилось. Разумеется, они с радостью согласились.

До Тары шли несколько дней. Команда и пассажиры буксира, как могли, подкармливали мальчишек. И вот, наконец, они добрались до пункта назначения.

Их приняли в школе, разместили, обули, одели. Правда, пока не в морскую форму, а обычную армейскую — бушлаты, шапки. В такой форме ходили восьмиклассники. А вот девятый класс уже щеголял в морских клешах, форменных рубашках и тельняшках. В казарме Валерке и его товарищу определили кровать, в столовой — трехразовое питание. Преподаватели вели математику, литературу, географию, историю и даже английский язык. Словом, можно было жить и учиться. Шла война, однако и тогда страна думала о своем будущем.

Восьмой класс спецшколы Валерий Калинин окончил в Таре. А летом 1944 пришла команда: Ленинградскую военно-морскую спецшколу вернуть на родину, в Питер. Там на базе двух школ — Московской и Ленинградской — создали военно-морское подготовительное училище.

В июле с первой группой курсантов, которые должны были подготовить возвращение и размещение всех воспитанников школы, Калинин приехал в Ленинград.

При подъезде к городу все прильнули к окнам вагонов. Вдоль железнодорожной насыпи вместо деревьев — обугленные, изрубленные осколками и пулями стволы, воронки от бомб, заполненные водой. На местах деревьев — почерневшие печные трубы. Все это говорило о жесточайших боях.

Прибывших курсантов отправили в баню, переодели в военноморскую форму. Первый завтрак в столовой всех ошеломил. На столах — сахар, масло, белый хлеб. Они давно забыли, что существуют такие продукты.

А вскоре начались занятия. Преподавателями в училище служили боевые морские офицеры, которые по ранению ли, контузии не могли воевать во флоте. Начальником их курса был капитан-лейтенант, командир морского охотника. Катер атаковали немецкие «Мессеры», он получил тяжелейшую рану в спину. Поддерживаемый матросами, время от времени теряя сознание, капитан довел свой охотник до базы.

Возглавлял училище капитан I ранга Авраамов, в прошлом офицер Российского императорского флота. Он пришел в Ленинград с легендарных Соловков, где командовал школой юнг.

Однако учеба учебой, но очень хотелось в город, в увольнение — увидеть родителей, брата. И вот пришел этот час — их отпустили в первое увольнение.

Курсант Калинин шел по родному городу и не узнавал его. До войны оживленный, теперь он был немногочисленным, в кассы кинотеатров нет очередей, городские трамваи ходят с большим интервалом.

К счастью, дом в котором они жили, не пострадал, но здание напротив полностью сгорело и зияло черными от копоти глазницами окон. Некоторые руины были закрыты большими щитами из фанеры, а вот рухнувший дом рядом с музеем связи еще не успели закрыть.

Однако жизнь в городе быстро налаживалась. И ко времени окончания подготовительного училища в 1946 году Валерий замечал, что его родной Ленинград во многом обрел довоенный облик.

А ему в очередной раз предстояло покинуть Ленинград: получил назначение для продолжения учебы в Каспийское высшее военноморское училище. Оно располагалось в Баку.

Четыре курсантских года — прекрасное время. Несмотря на трудность послевоенного периода, училище обладало всем необходимым для жизни, службы и обучения будущих морских офицеров. В десятке километров от Баку располагался их учебный городок: спальные и учебные корпуса, столовая, плац, спортгородок, бассейн, плавбаза для катеров и шлюпок

училища.

Морские, специальные и общеобразовательные предметы преподавали опытные офицеры, подавляющее большинство из которых воевало на флоте.

Летом после окончания первого курса гардемарины проходили практику на боевых кораблях Каспийской военной флотилии, на старших курсах — на кораблях Черноморского флота.

Курсант Калинин не был отличником, но учился хорошо. Занимался спортом, боксом, плаванием, любил ходить под парусом.

Уже тогда, в курсантские годы, в нем пробилось, проросло неведомо откуда чувство любознательности, желания не с ходу принимать на веру, а задумываться над сутью происходящего и анализировать события, факты. Сомневаться, спорить, проверять. На этой почве со временем выкристаллизуется стержень калининского характера — обостренное чувство справедливости.

Судя по всему, именно любознательность толкнула его раскопать на дальних полках библиотеки училища книгу воспоминаний генерала Деникина. Как она попала туда и как сохранилась, неизвестно. К тому времени вся белогвардейская литература была многократно вычищена с полок библиотек. А уж о военных училищах и говорить не приходилось. И тем не менее курсант Калинин раскопал эту книгу и взял ее почитать. Ничего не подозревающая библиотекарша вписала в карточку гардемарина мемуары генерала.

А через несколько дней заместитель командира по политчасти на курсантском собрании возмущенно говорил:

— Есть у нас курсанты, которые по марксизму-ленинизму едва тянут, а вот интересуются антисоветской литературой, читают мемуары лидеров белого движения.

Конечно, это была неправда. По марксизму-ленинизму Калинин тянул. Да еще как тянул. Иначе с него бы три шкуры спустили. Антисоветской литературой тоже не интересовался. Он был до мозга костей советским человеком. А вот Деникина хотелось почитать, любопытно. Как они жили, что думали, за какие идеалы воевали. Тут есть над чем поразмышлять. Вот оттого, видимо, замполиту и не понравилось его чтение.

Учеба в училище подходила к концу. Неожиданно на четвертом курсе Калинина на стажировку направили не на корабль, а в разведотдел Каспийской флотилии. Просидев там месяц, Валерий понял 3 дело труба. Он хотел попасть служить на подводную лодку, как минимум на надводный корабль, и на Северный флот. А тут — Каспийское «озеро», в лучшем

случае Черное море и посылая береговая служба. Хотя он заканчивал училище по первому разряду и имел право выбора.

Курсант Калинин обратился по команде к начальнику курса, потом к заместителю начальника училища. Его выслушали, но твердо дали понять: Север ему не светит. Что оставалось? Вот тогда и проявился калининский стержень. С ним поступали несправедливо, посчитал Валерий. И он решил не отступать. Сел и написал письмо самому товарищу Сталину.

До сих пор помнит его практически наизусть.

«Дорогой товарищ Сталин, — писал курсант Валерий Калинин. — Я заканчиваю военно-морское училище. Всю жизнь мечтал быть военным моряком, служить на подводных лодках. Но меня направляют на берег, в разведку. Мне бы очень этого не хотелось.

Я не прошу легкой службы. С удовольствием променяю курортное Черное море на суровый Северный флот, а берег на опасную профессию подводника.

Прошу рассмотреть мою просьбу и направить меня на Северный флот на подводные лодки».

Через две недели из Москвы в училище пришел ответ. Вместо Сталина письмо подписал военно-морской министр адмирал Юмашев. Дословно ответ адмирала Калинин не запомнил, но письмо было выдержанное, культурное и смысл его состоял в следующем: министр считал, что служить Калинин надо там, где прикажет Родина.

А Родина направила лейтенанта в разведотдел Черноморского флота. В сентябре 1950 года он туда и прибыл. Начальник отдела кадров знал о письме к Сталину и постарался успокоить Валерия Петровича.

— Вы желаете служить на корабле? У нас в разведке есть плавсредства, и при первой возможности мы учтем вашу просьбу.

Кадровик сдержал свое слово. Через несколько месяцев лейтенант Калинин получил назначение командиром малого разведывательного корабля.

## Как «утихомирить» дизель

Корабль — обычная рыбацкая шхуна водоизмещением 100 тонн с экипажем в десять человек носила вполне мирное и даже какое-то ласкательное название «Маныч». Но задачи у «Маныча» были сугубо военные, и даже чрезвычайно острые и опасные — скрытая высадка разведывательно-диверсионных групп, а также агентов через так называемую «голубую границу» (границу, проходящую по морю) на побережье противника.

Так, по сути, сбылась мечта Валерия Калинина. Конечно, «Маныч» не подводная лодка, и Черное море не Северный Ледовитый океан, но что ж теперь сожалеть да горевать. Главное, у него любимая служба, корабль, море, а не душный кабинет на берегу.

Молодой командир с головой ушел в работу. Тренировочные походы, учения с пограничниками, воспитание и обучение экипажа — день был насыщен настоящим делом, морской разведывательной службой.

Осенью, когда море уже нередко штормит, во время учений в Крыму Калинин и его экипаж получили приказ осуществить высадку на берег разведывательно-диверсионной группы. Диверсантам предстояло углубиться на территорию условного противника, выйти в назначенную точку, доложить о своем местонахождении в разведотдел флота и продолжать работу по ранее намеченному плану.

Казалось бы, и для корабля обычное стандартное задание — на максимально возможное расстояние подойти к берегу, спустить надувные лодки, погрузить в них разведчиков. Но, вмешалась погода. Уже с вечера море заштормило, а ко времени выхода «Маныча» шторм набрал силу в шесть баллов. В такую погоду не до высадки разведгруппы. Но начальник разведки Черноморского флота генерал-майор Дмитрий Намгаладзе «Маныч» не отозвал.

К счастью, ветер был с берега, осадка у шхуны незначительная и Калинин удалось-таки отправить разведгруппу на берег. Диверсанты успешно высадились, обманули бдительных пограничников, которые на этих учениях работали против флотских, и уже через час шифровка ушла в штаб флота. Говорят, генерал Намгаладзе с гордостью докладывал начальнику штаба флота: вот, мол, при такой штормовой волне сумели высадить на берег разведгруппу.

Трудно сказать, так ли обстояло дело или это просто флотская байка,

но лейтенант Калинин как командир корабля постоянно бывал у легендарного начальника разведки флота. Служба обязывала. Ведь на те же обычные увольнительные записки для матросов следовало поставить печать. На корабле своей печати не было, она только у генерала. Что ж, как говорят во флоте,

Валерий Петрович «гладил шнурки» и в штаб. В приемной обычно толпился флотский люд. Генерал был крут, по-грузински горяч, и потому, увидев Калинина, офицеры не раз просили лейтенанта: «Ты еще молодой, зайдешь, глянь, как там настроение у генерала». Заходил. А у генерала, как ни странно, всегда было хорошее настроение и доброе отношение к лейтенанту. Впрочем, говорят, далеко не всем везло.

Так вот возвратившись с тех самых «штормовых» учений, командир «Маныча» задумался. Хорошо, конечно, что их не «ущучили» пограницы. Непогода помогла, да и везение, конечно.

Шторм есть шторм, а если тихой ночью придется подходить к берегу? Да ведь его шхуну будет за пять верст слышно. Бум-бум, бум-бум. Дизель одним словом. Какая же тут скрытность?

Поделился своими сомнениями с другими офицерами. Те поглядели на него, как на чудака: «Ну, ты даешь, Валера, до тебя ходили на этом дизельке и после тебя ходить будут. Ничего тут не изменишь. Ты командир, а не конструктор кораблей. Вот пусть они и ломают голову».

Однако Калинин не согласился с коллегами. «Пока конструкторы ломают голову, мы ее вовсе сломать можем. И сами погибнем, и задачу не выполним», — решил он.

Что и говорить, рассуждал лейтенант правильно, только вот что дальше. Стал думать, как «утихомирить» дизель. И так прикидывал, и этак. Ничего не получалось. «Тихим» он мог стать только, когда молчал, то есть не работал. Но однажды ночью пришла разгадка. Он, конечно, не вскочил с кровати с криком «Эврика!», а засел за бумаги. Рисовал, чертил, измерял, высчитывал, однако вскоре понял: его знаний для перестройки корабля маловато. Собрал свои записи, чертеж и двинул в технический отдел флота. Там его внимательно выслушали и поддержали.

Вскоре «Маныч» имел две трубы — одна выходила наверх и «бухтела» на пять миль вокруг, а вторая была смонтирована таким образом, что выхлоп уходил ниже ватерлинии. Теперь при подходе к берегу «Маныч» «бухтел» в море. Так он стал самой «тихой» и скрытной посудиною разведотдела Черноморского флота.

На нем лейтенант Калинин прослужил полтора года. Летом 1953 его назначили командиром разведывательного корабля «Аргун». Тоже

переоборудованное рыболовецкое судно, но уже водоизмещением 500 тонн, с экипажем в 50 человек две трети из которых составляли специалисты радио- и радиотехнической разведки.

Здесь служба была иная. «Аргун» надолго уходил в море. «Слушали» главного противника — 6-й флот США. Работали также по Турции, как члену НАТО и союзнику Америки.

За одну из таких спецопераций командир разведывательного корабля «Аргун» старший лейтенант Калинин получил ценный и очень памятный подарок от командующего флотом — охотничье ружье.

А задача состояла в следующем — вскрыть систему турецких радиолокационных станций ближнего обнаружения.

Вышли ночью. Передвигались в нейтральных водах. Разумеется, на противоположном берегу включались радиолокационные станции. Но это были турецкие станции дальнего действия. Они «Аргун» не интересовали. В тоже время срабатывала соответствующая аппаратура на корабле, и «Аргун» ложился лево на борт, форсированно шел в сторону берега. Через некоторое время включались станции ближнего действия противника. А собственно этого и добивались наши моряки. Корабль вновь уходил в нейтральные воды.

Через некоторое время «Аргун» повторял свой маневр. Так всю ночь маневрировал он, то приближаясь к турецкому берегу, то уходя от него. Задачу свою экипаж выполнил, за что командир и получил столь достойную награду.

Однако самая сложная разведывательная операция у командира «Аргуна» была еще впереди. За эти годы у Валерия Калинина случалось всякое. Служба есть служба. Однажды в тумане едва не выскочил на Болгарский берег, и в рыбацких сетях застревал, но все, что произошло с ним «в походе на Зонгулдаг» не может даже близко сравниться с предыдущими самыми трудными и опасными заданиями.

Операция проводилась днем. На море штиль, видимость, как говорят моряки, «миллион на миллион». «Аргун» поднял пятизначный семафор по международному коду. Правда, даже самому опытному моряку вряд ли удалось бы разобраться в том, что семафорил корабль.

«Аргун» на полном ходу входит в территориальные воды Турции и следует курсом на Зонгулдаг. Операторы слушают эфир. Но тревоги нет, в радиосетях тишина.

На корабле в это время находятся несколько офицеров из штаба флота. Кто-то пытается подсказать командиру, мол, право на борт. Но Калинин пусть и старший лейтенант, но командир. Значит, только вперед!

Сегодня, спустя более чем полвека, капитан I ранга Валерий Петрович Калинин считает, что это была авантюра молодого командира корабля. Ведь навстречу ему могли выслать торпедные катера, поднять авиацию. А если бы заглох двигатель?.

Однако, когда я задаю вопрос, как с расстояния в 12 морских миль нейтральных вод сфотографировать турецкий берег, чтобы на нем разглядеть орудийные установки (а именно такая задача стояла перед командиром «Аргуна»), он не находит ответа. Выходит, Калинин нашел единственное решение в сложившейся обстановке, пусть и авантюрное.

...В приборы уже хорошо виден турецкий берег. На набережной прогуливаются люди. И вдруг двигатель корабля глохнет. «Аргун» по инерции идет в сторону турецкой базы.

Командир срочно вызывает механика на мостик.

— Что с двигателем?

— Да мы вот решили проверить.

— Ты видишь? — указал Калинин на приближающийся турецкий берег.

Механик взглянул вперед, побледнел и кубарем скатился вниз. В следующую минуту двигатель пытаются запустить. Несколько хлопков. и тишина. «Ху-ху — ху» и вновь тишина. И, наконец, с третьего раза машина «схватила». Сразу звучит команда: «Право на борт!» и «Аргун» уходит в сторону моря.

Вспоминая об этом случае, Валерий Петрович сказал: *«Знаете, мы все храбры, пока сидим в теплом и светлом кабинете, и рассказываем подчиненным, как смело надо себя вести в бою. А тут не бой, мирное время, но чужая натовская база впереди. И что будет, если тебя захватят?»*

*Я видел лица некоторых штабных офицеров. Вспоминать не хочется...»*

А фотографии турецкого берега получились отличные. Целый фотоальбом. Правда, на этот раз командира корабля «Аргун» старшего лейтенанта Валерия Калинина подарком не наградили. Но справедливости ради надо сказать, уже через несколько месяцев пригласили на беседу с представителем ГРУ, который приехал из Москвы. А летом следующего, 1954, года пришел вызов для сдачи экзаменов в Военно-дипломатическую академию. И это было самым большим подарком.

## Ни слова по-турецки

Экзамены Калинин сдал успешно. Его зачислили в группу с японским языком. Откровенно говоря, Валерий Петрович не готов был к такому повороту в судьбе. Как-то не видел он себя в Японии. Всю жизнь с рождения провел в европейской части и на Восток не стремился. Словом, не лежала душа. Другой бы и виду не подал. Главное, в академию поступил, а остальное, как говорят, стерпится — слюбится. Полюбил бы и Японию, ее язык, культуру. Как, впрочем, это происходило со многими.

Но Калинин осторожничать не стал. Посчитал, что лучше сразу разрубить этот гордиев узел. Хотя и понимал, последствия могут быть непредсказуемые. Дай волю — многие захотят работать в Риме, Париже, Лондоне, а кто поедет на Восток, в Африку? Все это понимал Валерий Петрович, тем не менее, к начальнику курса пошел.

А начальником курса у них был генерал Иван Алексеевич Суслопаров. Тот самый Суслопаров, военный атташе во Франции, резидент советской военной разведки. 21 июня он передаст в Москву сообщение Леопольда Треппера: «Командование вермахта закончило переброску своих войск на советскую границу, которые завтра, 22 июня 1941 года, внезапно нападут на Советский Союз.» Сталин оставил на этой телеграмме резолюцию: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его». Ни Треппера, ни Суслопарова наказать не успели: началась война.

В 1945 году Суслопаров, как представитель советских вооруженных сил при штабе Верховного Главнокомандующего союзными войсками во Франции генерала Д. Эйзенхауэра, поставит свою подпись на акте о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Через два дня акт о безоговорочной капитуляции от нашей страны подпишет маршал Георгий Константинович Жуков, а процедуру в Реймсе союзники договорятся считать предварительной.

Сталин не простит Суслопарову той подписи, и вскоре из генерал-лейтенанта Иван Алексеевич станет генерал-майором.

После войны Суслопарова назначат начальником курса Военнодипломатической академии.

И вот теперь первокурсник Валерий Калинин постучал в дверь его кабинета. Генерал принял слушателя, предложил присесть. Валерий Петрович сразу взял быка за рога.

— Товарищ генерал, я попал в группу с японским языком. Суслопаров кивнул: он сам отобрал Калинина в эту группу.

— Но мне не очень бы хотелось изучать японский язык.

— Почему? — удивился начальник курса.

— Мне же после окончания академии придется в Японию ехать?

— Разумеется.

— Но посмотрите, какой я большой, — Калинин для убедительности встал. — Во мне росту метр восемьдесят пять, а японцы-то маленькие. Как я буду с ними работать?

Суслопаров слушал молча и только улыбался. Когда «высотные» аргументы Калинина иссякли, генерал спросил:

— Стало быть, ты японский язык учить не хочешь? Я правильно понял?

— Так точно.

— А что хочешь?

Калинин замялся, но потом решил идти до конца.

— Мне кажется, я немножко похож на француза. Париж бы мне в самый раз подошел. Так что готов учить французский.

Трудно сказать, что творилось в эту минуту в душе Ивана Алексеевича, однако на его лице не дрогнула ни одна мышца.

— Вот что, товарищ старший лейтенант, — сказал тихо генерал, — идите в группу. Отныне будете учить турецкий язык.

Калинин, как и положено по уставу, ответил: «Есть!» и четыре года упорно осваивал турецкий. Однако судьба сыграла с ним злую шутку — в последующие 23 года службы в военной стратегической разведке ему не пришлось вымолвить ни слова по-турецки.

Но это будет потом. А пока — учеба в академии. Он учился с охотой. Особенно нравилось то, что главное внимание уделялось специальным предметам. Вот, к примеру, двусторонние занятия с учебной группой сотрудников наружного наблюдения КГБ. Военным разведчикам ставилась задача грамотно оторваться от «наружки» и провести встречу с агентом. Но «топтуны» из Комитета госбезопасности тоже были не лыком шиты, так что занятия проходили, как теперь принято говорить, в реальном режиме.

В академии существовал культ физкультуры и спорта. Хорошая спортивная база способствовала этому.

С первого курса Валерий Петрович увлекался игрой в теннис, сам того не подозревая, как кстати окажется его увлечение уже через несколько лет, когда он закончит академию и поедет служить в Грецию.

Но почему в Грецию? Он готовится к работе в Турции. Но

обстоятельства порой сильнее нашего желания.

А случилось это так. В августе 1958 года капитан-лейтенант Калинин закончил военно-дипломатическую академию с отличием и после отпуска прибыл в кадры ГРУ. Увы, после рассмотрения его кандидатуры выяснилось — вакантных должностей в Турции нет.

Ему предложили ехать в Грецию, старшим инженером отделения «Совфрахта» в Пире. Началась подготовка, сначала на базе Главного разведуправления, потом непосредственно в объединении «Совфрахт».

В октябре 1959 года, вместе с женой и сыном Валерий Петрович вылетел в Грецию. В Москве уже лежал снег, мороз, а Афины встретили их теплой солнечной погодой.

В первые месяцы молодому сотруднику предстояло ознакомиться со своими обязанностями в отделении «Совфрахта», а также изучить обстановку в Афинах, в Пире, и в дальнейшем зарекомендовать себя знающим, грамотным работником на «крышевой» должности. Это необходимо, в первую очередь, для решения разведывательных задач, чтобы у контрразведки не возникло подозрений о принадлежности Калинина к спецслужбам.

Освоить непростые обязанности сотрудника «Совфрахта» Валерию Петровичу удалось в достаточно короткие сроки. Уже на втором году работы ему было доверено самостоятельное фрахтование иностранных судов или, как говорят моряки, «иностранного тоннажа» под советские внешнеторговые грузы.

В своей компетентности и профессионализме Калинину удалось убедить не только местную контрразведку, но и коллег по компании, кадровые органы. По окончании командировки ему предложили перейти в центральный аппарат «Совфрахта». Валерий Петрович был польщен и поблагодарил за предложение, но, неожиданно для всех отказался. Чем сильно удивил своих ничего не подозревающих коллег.

Но это будет потом, а сейчас изучение оперативной обстановки в Афинах и Пире показало, что для установления полезных знакомств можно использовать несколько мест.

Первое — общество дружбы Греция — США. Там работали курсы английского языка. Почему бы не совместить полезное с приятным — подтянуть язык и заодно обрести новых знакомых, — решил молодой разведчик. Курсы вели американские преподаватели, в культурных мероприятиях участвовали дипломаты посольства США.

Второе — Королевский яхт-клуб. И хотя у капитан-лейтенанта Калинина никогда не было, да и не могло быть яхты, тем не менее, он умел

ходить под парусом и уроки бывалых моряков из Каспийского военно-морского училища помнил хорошо. Но это скорее перспективная задача. Дело в том, что президентом клуба состоял сам кронпринц, а членами — люди из высшего общества страны, и пробиться туда простому инженеру из «Совфрахта» не просто.

Поэтому сначала Валерий Петрович решил попасть на курсы английского языка. Это казалось самым достижимым. Но, увы, он просчитался. Администрация общества Греция — США почему-то не желала видеть на занятиях советского гражданина. Сразу стало ясно: подобное решение было принято спецслужбами США. В те годы влияние американцев в Греции было достаточно велико.

Оставалось третье и, пожалуй, самое важное место — Королевский теннисный клуб. Здесь все прошло значительно успешнее. Один их тренеров проверил уровень мастерства Валерия Петровича, остался им доволен и порекомендовал партнера для тренировок. Так он стал членом клуба. Здесь не только играли в теннис, но вместе с женами проводили праздники, отмечали знаменательные даты.

Разумеется, нашу резидентуру интересовали, прежде всего, американцы. А как раз таки они и были самыми активными игроками этого элитарного клуба.

Здесь на одном из кортов и познакомился Калинин с офицером ВВС США. Несмотря на то, что американский офицер был старше Валерия, они сошлись, познакомились поближе. Калинин, увы, не мог позвать к себе в гости американца, он жил в скромной однокомнатной квартире, а вот тот приглашал на свою двухэтажную виллу. Однажды собравшись с женами, они беседовали, пили виски, слушали музыку. Подполковник неожиданно предложил:

— Поедем с нами, пообедаем вместе.

Калинины согласились. Так советский военный разведчик с супругой оказался на американской военно-воздушной базе. Американские знакомые проводили их в столовую. Пообедали. К счастью, все закончилось благополучно.

Утром пришлось доложить обо всем резиденту и пережить несколько неприятных минут. Действительно, если бы проверили документы и спросили, что на базе ВВС США делают советские? А если бы устроили провокацию? Бывало ведь и такое. Теперь Валерий Петрович понимает: он допустил ошибку. Но, как говорят в народе, не ошибается тот, кто ничего не делает. Кто-то посчитает, что поход на американскую базу был просто непродуманным и спонтанным. А кто-то задаст закономерный вопрос:

стоило ли рисковать? И, наверное, будут правы.

Но ничто не проходит бесследно. Отрицательный опыт — тоже опыт. И в другой раз он будет тоже рисковать, только продуманно.

Летом 1963 года в Швеции арестуют крупного и очень ценного агента ГРУ полковника Стигга Венерстрема. Разразится громкий скандал, который спровоцирует новую волну антисоветской шпиономании. На пике этой кампании руководство в Москве примет решение: в целях безопасности офицеров зарубежных резидентур встречи с агентами отменить.

Приказ есть приказ. Ему ли, офицеру военной разведки, объяснять, что означает приказ. Но обстоятельства складывались таким образом, что если он не выйдет на встречу с агентом, то может потерять не только ценный информационный материал, но и самого агента. У того сложится мнение, особенно на волне шпиономании, что их связь засекала контрразведка и ради собственной безопасности Калинин бросил его, спасая собственную шкуру. Агент по заданию резидентуры должен был выехать в командировку в другую страну и ждать передачи денег. На этой встрече он также собирался передать ценные материалы.

Но если он пойдет на встречу, то нарушит приказ. Не дай бог об этом узнают в Центре. Валерий Петрович понимал, что ждет его в этом случае.

И все-таки, взвесив все «за» и «против», Калинин вышел на встречу, предприняв повышенные меры безопасности, передал деньги, получил информационные материалы, поддержал агента. А в телеграмме в Москву слегка слукавил, мол, об указаниях Центра не знал, поскольку был в отъезде. Кто теперь возьмет на себя смелость рассудить, прав ли был Калинин или не прав? Разведка — дело тонкое.

Надо отметить, что работа в «Совфракте» давала широкие возможности для обретения перспективных связей. Судовладельцы Греции были богатыми и влиятельными людьми, их рекомендации, появление вместе с ними, на различного рода мероприятиях придавали молодому работнику советской компании солидный общественный вес.

Достаточно сказать, что Валерию Петровичу посчастливилось познакомиться с влиятельной супружеской парой. Супруга была фрейлиной королевы. Это дало возможность бывать на приемах, которые проводил королевский двор.

Через греческих судовладельцев Калинину удалось стать членом авторитетного «Пропеллер Клаба», в который входили сотрудники американской миссии военной и экономической помощи Греции. Так он попал на бизнес-ланч, на котором выступал сенатор Эдвард Кеннеди, брат президента США. Его сообщение было посвящено роли 6-го флота США в

Средиземном море. Разумеется, информация о выступлении Кеннеди была доложена в Центр.

Остается только добавить, что в результате всех этих мероприятий удалось решить главную задачу — провести вербовку ценного агента, источника секретной информации по НАТО.

Кстати говоря, после этой вербовки в очередной приезд в Москву на докладе у начальника управления генерал-лейтенанта Алексея Коновалова Валерий Калинин спросил, какие документы брать у агента в первую очередь.

Опытный разведчик дал предметный урок молодому сотруднику. Ответ был достаточно простым, но запомнился на долгие годы.

— У вашего агента есть сейф, З улыбнулся генерал. — На верхней полке лежат совершенно секретные материалы, на средней — секретные, на нижней — для служебного пользования. Начинайте с верхней полки, а мы в Центре разберемся, что с ними делать.

В сентябре 1963 года закончилась командировка Валерия Калинина в Грецию и он возвратился в Москву. Возвратился и не узнал родное Главное разведуправление. Обстановка в управлениях, отделах тревожная, нервная. Разоблачен предатель Пеньковский. Составлялись «черные списки» тех, кто знал предателя, учился с ним в военно-дипломатической академии, служил в Турции, был знаком по его командировкам в зарубежных аппаратах, в Комитете по науке и технике. В тот год, конечно, никого не арестовали, 1937 ушел в небытие, но десятки офицеров были уволены из разведки.

Валерий Петрович мог тоже оказаться в их числе. Нет, он не учился и не служил с Пеньковским, но перед отъездом в Грецию проходил подготовку по одной из дисциплин — оперативному использованию автотранспорта. И надо же, как на грех, в их группе старшим был заносчивый и высокомерный, тогда еще никому неизвестный, полковник Пеньковский. Он вряд ли запомнил молодого капитан-лейтенанта Калинина, да только кто бы стал в этом разбираться. Но, судя по всему, до их автомобильной группы, проверяющие не добрались. Валерий Петрович, разумеется, держал язык за зубами.

После такой чистки в восточном управлении практически не осталось офицеров со знанием турецкого языка. Вот тогда в кадрах и вспомнили о Калинине. Из 1го европейского управления он был переведен в восточное управление, на турецкий участок. Только через три года Валерий Петрович вернется в свое 1-е управление на швейцарский участок и займется женеvской резидентурой.

## Жизнь «под крышей»

Три года Калинин проработал в Центральном аппарате и в 1966 году ему предложили убыть в длительную командировку в Бельгию. Штаб-квартира НАТО переехала из Парижа в Брюссель и, естественно, советская военная разведка отреагировала на это событие. Командование ГРУ приняло решение укрепить состав Брюссельской резидентуры. Запросили визу. Однако Калинин было отказано. Судя по всему, американцы помнили его еще по Греции, и им очень не хотелось, чтобы этот энергичный «дипломат» обосновался под боком у главного НАТОвского штаба.

Что ж, отказ есть отказ. Пришлось продолжить работу в Центре. Однако он верил, наступит и его время вновь выехать за рубеж и заняться «живой» оперативной работой.

Но ему вновь не повезло. На Западе вышла книга Баррона о КГБ, в которой автор зачислил Валерия Калинина в сотрудники Комитета госбезопасности.

К большому сожалению, эта книга стала настольной для отдела кадров ГРУ. Теперь офицеры, названные в книге, считались не перспективными, поскольку были «засвечены» и принадлежность их к разведке установлена. И это якобы создавало условия для их компрометации.

Более того, нередко они слышали упреки, мол, за рубежом работали недостаточно скрытно, конспиративно, вот и «засветились».

Что можно сказать по этому поводу? Подобные рассуждения были, по меньшей мере, странными. Откровенно говоря, выявить принадлежность к разведке того или иного сотрудника посольства, торгпредства или какой-либо другой организации, работающей в стране пребывания, не так уж и сложно. Жизнь и организация деятельности офицеров разведки, работающих «под крышей» обусловлена несколькими устойчивыми признаками. И о них прекрасно известно местной и американской контрразведке.

Прежде всего, офицер назначается на должность, которую занимал его предшественник. А он уже мог быть известен КРО как сотрудник спецслужбы. Тут, разумеется, возможны варианты. Представим, что на сей раз разведчик занял иную «крышевую» должность. Сделать это не просто, но спецслужбам вполне по силам. Но остаются еще несколько признаков, по которым КРО вычисляет разведчиков.

В ту пору «крышевики» старались в первый же год приобрести

автомобили. Служебные машины для рядовых сотрудников выделялись крайне скупо, а без авто за границей работа разведчика просто невозможна. Опять же, они имели возможность пригласить «нужного» иностранца в ресторан. Обычные посольские или торгпредовские служащие такой роскоши позволить себе не могли.

Вечером, в конце рабочего дня, когда все покидают посольство, офицеры разведки, как правило, остаются там или приезжают из других офисов. Им надо написать отчет, встретиться с резидентом.

Так что и без подсказки Баррона, контрразведка, думается, знала своих «клиентов». Более того, с горечью надо признать, что американские спецслужбы умело использовали подозрительно болезненное отношение руководства разведки к появлению фамилий наших сотрудников в иностранной прессе. Таким образом американцы компрометировали наиболее активных, энергичных, и доставлявших им много хлопот советских офицеров.

Словом, в таких условиях ждать близкого выезда за границу не приходилось. Калинин упорно работал на своем швейцарском участке, осваивал французский язык и несмотря ни на что готовился к будущей командировке.

Это время наступало еще через три года, в 1969. Судьба Калинина была решена. Работать предстояло на своем «родном участке», в нейтральной Швейцарии, в Женеве, в представительстве СССР при ООН и других международных организациях.

Руководство военной разведки придавало работе швейцарской резидентуры большое значение. Хотя, казалось, чем может заинтересовать Советский Союз эта маленькая нейтральная страна. Она не входила ни в какие военные и политические союзы, на ее территории не размещались НАТОвские объекты и штабы. Все так. Но в Женеве располагалось множество различных международных организаций: отделения Организации Объединенных Наций, Международная организация труда, Всемирная организация здравоохранения, Международная организация Красного Креста и другие. Кроме того, в Женеве постоянно приходили многочисленные международные конференции и форумы, промышленные выставки. Город был центром проведения как официальных, так и неофициальных консультаций по политическим и экономическим вопросам. Это создавало благоприятные возможности для ведения разведки с территории Швейцарии третьих стран и в первую очередь стран НАТО.

Здесь располагались также издательства и представительства ведущих западных и американских журналов, освещавших оборонную политику

США, стран НАТО, публиковавших информацию по крупным западно-европейским фирмам, производящим вооружение и военную электронику.

Такое уникальное положение Женевы в конфигурации политических, экономических и военных организаций давало возможность нашей разведке уделить особое внимание добыванию научно-технической документации, образцов военной техники для советского ВПК.

Забот и хлопот хватало. Приходилось работать как по «крышевой должности» в качестве второго секретаря представительства, так и по оперативной линии. Калинин курировал несколько организаций: Комитет по стандартизации, Международный союз электроники, Всемирную организацию интеллектуальной собственности. Сам напросился потрудиться в Комитете по разоружению.

В обязанности Калинина входила встреча советских делегаций, прибывших в Женеву, информирование главы делегации о всех изменениях и проблемах в международной организации, позиции руководства и ее членов по обсуждаемым вопросам. Разумеется, Валерий Петрович принимал самое непосредственное участие в заседаниях на правах члена советской делегации.

Вся эта работа помогала легендированию разведывательной деятельности.

Так, участие в протокольных мероприятиях и контакты с членами делегаций позволяли устанавливать Калинин у знакомство с потенциально интересными для разведки людьми и поддерживать с ними связь на официальной основе.

В отличие от технических организаций, среди членов Комитета по разоружению, и особенно в американской делегации по СНВ, доминировали сотрудники спецслужб. Особенно это чувствовалось во время приемов. Если Калинин заводил разговор с кем-то из членов делегации, рядом тут же появлялся «третий лишний».

Сотрудники американских спецслужб, таким образом, не только старались обеспечить безопасность членов делегации, но и активно работали против советских дипломатов, пытаясь их склонить к сотрудничеству. Не избежал такого «подхода» и Калинин.

Однажды на встрече во Дворце наций, в перерыве между заседаниями, в кафетерии, к столику, за которым находился Калинин, подсел американский дипломат. Они знали друг друга, встречались не впервые, более того, американец был известен в резидентуре как работник ЦРУ. Именно поэтому подобного поворота в общении советский разведчик не мог предположить. Американец напрямую предложил Калинин

установить более тесные контакты. «Мне нужна определенная информация, — сказал он. — Оплата — 100 тысяч долларов. Сами понимаете, это довольно крупная сумма».

Валерий Петрович согласился: сумма действительно большая. Но в Москве с такими деньгами делать нечего, да он и не нуждается в них. «В свою очередь, у меня встречное предложение, — ответил Калинин. — Плачу вам ту же сумму за сотрудничество со мной. Сами сказали — сумма серьезная, на нее купите виллу на берегу Атлантики, ну или шикарную квартиру в Нью-Йорке. По рукам!»

Судя по перекошенной физиономии, предложение американцу не понравилось. Не допив кофе, он встал и покинул зал.

Потом в ходе анализа этого случая в резидентуре разведчики пришли к выводу, что никаких компрометирующих материалов на Калинина у американцев нет, и это был лишь пробный шаг, авось, русский клюнет. Не клюнул. Больше американец с Калининым не заговаривал.

Женева была поистине перекрестком тех самых дорог, где неожиданно можно было добыть информацию стратегического характера. Так, один из руководителей европейского отделения влиятельного американского журнала, добрый знакомый Калинина, представил его одному из достаточно крупных деятелей демократической партии. Тот прилетел по делам в Женеву.

Беседа сложилась удачно, судачили все больше о делах политических. Господин демократ сказал, что в американском политическом истеблишменте зреет недовольство политикой президента Никсона и что тот в ближайшем будущем может сложить свои полномочия.

Калинин не замедлил предположить, что в этом случае пост президента США займет вице-президент. Но американец не согласился. Он сказал, что в силу некоторых обстоятельств, нынешний вице-президент уйдет раньше Никсона. А его место займет Форд. Он и станет следующим президентом США.

Это было весьма интересное и неожиданное суждение, и Валерию Петровичу оно показалось несколько фантастичным. Разумеется, Калинин доложил о разговоре резиденту. Вместе посмеялись над странным пророчеством американца. Каково же было их удивление, когда пророчество сбылось.

Такова Женева. Из ее коридоров вполне можно было следить за перипетиями американской политической кухни. Были бы источники.

И такие источники существовали. К сожалению, о них пока рано говорить, но можно лишь отметить, что на связи у Калинина находились

агенты в представительствах некоторых американских и германских компаний в Цюрихе, производящих военную продукцию. На юге страны, в Лугано, были установлены тесные контакты с представителями итальянских фирм, производящих аппаратуру связи для стран НАТО.

В Базеле в ближайшем окружении главы чехословацкой эмиграции в Швейцарии тоже работал наш человек. Он давал информацию о планах и действиях эмиграции после ввода наших войск в Чехословакию в 1968 году.

Калинину также был передан на связь один из наших источников — посол иностранного государства. Разница в положении Валерия Петровича и его информатора оказалась весьма существенной: он — второй секретарь, тот — полномочный представитель.

Встречи приходилось проводить в городе, на конспиративной квартире. А это требовало немало времени. Информация носила устный характер, а встречи — форму длительных бесед.

Вскоре у них установились дружеские отношения, и посол откровенно делился информацией по интересующим Центр вопросам.

Однажды, когда посол уезжал в отпуск на родину, по указанию резидента Валерий Петрович должен был провести с ним внеочередную встречу, чтобы передать агенту вознаграждение.

На маршруте движения Калинин заметил подозрительную машину. Проверка не оставила сомнений: это был автомобиль наружного наблюдения контрразведки. Срывать встречу не хотелось, тем более что прежде он дал понять агенту: руководство готовит для него подарок.

Контрразведчики находились в малолитражном автомобиле «Фольксваген», а у Калинина «под седлом» был мощный «Форд». Город он знал хорошо, и ему не составило труда оторваться от слежки и провести встречу.

После возвращения и доклада резидент оценил действия Калинина, как неверные. Он считал, что в сложившейся обстановке надо было отказаться от встречи. «Контрразведка не простит тебе побега», — заключил в конце разговора резидент.

Так и случилось. На следующий день, с утра, у ворот дома, где жил Калинин дежурила машина «контриков». Они плотно «водили» его целую неделю, таким образом выключив из оперативной работы. Пришлось отложить встречи с агентами, тем более с выездами в другие города.

Психологическое напряжение — постоянный спутник разведчика. Вот, к примеру, тайниковые операции, которые часто приходилось проводить Калинину. Ценные агенты ГРУ приезжали в Женеву и закладывали свою

информацию в небольших контейнерах в тайники. По разработанной системе они ставили сигнал о закладке и номере тайника.

Задача Калинина состояла в том, чтобы найти сигнал в установленном месте и с соблюдением чрезвычайных мер предосторожности найти тайник, изъять контейнер, доставить его в резидентуру. Срывов в проведении операций не было.

Задания Центра могли быть разными, порою самыми неожиданными и, казалось бы, далекими от разведзадач ГРУ. Такую весьма оригинальную задачу пришлось решать и Валерий Петровичу. А состояла она в том, чтобы под прикрытием легенды изучить банковскую систему Швейцарии. Пришлось познакомиться поближе с одним из директоров швейцарского банка. В ходе дружеского общения удалось выяснить многие вопросы: порядок открытия номерного счета, перевода денег в другие страны.

Директор признался, что он может открыть номерной счет, но должен знать лицо, его открывающее, финансовые возможности, источник наличия денег, семейное положение, недвижимость, страховку, финансовое состояние жены и детей, и даже посещает ли этот человек церковь.

Новый знакомый заверил Калинина, что эти данные конфиденциальны и их будет знать только он, директор банка. К тому же все финансовые операции будут осуществляться анонимно, под присвоенным номером.

Удалось также выяснить, что в некоторые страны денежные средства могут переводиться без указания отправителя и предъявления документов. Кстати говоря, эта возможность будет использована Калининым для перевода денег людям, живущим в западных странах.

Оперативное задание не прошло даром. Калинин настолько заинтересовался швейцарской банковской системой, долго работал над сбором материала, что вскоре почувствовал: готов засесть за диссертацию по этой проблеме.

В 1972 году тема его диссертации была представлена в один из институтов Академии наук СССР. Однако планам Валерия Петровича не суждено было сбыться.

В октябре 1973 года он прибыл в Москву и получил назначение в центральный аппарат ГРУ старшим швейцарского участка. На диссертацию просто не хватило времени.

О том, насколько удачна оказалась работа военного разведчика Валерия Калинина в Швейцарии, говорит высокая награда, которой он удостоился после возвращения в Советский Союз из длительной командировки. Ему был вручен орден Красного Знамени. Награждение состоялось в ноябре 1973 года.

## Грубая провокация

Служба в разведке имеет одну специфическую особенность: нередко прошлое — давнее или не такое далекое — возвращается к сотруднику, словно бумеранг.

Чаще этот бумеранг приносит неприятности и больно бьет по авторитету и карьере офицера.

Нечто подобное пережил в августе 1976 года и капитана I ранга Валерий Калинин. Он был уже начальником направления в Центре, и резидентура в Женеве напрямую замыкалась на него. Да и сам он отдал этой резидентуре почти пять лет своей жизни, и потому считал ее родной.

Пришло сообщение, которого, откровенно говоря, не ждал никто. В Швейцарии арестовали начальника ПВО страны бригадного генерала Жан Луи Жанмера.

Его обвиняли в шпионаже в пользу Советского Союза, якобы он передал нашей разведке мобилизационные планы, сведения о дислокации швейцарских вооруженных сил.

Поначалу никто не хотел верить в это обвинение. Да, многие, кто работал в стране, знали генерала Жанмера, как, впрочем, и других генералов и офицеров швейцарской армии. Швейцария — маленькая страна и армия у нее такая же. Военная разведка Советского Союза не работала против этой страны. Тем не менее, военный трибунал города Лозанны приговорил Жанмера к 18 годам тюремного заключения.

В прессе Запада развернулась настоящая антисоветская вакханалия вокруг дела Жанмера. Обычно разведки, в том числе и советская, старались не комментировать подобные события. Но тут руководство ГРУ приняло беспрецедентное решение — ответить в прессе и проинформировать советскую и международную общественность о том, что генерал Жанмер никогда не сотрудничал с нашей военной разведкой и не передавал какие-либо документы.

Идея подобного ответа принадлежала Валерию Петровичу Калинин. Ему удалось убедить руководство сначала управления, а потом и Главного управления снять печать молчания и заявить, что в Швейцарии проходит судилище над невинным человеком. Были подготовлены статьи, разоблачающие антисоветскую подоплеку «дела Жанмера» и доказывающие его невиновность. АПН по своим каналам разослала эти материалы в зарубежные страны. В феврале 1977 года в «Литературной

газете» также была опубликована статья «Что скрывается за “делом Жанмера”».

*«В ходе развернувшейся кампании, — писал автор, — было сделано все, чтобы убедить общественность: невозможное возможно. В качестве доказательства приводился такой (единственный) факт: Жанмер в 1962–1964 годах был знаком с советским военным атташе полковником Денисенко, встречался с ним на приемах в посольстве, а также вне посольства, в кафе, например, оба полковника (Жанмер тогда еще не был генералом) сидели за столиком вместе со своими женами, а иногда полковники даже заходили друг к другу в гости».*

Сегодня, почти через полвека после тех событий, подобные обвинения читать, по меньшей мере, смешно. Наверное, современный молодой человек, пусть в России или Швейцарии, даже не поймет, о чем идет речь. Ну, встречались, сидели за столиком в кафе, гостили друг у друга. Какое же в том преступление? Оказывается, в те годы подобного было достаточно, чтобы обвинить генерала в шпионаже.

Остается добавить, что главными уликами, представленными на процессе, оказались «подарки» Денисенко Жанмеру (надо думать, за его «шпионскую деятельность») — рекламные проспекты Москвы и Ленинграда (где генерал никогда не был), этикетки от русской водки и запонки, предположительно, советского производства. Ну, что тут скажешь? Оторопь берет. И эти господа нас учили демократии?!

Подобные вопросы задавал себе и военный разведчик Калинин. И не мог смолчать. Существовала и другая точка зрения: как всегда, не высываться. Мол, о чем тут говорить: швейцарцы, судя по всему, с чьей-то подачи обвинили своего генерала и посадили в тюрьму. Что нам до генерала Жанмера? Плюют в нашу сторону? Да, не впервой. Привычные уже.

Но Валерий Петрович рассуждал совсем по-другому. Да, было тут и за державу обидно, но главное — искренне жаль человека, который попал под каток «холодной войны» только за то, что посмел по-доброму относиться к нашей стране и общаться с советским военным атташе.

Вообще, 1977 год был богатым на события. В конце года командование ГРУ приняло решение вновь направить Калинина в Швейцарию, уже в качестве руководителя разведаппарата. Он прошел согласования и в начале следующего, 1978, был представлен на выездную комиссию. Однако случилось непредвиденное. Ему сообщили, что в Женеву поедет другой офицер.

Откровенно говоря, ситуация сложилась далеко неординарная.

Калинин понимал: подбор кандидатур на должность резидента — дело архиважное. Решение принимается руководством военной разведки, и если в одночасье все переменялось, стало быть, вмешался кто-то посильнее и повыше. Но кто?

Ответ нашелся достаточно быстро, когда Калинин узнал фамилию офицера, которому предстояло занять его место в Женеве. Звали его Борисом Александровым. Личность в ГРУ известная, только не своими делами, а родством с помощником Генерального секретаря ЦК КПСС Александровым.

В разведку он пришел из отдела административных органов ЦК, об оперативной работе мало что знал. За рубеж не выезжал. По характеру был груб и деспотичен, среди подчиненных не терпел людей самостоятельных и инициативных. Однако, зная его родство с помощником Генсека, в ГРУ Александра терпели.

Словом, Калинина сняли с планируемого выезда в Женеву и резидентом туда отправился генерал Борис Александров.

Потом началось самое интересное. Валерий Петрович Калинин вспоминает об этом так:

*«Начнем с того, что в ту пору в женевской резидентуре проходил службу капитан Резун. Резидент Александров превратил Резуна в адъютанты. Тот развозил его жену по магазинам, в туристические поездки по стране.*

*У Центра были подозрения по поводу Резуна. Мы опасались, что после отъезда прежнего опытного резидента Александров вряд ли в состоянии оценить характер отношений молодого советского офицера и матерого англичанина Фурлонга, который оказался в два раза старше Резуна. Уже тогда Центр практически был уверен, что Фурлонг является сотрудником британской секретной службы или привлечен ею к сотрудничеству.*

*В мае Москва дала указание Борису Александрову прекратить встречи Резуна и Фурлонга. Но резидент указание не выполнил.*

*А 10 июня Владимир Резун, его жена и двое детей исчезли при невыясненных обстоятельствах. Через две недели швейцарские власти сообщили, что Резун находится в Англии.*

*Дальнейшее широко известно. Повторять не стану. Скажу только, что после всего случившегося у меня состоялся разговор с начальником внешней контрразведки КГБ генерал-майором Калугиным. Выяснилось, что его управление никакими данными по делу Резуна не располагает и его уход для контрразведки стал полной неожиданностью.*

*Для локализации возможных последствий предательства Резуна*

*резидент Александров был возвращен в Москву. В Женеву срочно вылетел начальник управления генерал-лейтенант Борис Дубович. Вскоре туда же отбыл и зам резидента полковник Василий Ловчиков.*

*Благодаря срочным и во многом экстраординарным мерам, предпринятым генералом Дубовичем и полковником Ловчиковым, ни один из агентов женевской резидентуры не был раскрыт контрразведкой.*

*После ликвидации опасности расширения последствий предательства Резуна был проведен разбор полетов: строгий выговор получили я и предыдущий резидент, который давал положительные заключения по работе предателя в прошедшие годы».*

Разумеется, как начальник направления, ответственный в том числе и за работу женевской резидентуры, Калинин проанализировал причины предательства. Хотя, конечно же, не мог предположить, сколь успешно в последующие годы отработает свои «тридцать сребреников» Резун. Поскольку сотрудником он был молодым, к работе с серьезной агентурой и документами его не допускали, вряд ли его хозяева удовлетворились теми крохами со стола ГРУ, которые собрал для них предатель. Но последующими книгами, которые издавались в России, Резун несомненно порадовал тех, кто вербовал его и вывозил в Англию. Затраты спецслужб он отработал сполна.

Потом много раз за 30 с лишним лет Валерий Петрович будет возвращаться в мыслях в те годы и просчитывать заново, где они оступились, какие совершили ошибки. Тем более что ему как никому другому пришлось горько расплачиваться за эти ошибки.

Прежде всего, Центр и резидентура неверно оценили характер взаимоотношений Резуна и Фурлонга. Наша разведка недооценила возможность встречной оперативной разработки со стороны опытного сотрудника спецслужбы Великобритании. В общем, слабаком оказался Резун в сравнении с Фурлонгом. За спиной у него только теоретическая подготовка, ни жизненного, ни разведывательного опыта не было.

Разумеется, неудачное назначение руководителем разведаппарата Бориса Александрова, не имеющего опыта оперативной работы, только ускорило уход Резуна на Запад. Тем более что Александров не выполнил указания Центра о прекращении встреч Резуна с Фурлонгом.

И самое главное, как считал и считает Калинин, — роковую роль в этом предательстве сыграло отсутствие в ГРУ службы собственной безопасности. Офицеров военной разведки за рубежом курировало управление внешней контрразведки КГБ. Но по анализу Валерия Петровича, за все время обучения в Киевском военном училище, в Военно-

дипломатической академии, в годы работы за рубежом от контрразведки не поступило ни одного тревожного сигнала. Таким образом, с полным основанием можно утверждать: будущего предателя плохо знали как в разведке, так и в контрразведке.

После долгих размышлений у Калинина возникло предложение о создании в ГРУ управления собственной безопасности. Однако прежде, чем его обнародовать, Валерий Петрович проанализировал и другие предательства.

Продумав все соответствующим образом, Калинин пошел к начальнику управления генералу Дубовичу.

Генерал внимательно выслушал подчиненного, возражать не стал, но усомнился в том, что начальник военной разведки поддержит предложение. «Валерий Петрович, генерал Ивашутин в прошлом первый заместитель руководителя КГБ, надо учитывать этот психологический момент», — посоветовал Дубович.

Но Калинин настаивал на своем.

Через несколько дней он уже докладывал свои соображения генерал-полковнику Ивашутину. Аргументов, казалось, было достаточно.

«Что мы знали о Резуне?», — задал я вопрос, находясь в кабинете у Ивашутина,

— *Его положительные характеристики по службе, успеваемость в учебных заведениях. Военная контрразведка КГБ за время учебы, службы Резуна подозрительных,стораживающих моментов не отмечала. Не было претензий к Резуну и со стороны внешней контрразведки КГБ, которая отвечала за безопасность наших сотрудников во время их работы за рубежом.*

*Из поля зрения ускользнули важнейшие моменты — положение в семье, чем занимается в свободное время, увлечения, отношение к женщинам.*

*В характеристиках — партии предан, морально устойчив. Вот тебе и устойчив. Это говорит о том, что существующая система отбора в военную разведку, изучения офицеров в период службы не дает истинной картины.*

*Получается, что фактически Резуна мы не знали. Вот потому и должна быть создана служба собственной безопасности».*

Генерал Ивашутин не согласился с мнением капитана I ранга Калинина. Свой отказ он мотивировал тем, что есть КГБ и вопросами безопасности занимаются они. Казалось бы, на том следует остановиться. Начальник есть начальник. Но Валерий Петрович попросил разрешения

обратиться с этим вопросом к начальнику Генерального штаба.

Внешне Ивашутин никак не отреагировал, только кивнул в знак согласия: обращайтесь. Докладная Калинина была передана маршалу Н. Огаркову. Маршал оставил решение вопроса на усмотрение генерала Ивашутина.

Решение начальника военной разведки не заставило себя долго ждать. В октябре 1979 года капитан I ранга Калинин был снят с должности начальника направления и переведен из Центрального аппарата в Государственный комитет по науке и технике.

## Довести дело до конца

После напряженной службы в центральном аппарате ГРУ работа в Госкомитете была намного спокойнее и размереннее. Появилось свободное время и Валерий Петрович возвратился к своей излюбленной теме, которой он занимался уже не первый год. Это была тема первопричин внезапного нападения Германии на Советский Союз.

А начиналось все с того, что в конце 70-х годов вырос интерес наших писателей к деятельности советских разведчиков в годы Великой Отечественной войны. Они выходили на руководителей разведки, чтобы получить доступ к архивным материалам. Юлиан Семенов, Василий Ардаматский побывали у начальника ГРУ генерала Ивашутина и получили разрешение на работу с архивными документами.

Однако прежде чем допустить писателей в святая святых разведки, Ивашутин дал команду подобрать несколько оперативных дел и изучить их самим. Материалы следовало подвергнуть тщательному анализу и в конечном итоге уяснить, что можно открыть на сегодняшний день, а о чем говорить пока рано.

А поскольку писателям собирались вручить дела в основном европейских резидентур времен войны, то заниматься ими пришлось Валерию Калинину.

Вот тогда он впервые окунулся в мир великих разведчиков-нелегалов, работавших в Европе перед войной и в войну: Шандора Радо, Леопольд Треппера, Урсулы Кучински, Константина Ефремова. О некоторых он только слышал, имена других вообще были неизвестны ему. Сотни страниц архивных документов — справки, доклады, радиограммы, переписка с Центром- и все из первых рук, без налета предвзятости, желания «подправить» историю, партийного пресса, идеологической цензуры. Он понял, сколь бесценны эти материалы. Однако не знал, не мог предположить, что видит их в первый и в последний раз.

Теперь, когда появилось время, Калинин решил вернуться к той теме. Возникла идея написать диссертацию на тему «О причинах внезапного нападения Германии на Советский Союз и значение внезапности в ракетно-ядерный век».

Для начала на имеющемся уже материале подготовил статью для журнала «Военная мысль». Какраз приближался 1981 год, 40-я годовщина начала Великой Отечественной войны. Казалось бы, такая статья будет к

месту. Однако не тут-то было. Заместитель начальника Главного политического управления генерал Волкогонов наложил свою резолюцию: «Не время».

*«Отказ от публикации статьи в журнале, — вспоминает Валерий Петрович Калинин, — еще раз убедил меня в том, сколь важно довести дело до конца и разобраться в истинных причинах внезапного нападения. И если по каким-то причинам этого нельзя сделать через открытые печатные издания, то написание закрытой диссертации, в первую очередь для офицеров военной разведки, слушателей Военно-дипломатической академии, представлялось мне правильным и полезным».*

Начальник 1-го европейского управления ГРУ генерал-лейтенант Борис Дубович согласился с доводами Калинина. План диссертации был представлен на кафедре Военно-дипломатической академии. Обсуждение прошло по-деловому, доброжелательно, высказывались весьма полезные, критические замечания.

Следующий этап — ученый совет академии. Однако начальник академии генерал-полковник Валентин Мещеряков предложил план диссертации не обсуждать до решения начальника ГРУ о допуске Калинина к работе с архивными документами.

Вновь пришлось обращаться к начальнику ГРУ. История, можно сказать, повторилась. Калинин доложил начальнику ГРУ свое видение некоторых причин нападения фашистов. Генерал Ивашутин выслушал Калинина и сказал, что не стоит торопиться с выводами. Тем более что ГРУ всего лишь одна из составляющих разведывательной системы государства. То есть, мы не все знаем, а значит, не можем провести всесторонний анализ.

Ивашутин отказался дать допуск в архив. Калинин, как и в прошлый раз, попросил разрешения обратиться к начальнику Генерального штаба. Руководитель военной разведки не возражал. Докладная Калинина ушла в Генштаб. Ответ был получен через несколько дней. «На усмотрение П. Ивашутина», — гласила виза.

А вскоре после этого Валерий Петрович получил направление в госпиталь, на военно-врачебную комиссию в связи с увольнением в запас по возрасту. Ему было 54 года.

## Место службы — Вашингтон

Октябрь 1986 года. Государственный департамент США объявляет персонами нон-грата пять советских дипломатов. Более того, американцы дополнительно требуют высылки из страны еще 50 дипломатов. Предлагают свой список. Объясняют это тем, что следует уравнивать количество дипломатических сотрудников обеих стран.

В списке оказался и военно-морской атташе Советского Союза, он же руководитель советских военных аппаратов в Соединенных Штатах, контрадмирал Иван Павлович Сакулькин.

Решение Госдепа тут же было подхвачено средствами массовой информации США. Газеты, журналы, телевидение, не унимаясь, трубили «о незаконной и несовместимой» с дипломатической деятельностью сотрудников посольства СССР.

Контрразведка внесла свой вклад в нагнетание атмосферы антисоветизма и шпиономании. За высылаемыми работниками была установлена круглосуточная, демонстративная слежка. Судя по обилию бригад, на ноги подняли едва ли не всех сотрудников ФБР. Наблюдение вели агенты на автомашинах разных марок и годов выпуска, а также пешие «топтуны».

Куда бы ни пошел, ни поехал в эти дни контр-адмирал Сакулькин, вслед ему дышали детективы ФБР — белые, негры, азиаты, мрачные, агрессивные, готовые на любого рода провокации.

На сборы советским дипломатам Госдеп дал десять суток. Москва, чтобы забрать своих сотрудников с семьями, решила прислать самолет ИЛ-86.

Каждый из отъезжающих коротал эти дни по-своему. Кто-то гулял напоследок, кто-то паковал багаж, а вот адмиралу Сакулькину было не до гульбы.

Наступили, пожалуй, самые напряженные дни и ночи. Вместе с ним уезжал на родину и военный атташе, который прибыл в США всего неделю назад. Он тоже угодил в «Госдеповский список». Но и это еще полбеды. В военных аппаратах не оставалось ни одного заместителя, кому можно было передать дела.

Центр приказал оставить за себя одного из помощников. Однако тот, по вполне понятным причинам, не в силах был охватить столь огромный объем работы, разобраться во многих деталях и тонкостях деятельности

резидентуры.

Тем не менее, адмирал Сакулькин сделал все возможное. Он сутками не вылезал из аппарата, но сумел подготовить и передать финансовые, хозяйственные и представительские дела, оперативную и информационную переписку с Центром, разработать план перераспределения функциональных обязанностей исходя из новых условий, наметить будущие задачи и определить пути их решения.

В печати и на телевидении обывателям усердно навязывалась мысль, мол, наконец-то с помощью жестких и решительных мер администрация Рейгана, обезоружила советские внешнеполитические и разведовательные органы на территории США. На многие годы она лишила их реальных возможностей по добыванию информации. Но американцы просчитались.

Конечно, высылка столь значительного количества дипломатов, среди которых, естественно, были и сотрудники разведки, обескровило резидентуры, но не остановило их работу. Наша разведка переживала и худшие времена.

До отлета в Москву оставалось еще несколько дней, когда на имя адмирала Сакулькина пришло неожиданное приглашение. Руководство военно-морских сил США просило нанести прощальный визит в Пентагон. Откровенно говоря, подобный шаг немало удивил Ивана Павловича. Тем не менее, он приглашение принял.

В назначенный день вместе с помощником выехал в военное ведомство. Их автомобиль на этот раз сопровождали три машины контрразведки.

На подъезде к Пентагону колонну затормозили у шлагбаума. Попросили подождать, ссылаясь на отсутствие заявки на пропуск.

Прошло пять минут, десять, 20. На дороге образовалась пробка. Засуетились агенты ФБР, сопровождающие машину адмирала. Наконец шлагбаум поднялся, въезд разрешили.

У центрального подъезда советского военно-морского атташе встречал начальник отдела внешних сношений кэптэн Бронсон. Он был уполномочен сопроводить Сакулькина и его помощника к начальнику разведки ВМС США.

Двигаясь по лабиринтам коридоров Пентагона, Иван Павлович обратил внимание на молодую миловидную женщину, которая следовала буквально по пятам за ними. Ее Сакулькин заметил еще в дороге, в головной машине, потом суетившейся у шлагбаума. Без сомнения, это была агентесса ФБР и, скорее всего, руководитель группы контрразведчиков.

Иван Павлович не применул сиронизировать, обратившись к Бронсону.

— Господин кэптэн. Благодарю за оказанную честь. Бронсон удивленно посмотрел на адмирала, не совсем понимая, о чем идет речь.

— В отличие от предыдущих дней, я удостоен большого внимания. Меня сопровождает такая прекрасная женщина.

Кэптэн оглянулся и был крайне смущен. Действительно, их сопровождала представитель ФРБ. А Сакулькин еще больше подливал масла в огонь.

— Возможно, дело не во мне, коллега? А тот, кто служит в этом здании, находится под подозрением у «большого брата»?

Шеф отдела внешних сношений не нашелся, что ответить. Он так и не проронил ни слова.

Начальник разведки военно-морских сил адмирал Студеман встречал Сакулькина у своего кабинета. К удивлению Ивана Павловича агентесса зашла в кабинет адмирала следом за ними. Стало быть, ее здесь хорошо знали и шумный спектакль с сопровождением, ожиданием у шлагбаума разыгран с благославения руководства ВМС.

Как обычно гостям предложили кофе и началась протокольная беседа.

— Господин адмирал, — сказал Студеман, — руководство военно-морских сил сожалеет о случившемся. Мы выступали против такого решения. Но оно было принято высшим политическим руководством страны.

Откровенно говоря, после таких слов даже столь опытному и закаленному военному дипломату стало не по себе.

— Господин Студеман, — ответил Сакулькин, — вы получили адмиральское звание совсем недавно, а я уже десять лет назад, и поэтому прекрасно знаю, как решаются подобного рода вопросы.

Ни сапожник, который шьет сапоги, ни пирожник, пекущий пироги, как правило, их не носит и не ест, но делает это для других. То же самое творят клерки, готовящие предложения для руководства. А оно в свою очередь принимает решения, в том числе и политические.

По лицу было видно, адмирал Студеман понял «тонкий» намек коллеги.

Побеседовали еще. Все больше говорил гость: о договоре по предотвращению инцидентов на море и в воздушном пространстве, в разработке которого Сакулькин принимал участие вместе с начальником штаба ВМС адмиралом Тростом, о людях Америки, о стране, о знакомых в политических и военных кругах США.

Выразил сожаление Иван Павлович и принятым руководством США решением. Сказал, что время рассудит. И оказался прав. Не прошло и двух

лет, как Госдепартамент США поднял вопрос об увеличении дипломатических и технических должностей как в Вашингтоне, так и в Москве.

Пытался Студеман вручить адмиралу Сакулькину и традиционный подарок по случаю отъезда, но Иван Павлович отказался. В данных обстоятельствах не до подарков. На том и расстались.

Наступило 31 октября 1986 года — день отъезда. На территории жилого комплекса посольства проводить своих коллег собрались дипломаты с семьями. Среди отъезжающих распространился слух, что на родине, в Москве, им готовят большую встречу. Мол, в Шереметьево придут высокие партийные деятели, военные руководители.

Потом была дорога в международный аэропорт «Даллас», толпы фото- и тележурналистов на смотровых площадках. Наконец, они в самолете. Лайнер разбежался по взлетной полосе и поднялся в воздух.

Вспоминая этот момент, Иван Павлович Сакулькин как-то скажет: «Все грязное, зловонное, чужое осталось позади и сегодня воспринимается, как кошмарный сон».

Утром 1 ноября Ил-86 приземлился в аэропорту «Шереметьево-1». Их никто не встречал. Не было оркестра, руководителей. Разве что родные да друзья. От МИДа — рядовой сотрудник, от Минобороны — майор из управления внешних сношений. Правда, они быстро организовали транспорт. И на том спасибо.

О чем думал контр-адмирал Сакулькин, возвращаясь из Америки домой?

Позади большая жизнь — детство, юность, учеба, служба на флоте, длительная командировка в Великобританию и четыре командировки в США. В общей сложности за границей он провел 17 лет, 14 из которых работал в Соединенных Штатах. В Вашингтоне Иван Павлович начинал оперативным офицером на должности водителя еще в далеком 1954 году. С тех пор прошло, подумать только, 32 года. Но не об этих годах вспоминал адмирал. Всплыл в памяти давно забытый факт из жизни его деда Михаила Романовича. Родословной в их семье, как и в большинстве бедных безграмотных крестьянских семей, попросту не было. Но тот случай почему-то передавался из поколения в поколение. Запомнил его и внук Иван.

Дело в том, что дед по отцовской линии Михаил был человеком смекалистым и работающим. Не имея никакого образования, он обучился печному делу, да так, что стал знатным мастером-печником. Отправился на заработки в Сибирь, где подрядился в артель в надежде заработать деньги

на будущую женитьбу и создание семейного очага.

Артель, состоящая из людей молодых и сильных, ставила печи, в основном, в городах и селах на малоосвоенных землях. Так артельщики добрались до Владивостока.

Однако мотание по чужим краям не давало желаемых заработков. Однажды кто-то поведал артельщикам, что в Америке мастера, подобные им, нарасхват. И тогда они решили махнуть за океан: купили билеты на пароход и отплыли в дальнее путешествие.

Но в Японском море старый пароход, подаренный Америкой России, попал в шторм и, не выдержав ударов стихии, повернул обратно.

Дед возвратился в родную деревню, построил дом, сложил печь всем на загляденье, женился. В семье родились две дочери и два сына. Одного из них назвали Павлом. Он и стал отцом будущего разведчика адмирала Ивана Сакулькина, который теперь, как когда-то его дед, возвращался домой. Вот так Америка причудливо вплелась в их судьбы. Дед не сумел осуществить мечту, не добрался до далекого и, как казалось ему, счастливого континента. Внук провел на нем почти полтора десятка лет. Был ли он счастлив там? Вряд ли. Зато он счастлив теперь, вернувшись на родную землю. Пусть без оркестра, без объятий высоких начальников, без торжественных речей. Тихо, скромно и как-то тепло по-домашнему.

## «Курсант Наркомпросса»

Иван Павлович Сакулькин вполне мог праздновать четыре дня рождения. Первый в ноябре, поскольку именно в этом месяце в 1926 году он появился на свет в глухой, далекой деревне, от которой до железной дороги было без малого 20 километров.

В семье Ваня родился первым, чему несказанно радовались его родители. Однако радость вскоре едва не обернулась бедой. Отец, которому недавно исполнилось 17 лет, шестнадцатилетняя мать возвращались из гостей на санях. Стояла холодная зима, они завернули первенца в теплые пеленки да в тулуп и забыли о нем. Приехав домой, обнаружили бездыханное, посиневшее тельце ребенка.

К счастью, в тот момент в доме оказалась бабушка. Опытная, немало повидавшая на своем веку, женщина бросилась спасать внука. Она делала искусственное дыхание, растирала тельце и сквозь слезы молила Бога. Через некоторое время Ваня действительно подал первые признаки жизни. Так он родился во второй раз.

Третий случился в четыре года. Мать, наработавшись в колхозе, истопила вечером печь. Уставшая, измученная она закрыла задвижку печи, когда там еще не успели прогореть дрова. Ни отца, ни деда дома не было. Один служил в Красной Армии, другой ушел в соседний район на заработки.

Все крепко спали. Дом наполнился угарным газом. Ночью Ваня проснулся, словно от удара, вскочил, кинулся к окну, распахнул его и, потеряв сознание, выпал в снег.

Кто знает, сколько пролежал он на морозе. Очнулся от холода. Болела голова, ноги не двигались. Ваня закричал от боли и страха. Однако никто его не услышал. Он с трудом влез в открытое окно, стал будить мать и вновь потерял сознание.

И все-таки распахнутое Ваней окно спасло ему и его родным жизнь. Так он родился в третий раз.

Во втором классе, когда семья Сакулькиных переехала из деревни в город Горький, Иван поздней холодной осенью провалился в полынью на озере. Искупался в ледяной воде и тяжело заболел. С высокой температурой его положили в больницу. Первоначально ставили диагноз менингит, десять дней он находился в бессознательном состоянии. И, как рассказывали потом родители, врачи потеряли надежду на его

благополучное выздоровление. Однако постояв на краю пропасти, Иван вновь выкарабкался. Правда, окончательный диагноз звучал не очень оптимистично: крупозное воспаление легких с затемнением правого легкого. Его еще год держали на учете в туберкулезном диспансере. Так состоялось четвертое рождение Сакулькина.

Впрочем, Иван не унывал. Он любил спорт: играл в футбол, бегал на коньках, ходил на лыжах, плавал. Участвовал во всех местных соревнованиях, стал перворазрядником по нескольким видам спорта.

Наступил 1940 год. В Горьком открыли военно-морскую спецшколу. В нее набирали мальчишек 8-10 классов. Им выдавали флотскую форму, только вместо ленточек на бескозырках был бант. «Курсанты Накромпросса», так их звали в городе. Горьковчане любили своих морячков и гордились ими.

В начале 1941 года в гости к ученикам неполной средней школы приехал матрос.

Мальчишки не ошиблись: это был посланец военно-морской спецшколы. Его беседа, рассказ о флоте, определила судьбу многих школьников.

После окончания седьмого класса больше половины парней из выпускных классов подали заявление с просьбой принять их в спецшколу.

Желающих стать курсантами-морьяками было не просто много, очень много. В кандидаты зачислялись только отличники, обладавшие завидным здоровьем и «чистой анкетой». Уже тогда Сакулькин понял, что члены приемной комиссии знают о его родственниках значительно больше, чем он сам.

Из своей школы Иван оказался единственным, кто с гордостью примерил флотскую форму и бескозырку с бантом.

За две недели до войны курсантов спецшколы отправили в летние лагеря. Жили они в землянках, занимались физической и строевой подготовкой, учили уставы, знакомились с морской практикой.

Начало войны прошло как-то незаметно и только аукнулось в середине июля. Резко ухудшалось питание, курсанты, по сути, вставали из-за стола полуголодными.

В конце августа возвратились из лагерей в город. Началась учеба.

В первых числах ноября фашистская авиация нанесла первый бомбовый удар по промышленным предприятиям Горького. С той поры бомбардировки стали почти ежедневными.

Курсантам-горьковчанам разрешали проживать дома. Городской транспорт почти не ходил, приходилось за семь километров добираться в

школу и обратно.

Несмотря на военное время в спецшколе никаких поблажек курсантам не делали. Учили крепко, требовали жестко.

Иван был старшим в семье. Младшие — сестра и брат Валерий, которому исполнилось три года — фактически находились на попечении Ивана. Да еще хозяйство. Ему приходилось по весне сажать картофель на участке, окучивать, пропалывать, осенью убирать.

Отец круглыми сутками не вылезал с завода, мать шила гимнастерки для бойцов Красной Армии.

Зимой Иван делал женские гребешки и обменивал их на муку, просо, горох в селах и деревнях окрест Горького.

Летом 1943 года спецшколу неожиданно расформировали. Выпускников десятого класса направили в Бакинское военно-морское подготовительное училище. И что самое обидное, сняли морскую форму. Пришлось натянуть старые, изношенные отцовские брюки и гимнастерку, которая осталась у него со времен службы в армии.

Вчерашних курсантов погрузили на теплоход «Спартак» и отправили в Астрахань. Теплоход проплывал мимо Казани, Ульяновска, Куйбышева, Саратова, Сталинграда. Во всех городах он делал остановки, с ребятами проводили экскурсии.

Сакулькин помнил, какое тяжелое впечатление произвел на него разрушенный Сталинград. Обломки стен, трубы, груды бетона и битого кирпича. Город был изрыт траншеями, окопами, всюду полусгоревшая боевая техника — танки, автомашины, разбитые повозки, брошенное оружие.

Вскоре они прибыли в Астрахань, оттуда — в Баку. Поселили их в казармах на Красноармейской улице. Оказалось, что поступать в училище приехали не только они, «спецы», но и еще несколько тысяч выпускников школ. Это были ребята из тех мест страны, до которых не добрались фашисты. На 400 мест третьего выпускного курса претендовали более трех тысяч человек. Для всех, не исключая и выпускников спецшкол устроили экзамены по трем предметам — алгебре, геометрии, тригонометрии.

Иван сдал экзамены успешно, был зачислен в училище и наконец скинул рваные штаны, застиранную отцовскую гимнастерку и одел пусть и рабочую, но новую матросскую форму.

Начались учебные будни. Вновь лагерные сборы, курс молодого бойца. Ранний подъем, зарядка, купание в холодной морской воде, завтрак — ина занятия. Особенно изматывающими были шлюпочные учения на веслах и под парусами. Но еще сложнее оказались зимняя практика на парусных

судах Каспийской военной флотилии. На парусниках «Галфвинд», «Бейдвинд» курсанты изучали морское дело, драили в стужу до полной белизны деревянную палубу.

В училище были прекрасные командиры, преподаватели и воспитатели.

Так пролетел год обучения в подготовительном училище. Предстояло разъехаться по военно-морским училищам. Кого-то распределили в Ленинград в училище им. М. В. Фрунзе или им. Ф. Э. Дзержинского. Ивана Сакулькина оставили в Баку и зачислили на первый курс Каспийского военно-морского училища без экзаменов.

В училище поддерживалась железная воинская дисциплина. За малейшее нарушение — суровое наказание вплоть до отчисления. Деления на факультеты в ту пору не было. Учебная программа насчитывала более 30 дисциплин. Выпускник получал диплом, который давал возможность исполнять любые штатные должности, за исключением разве что корабельного механика. На младших курсах изучали высшую математику, физику, судовые механизмы, военно-морскую географию и океанографию. На старших — минное и артиллерийское дело, астрономию, радиоэлектронику и связь.

Преподаватели в училище отличные, известные всему флоту специалисты. Кафедры навигации и корабельных механизмов возглавляли контр-адмиралы Дмитриев и Статкевич, боевые офицеры царского флота, участники русско-японской войны, воевавшие на знаменитой канонерской лодке «Кореец» вместе с легендарным крейсером «Варяг».

Капитан I ранга Тархов, будучи штурманом крейсера, который прибыл в Англию на торжества по случаю коронации, отказался от услуг местного лоцмана и самостоятельно провел корабль к месту стоянки, заслужив самую высокую оценку британцев.

Училищем руководил капитан I ранга Сухиашвили, боевой офицер, командир бригады морской пехоты, которая стояла на обороне Москвы.

Быстро пролетели годы учебы. В июле 1948 года выпускникам училища в торжественной обстановке были вручены дипломы и кортики. Вечером их пригласили на выпускной банкет.

На следующий день те, кто за годы учебы успел жениться, уезжали к новому месту службы с двумя чемоданами. лейтенанту Ивану Сакулькину вполне хватило одного. Он был холост. Мечтал попасть на Северный флот, но послали на Балтику. Что ж, как говорят, матрос службу не выбирает.

## Суровые морские уроки

Сакулькин возвращался с соседнего тральщика, когда его догнал матрос.

— Товарищ лейтенант! — посыльный козырнул. — Вас вызывает командир.

— Раз вызывает, идем, — отозвался Иван.

Он уже несколько месяцев служил на новом тральщике, под началом капитан-лейтенанта Михайлина. После окончания училища в штабе флота в Таллине ему дали предписание: назначен командиром боевой части тральщика № 396, 16-го дивизиона 1-й Краснознаменной бригады траления. Несмотря на то, что война закончилась три года назад, тральщики находились на боевой службе. У них даже льготы дополнительные были: выслуга год за полтора, «медвежий» 45-суточный отпуск.

Задача стояла единственная: как можно скорее очистить воды Балтики от мин и обеспечить безопасное судоходство. А сделать это было ох, как не просто.

Немцы за период войны выставили десятки тысяч мин: магнитных, акустических, контактных, комбинированных. Они находились в разных районах морского театра военных действий. Особенно много их накопилось в Лужской губе, в Нарвском заливе, у островов Нарген, Гогланд.

Выставлял мины и свой родной Балтийский флот, авиация союзников. Так что уничтожение этого огромного количества мин требовало напряженной работы. Чем, собственно, и занимались дивизионы тральщиков. Отдыхать было некогда, тралили по 12–14 часов в сутки, а во время белых ночей и круглосуточно.

Перерывы бывали только в штормовую погоду. Но люди есть люди. При удобном случае пытались урвать часок-другой для отдыха. Так случилось и на этот раз. Шести тральщикам под руководством командира бригады приказали совершить переход через один из районов Моонзундского архипелага в порт Рохукюла. Кстати говоря, этот район один из самых сложных в навигационном отношении. Как назло в походе вышел из строя гирокомпас на их тральщике. Правда, Иван был «на стреме», вовремя перешел на магнитный компас, определил, что они уже прошли створы и неуклонно приближаются к мели.

Вовремя успели с командиром развернуть корабль. Вскоре открылись нужные створы, и они благополучно пришвартовались к стенке порта, где уже стояли другие корабли дивизиона. В порту находились танки, которые по приказу командования следовало перебросить на один из островов.

Сакулькин уже знал, что комбриг договорился с танкистами подбросить его, дивизионных специалистов, командиров кораблей в городок Хапсалу.

Говорили, там замечательные маленькие ресторанчики. Операция по переброске танков назначена на завтра, что же терять сутки на надоевших порядком посудинах.

Танкисты с радостью согласились, ибо сами были не прочь посетить эстонские ресторанчики.

И вот теперь Сакулькин стоял перед командиром.

— Иван, ну что тебя инструктировать, — улыбнулся капитан-лейтенант. — Все знаешь. Остаешься за меня. Если потянет в море, дождись командира. Вместе веселее будет.

— Так точно, товарищ командир!

Начальство уехало. На тральщиках остались молодые, неопытные офицеры, вчерашние выпускники военно-морских училищ.

Все шло своим чередом. Часа через два после отъезда командиров Иван выглянул на палубу. Холодный ветер ударил в лицо, небо заволокло темными тучами, на море поднялась волна. Явно надвигался шторм.

Тем временем ветер набирал все большую силу. Он разорвал носовой швартов третьего тральщика. Под ударами волн оторвавшиеся корабли стало разворачивать перпендикулярно стенке. Еще несколько таких ударов и корабли выбросит на камни. И первой жертвой будет их, крайний тральщик.

Лейтенант бросился на мостик, взял командование на себя и объявил тревогу на всех кораблях. Приказал запустить двигатели, правыми дать полный ход, левыми — назад. И тут же скомандовал: через корму четвертого тральщика перебросить носовой швартов на третий корабль. Остальные суда закрепить дополнительными швартовыми.

Однако даже самая верная команда — это еще полдела. Стихия не собиралась сдаваться. Но и Сакулькин с экипажами кораблей тем более. И все-таки моряки победили. Когда тросы были закреплены на носовых шпилях третьего и четвертого тральщиков, двигатели которых работали на пределе, началось тяжелое сближение бортов оторвавшихся друг от друга кораблей.

Через много лет, став уже адмиралом, он скажет: «Наше командование,

беспечно доверившее юнцам корабли и судьбы моряков, было спасено. Спасены и мы. Тот, кто знаком с морской практикой, может по достоинству оценить этот подвиг. Во всяком случае, командир дивизиона, узнав о происшествии, лично налил мне стакан спирта и заставил выпить его до дна. Трудно представить, что после этого было со мной, если учесть что в ту пору я не пил вовсе».

Трудно представить как раз другое: что произошло бы с кораблями и экипажами растеряйся тогда Сакулькин. А ведь он тоже был совсем молодым, «зеленым» офицером. К счастью, ему хватило мужества, твердости характера и знаний, чтобы взять ситуацию под контроль.

Были и другие, не менее интересные эпизоды в его морской службе. Когда, к примеру, в Галлинской бухте их экипажу поставили задачу провести испытание только что принятой на вооружение новой мины.

Акустическая, магнитно-динамическая, она должна была сработать после трехкратного прохождения над ней минного трала.

На мостике корабля во время испытаний находились высокие гости: ведущие конструкторы и флагманские специалисты во главе с начальником штаба флота. Датчики показателей работы механизмов мины фиксировались на шлюпке.

Первый же проход под миной показал: механизм сработал дважды. Судя по всему, один раз от самого трала, а перед этим от его магнитного поля. Значит, третий заход корабля станет последним.

Высокие гости на мостике забеспокоились. Эта нервозность передалась экипажу. Командиру корабля и его помощнику следовало срочно найти верное решение. Капитан-лейтенант Михайлин и лейтенант Сакулькин нашли его, предложили начштаба флота. Тот дал добро. Офицеры проложили курс, двинулись с запада на восток. Подойдя на безопасное расстояние к мине, резко свернули в северном направлении и застопорили ход.

В тот день дул северный ветер, трал обладал высокой парусностью за счет своей надводной части с множеством буев. Командир корабля и его помощник все рассчитали правильно: трал ветром вынесло на мину. Маневр удался. На радость всем прозвучал мощный взрыв.

Конечно же, служба есть служба, и не все, как говорят в народе, складывалось ладком да рядком. Самым трудным как раз оказалась не техника, а люди. Ведь матросы в большинстве своем были старше своего лейтенанта лет этак на пять-шесть. Да и по сроку службы во флоте тоже. Не раз пытались испытать молодого командира. То принесут для решения математическую задачку, то попросят помочь прочитать «флажный»

семафор с флагманского корабля, то и вообще выдвинут в капитаны сборной по шахматам. Однако из всех этих проверочных «схваток» Сакулькин неизменно выходил победителем. Помогала суровая жизненная школа, да и хорошие знания, полученные в военно-морском училище.

Постепенно накапливался опыт. Не всегда он был простым и легким. Флотская служба давала свои суровые уроки. Как-то перед сходом на берег, командир объявил о намеченном на завтра выходе в море. Время выхода — четыре часа утра. Иван решил прибыть на судно за два часа до отхода. Задумано — сделано.

И каково же было его удивление и искренняя досада, когда он увидел готовые к выходу корабли, а вдоль причала ходили разгневанные командир бригады и командир дивизии.

Разумеется, его оправдательный лепет комбриг выслушал с трудно скрываемым возмущением, и сказал в сердцах, что лейтенант — преступник, задержавший выход кораблей в море. Пообещал суровое наказание, но после возвращения на базу. В тот период Сакулькин исполнял обязанности дивизионного связиста вместо ушедшего в отпуск офицера.

Лейтенант понимал, что теперь его судьба зависит от результатов учений и его действий в походе. И он постарался. Получил самую высокую оценку за свою работу, и комбриг больше не вспоминал о том досадном происшествии. Ну, а Сакулькин твердо усвоил — уходя на берег, оставляй на корабле адрес, где ты будешь находиться, дабы при необходимости тебя могли разыскать.

В 1950 году Ивану Сакулькину предложили поступить в академию. Правда, не в военно-морскую, а в военно-дипломатическую. Он с радостью согласился.

Среди своих сокурсников Иван оказался самым молодым. Но это не смутило офицера. Сакулькин старался по-настоящему освоить новую для себя профессию и, как показало время, это ему удалось.

## Водитель «Линкольна»

В 1954 году, по выпуску из академии, его определили в аппарат военно-морского атташе в США. Однако предстояла еще выездная комиссия Главного разведуправления, которая должна была утвердить это решение.

Она, как правило, проводилась под руководством первого заместителя начальника ГРУ, с участием кадрового органа и, соответственно, руководителей американского управления.

Сакулькин, разумеется, слышал, как обычно проходят заседания комиссии, и даже пытался угадать, какие вопросы будут задавать. Вопросов было много. Он отвечал как можно увереннее и тверже. И только, пожалуй, один вопрос смутил его.

— А как вы относитесь к выпивке? — неожиданно спросил его седой и, как казалось тогда Ивану, достаточно пожилой генерал.

— Да как всякий уважающий себя и общество нормальный человек, — схитрил офицер.

Ответ, видимо, не удовлетворил генерала, и он решил уточнить некоторые детали.

— Представьте себе, я пригласил вас в ресторан. Сколько бутылок коньяка вы можете со мной выпить?

— Во-первых, спасибо за приглашение, товарищ генерал. Услышав ответ, присутствующие заулыбались.

— Думаю, что двух бутылок коньяка нам вполне хватит. Третью заказывать не стоит. Иначе, простите за такую пикантную подробность, мне придется тащить вас на своих плечах, товарищ генерал. Вот тут я боюсь не справиться.

Судя по оживлению среди членов комиссии, ответ им понравился. Напоследок кто-то спросил его с укором:

— Сакулькин, а ведь вы могли и лучше закончить академию.

— Мог. Но не повезло. На первом курсе получил тройку по марксистско-ленинской философии.

— Значит, не выйдет из вас философа, — усмехнулся председатель комиссии, — Главное, чтобы разведчик вышел.

После заседания комиссии состоялось назначение, и Иван Сакулькин приступил к подготовке. Она длилась три месяца. Главное, на что обращалось внимание — иностранный язык и вождение автомобиля. Ведь

ему предстояло занять должность водителя аппарата военно-морского атташе.

По окончании подготовки Ивану предстояло получить гражданскую одежду. В то время денежное довольствие армейских и флотских офицеров было не велико и большинство из них не имели штатской одежды.

Военная разведка подумала об этом. И потому перед отъездом за границу экипировало своих зарубежных работников. На складе Министерства обороны они получали добротную по тем послевоенным годам одежду- драповое пальто, шерстяной костюм, две рубашки, галстук, ботинки, шляпу и даже чемодан. Правда, все вещи были пошиты из одного материала, и походили друг на друга, как две капли воды. Разве что пальто различались по цвету. Хочешь, бери коричневое, а хочешь серое. Так же и со шляпами — серого или зеленого цвета.

Экипировка советских дипработников той поры — находка для контрразведки. Заморские «контрики» могли безошибочно определить в какой «конторе» служит их подопечный.

День отъезда был намечен на 3 декабря 1954 года. Вся одежда семьи Сакулькиных запросто уместилась в том самом казенном чемодане — офицерская форма Ивана, два платья жены, да распашонки сына. И «Красная стрела» унесла их в Ленинград. Сутки в гостинице, экскурсия по городу, и на следующий день их отвезли в порт, где у пристани был пришвартован теплоход «Белоостров».

До Лондона им предстояло семь дней пути. Иван, как флотский офицер, сразу определил, сколь стар и изношен теплоход. Правда, в помещениях судна был полный порядок: ковры в коридорах, столовая, бар. На столах белоснежные скатерти.

Меню «Белоострова» потрясало — шпроты, семга, балык, икра зернистая, осетрина, колбаса, шейка, различные салаты, вино грузинское, молдавское. И все это входило в стоимость билета. За исключением, конечно, крепких напитков. Впрочем, они продавались в баре: водка, коньяк, джин, ром, виски.

Но бар для будущего офицера аппарата военного атташе был недоступен, как высокое небо. Щедрые финансисты Главного разведуправления выдали ему на дорожные расходы от Москвы до Нью-Йорка. 20 долларов.

Через несколько часов после выхода в море пароход попал в шторм. Крутая морская волна захлестывала палубу, мостик и даже рубку капитана.

Иван беспокоился за жену и маленького сына. Пассажиры и некоторые члены экипажа страдали от морской болезни.

Первой остановкой корабля стала столица Швеции Стокгольм. Сакулькин с семьей сошел на берег. Поразило обилие магазинов, а в них — товаров и продуктов. Ничего подобного не было в ту пору в Советском Союзе, чудовищно пострадавшего от войны.

На следующий день корабль, снявшись со швартовых, вновь вышел в штормовое море. Наконец, они достигли Лондона, поездом добрались до Саутгемтона и погрузились на комфортабельный лайнер «Мавритания», который курсировал между Британией и США. Через несколько дней пути прибыли в Нью-Йорк, потом в Вашингтон.

*«Утром, — вспоминал Иван Павлович Сакулькин, — меня отвезли в здание военных атташе, расположенное на Белмонтрауд. Это четырехэтажное здание подарил нашей военной миссии во время Второй мировой войны один из американских военных моряков, который питал симпатию к советскому народу.*

*Военным атташе был полковник Николай Колкин, военно-воздушным — полковник Бочинский, военно-морским — капитан I ранга Федор Преснаков. Все руководители аппаратов на военно-дипломатической службе были людьми случайными. До назначения в США занимали достаточно высокие посты в Вооруженных силах, но не имели перспектив служебного роста и это, видимо, послужило причиной их направления на зарубежную работу.*

*Языка они не знали, правил дипломатического этикета, местных обычаев тоже, не разбирались в элементарных военно-политических вопросах.*

*Естественно, авторитет среди диппредставителей других стран был невысок, их практически игнорировали военные руководители Пентагона.*

*В сложившихся условиях роль таких руководителей в организации деятельности подчиненных оказалась незавидной.*

*Мы, молодые офицеры-разведчики, были вынуждены действовать самостоятельно, допуская ошибки и просчеты, за что жестоко расплачивались. С другой стороны предоставленная нам полная свобода и возможность проявить инициативу заставили нас мыслить более масштабно, находить решения вопреки сложившимся догмам и стандартам».*

Все это понял и осмыслил Иван Сакулькин позже, а сейчас ему предстояла большая работа по совершенствованию английского языка, изучению города и обретению должного опыта вождения автомобиля по улицам Вашингтона.

Языком с ним занималась госпожа Пек, милая и добродушная старушка, которая вручила Ивану брошюру под редакцией Диксона с типовыми американскими выражениями. Потребовала выучить брошюру наизусть. Он выполнил требования.

Старушка рекомендовала следующую брошюру. Иван Павлович и сам понимал, сколь важен язык. И потому делал все, чтобы освоить его как можно быстрее — посещал кинотеатры, слушал радиопередачи и, главное, постоянно общался с местными жителями. К завершению первого года пребывания Сакулькин добился серьезных результатов в совершенствовании английского. Он обошел многих коллег, выпускников института иностранных языков.

Практики вождения автомобиля «Победа» по улицам Москвы тоже было явно недостаточно. В американской столице движение автотранспорта более интенсивное и напряженное, да и машины отличались от советских и габаритами, и мощностью моторов. Пришлось переучиваться и осваивать новую технику. На все ушло две недели, после чего Сакулькин занял водительское место в представительском «Линкольне» военно-морского атташе. Первую поездку он совершил в советское посольство, расположенное в нескольких кварталах от Белого дома на 16-й улице округа Колумбия в Вашингтоне.

Однако Сакулькин был офицером молодым и амбициозным. И он понимал, что перевозка атташе и его жены в разные уголки столицы — дело и нужное, но судить о нем в Центре будут не по умению маневрировать «Линкольном», а по реальному вкладу в деятельность резидентуры. Надо было начинать эту работу. Но с чего ее начинать?

В академии учили, что начало всему — оценка оперативной обстановки в стране пребывания. Успех решения поставленных на командировку задач во многом зависит именно от нее. А вот тут, откровенно говоря, похвастаться было нечем.

## Не ради американских красот

«Холодная война» уже набрала темп. В прессе, на радио нагнеталась обстановка шпиономании и антисоветизма. На забыли американцы еще не столь давнюю кампанию реакционного сенатора Маккарти. Именно он объявил беспощадную борьбу с международным коммунизмом.

В Белом доме в тот период находился президент Дуайт Эйзенхауэр. Будучи человеком военным, прошедшим Вторую мировую, в первые годы после победы он высказывался за установление дружественных отношений с СССР. В 1945 году он сказал: «Русские очень дружественно настроены. Я убежден, что они хотят мира.» Но уже через два года Эйзенхауэр заявил: «... Мы должны признать тот суровый факт, что дух сотрудничества пошел на убыль. Мир разбит на два лагеря.»

И тем не менее, какой бы сложной ни была оперативная обстановка, разведчику надо работать. А Сакулькин официально трудился водителем военно-морского атташе. Потому он старался как можно чаще бывать в городе, легендируя свое пребывание там сугубо хозяйственными заботами по обслуживанию начальника и его жены.

По несколько раз днем, вечером выезжал на бензоколонки для заправки автомашин, на станции техобслуживания, в магазины, кинотеатры, в парки, в места проведения спортивных мероприятий. Везде старался устанавливать контакты, объясняя это желанием совершенствования языковой практики и изучения культурных и национальных традиций страны.

Столь частые выезды в город и выполнение мелких хозяйственных забот убедило, в конце концов, контрразведку, что этот шустрый молодой человек есть истинный шофер. И «топтуны» из ФБР оставили его в покое, хотя за другими сотрудниками аппарата «топтались» днями, а порою и неделями.

Все это давало возможность обзавестись знакомыми, а с некоторыми из них и установить доверительные отношения.

Как-то возвращаясь домой, Иван Павлович разговорился с таксистом, который его подвозил. Водитель оказался русским. Уехал из России после Октябрьской революции. В царские времена его отец был командующим одного из императорских флотов.

Таксист, узнав, что Сакулькин русский, да еще из Советского Союза, усердно расспрашивал Ивана о нынешнем состоянии страны, о победе над

фашизмом, сам с ностальгией вспоминал Петербург.

Сакулькин старался рассказать самое лучшее о советской стране: красочно живописал о гигантских стройках, говорил о том, как бережно охраняются и реставрируются исторические здания, памятники прошлого, как развиваются заводы и фабрики, улучшается жизнь на селе.

Таксист внимательно слушал рассказ, потом затормозил у обочины машину, заглушил двигатель и неожиданно заплакал. Откровенно говоря, Иван не ожидал такой реакции, но сразу понял — слезы случайного собеседника были искренними. Расстались они добрыми знакомыми и договорились встретиться еще раз.

На следующую встречу таксист пришел не один. Он привел своего друга, тоже русского, который занимал высокую должность в одном из министерств США, являлся членом республиканской партии и поддерживал дружеские отношения со многими влиятельными представителями этой партии.

В США новый знакомый Ивана (назовем его Джоном) оказался в 1922 году после окончания института Востоковедения, который в ту пору находился во Владивостоке.

Его, молодого и романтического юношу, позвала в Америку любовь. Он влюбился в однокурсницу, которая вместе с богатыми родителями уехала сначала в Харбин, потом в США. Юноша проделал тот же путь и оказался за океаном без средств к существованию. Чтобы выжить, брался за самую грязную и низкооплачиваемую работу. Одновременно учился в Стэнфордском университете. Таковы были требования родителей невесты, они не хотели выдавать замуж дочь за голодранца.

И все же, обладая большим трудолюбием и незаурядным талантом, Джон добился своего. Однако совместная жизнь была не продолжительной. В США даже выпускнику престижного университета без надежных связей не сделать карьеру. Жена же, привыкшая к богатству и роскоши, ждать не желала, пока муж выйдет в люди, и вскоре подала на развод, а потом вышла замуж за миллионера.

Джон так и остался холостяком. С годами пришли успех, деньги, но ему хотелось чего-то большего для утверждения собственной личности. Например, оказать помощь своей родине, которую он когда-то с такой легкостью покинул, но мечтал вернуться домой.

Он хорошо знал цену «американской демократии». Если бы обратился в советское посольство с просьбой о возвращении в СССР, его тут же выгнали бы с престижной должности в министерстве, а потом начались бы преследования не только его самого, но и друзей, знакомых, коллег по

работе.

Джон был первым человеком на американском континенте, который ввел молодого военного разведчика в обстановку.

*«Я искренне благодарен ему, — скажет с годами Иван Павлович. — Он подробно и точно охарактеризовал крупных государственных деятелей США, их связи в промышленных кругах, раскрыл секреты американской политической кухни, главных «поваров» на ней, кто за ними стоит и чьи интересы они защищают, что скрывается за яркой вывеской свободы и демократии.*

*Важными и весьма перспективными были его рассказы о русской колонии в Вашингтоне: где собираются эти люди, о чем говорят, каких взглядов придерживаются.*

*От него я узнал о судьбах многих выдающихся русских ученых, оказавшихся за океаном и внесших выдающийся вклад в развитие американского общества: ученого-химика Игнатьева, архитектора Сорокина, конструктора вертолетов Сикорского, создателя самолетов Северского, электронщика Сарнова».*

Джон, пользуясь своим высоким положением в министерстве и в партии, добывал очень ценные материалы по военно-политическим и экономическим вопросам.

Однако надо сказать, что найти подобных Джону людей в США оказалось непросто. Американцы были столь оболванены официальной пропагандой, что в каждом русском видели шпиона. Кто-то, узнав, что Иван из Советского Союза, шарахался от него, как черт от ладана, но были и другие, «тихие американцы». Встречу с таким он запомнил на всю жизнь.

Как-то тщательно проверяясь на маршруте, нет ли за ним слежки, Иван Павлович заглянул в бар. Оглядевшись, попросил разрешения у одиноко сидящего американца разделить с ним компанию. Тот согласился. Выпили. Завязался разговор. Собеседник спросил, кто он, откуда. Иван представился как сотрудник аппарата советского военно-морского атташе. Новый знакомый изменился в лице, неожиданно вскочил и громко, перекрикивая шум, взвизгнул:

— Господа! Среди нас русский шпион. Прошу лично познакомиться и высказать свое мнение по поводу того, что мы думаем о нем.

Что тут скажешь? Это был удар под самый вздох. Сакулькин поначалу растерялся, но, быстро собравшись, ответил американцу так же громко и уверенно:

— Господа! Мой собеседник прав, за десять минут беседы мне удалось выторговать у него за миллион долларов миниатюрный бритвенный

прибор. Готов закупить у присутствующих в зале и другие предметы домашнего обихода.

В зале раздался хохот, хлопки аплодисментов. Иван оказался в центре внимания. К нему подходили американцы, жали руку, выражали симпатию, некоторые извинялись за бестактность соотечественника.

Потом подошел высокий американский сержант, представился солистом армейского хора и на ломаном русском языке исполнил «Катюшу». Обстановка разрядилась.

Однако засиживаться в баре было не досуг, так как Иван знал: наряду с нормальными людьми найдутся и такие, как его недавний собеседник, которые быстро сообщат о нем в ФБР. Он попрощался с окружающими и покинул бар.

Поиск источников развединформации, изучение их, разработка, вербовка в чужой стране — это всегда хождение по краю пропасти. Особенно, если ты молод, горяч и недостаточно опытен.

Хаживал по краю такой пропасти и капитан-лейтенант Сакулькин.

Однажды в ресторане «Макдональдс» он познакомился с американским сержантом и его женой. После приятной беседы супруги пригласили выпить по кружке пива в одном из ночных клубов. Они предложили следовать за их машиной. На улице уже было темно и Иван, доверившись новым знакомым, заехал вслед за ними на территорию какой-то воинской части. Правда, поначалу он в темноте ничего толком не разглядел, и догадался об этом лишь оказавшись в сержантском клубе, где веселилась военная молодежь со своими подружками.

Сакулькин попытался объяснить, что ему запрещено посещать военные объекты, и поход в бар может закончиться самыми печальными последствиями для обоих. Однако сержант никакие уговоры не принимал. Ему просто хотелось угостить этого симпатичного русского. И только после того, как в клубе завязалась драка и вскоре должна была приехать военная полиция, жене сержанта удалось уговорить его покинуть помещение. Уезжая из части, они слышали вой подъезжающих к клубу полицейских машин.

В последующем с сержантом и его женой у Ивана сложились доверительные отношения, и они, встречаясь, под общий хохот, поднимали тост за проведение божье, избавившее их от лишних хлопот.

С одним из будущих агентов Ивана Павловича познакомил, его двухлетний сын. А случилось это так. Чета Сакулькиных вместе с маленьким сыном приехала в магазин за продуктами. Увлечшись выбором фруктов, они потеряли из виду сына и бросились его искать по огромному

супермаркету. К счастью, вскоре увидели своего ребенка. С ним пытался заговорить какой-то американец. Подойдя к ним, Сакулькин извинился за оплошность и объяснил, что он работник советского посольства, а его сын не говорит по-английски.

Американец внимательно выслушал взволнованного отца, понимающе улыбнулся и протянул Ивану визитную карточку. Попросил навестить его. Сказал, что будет рад пообщаться. Сакулькин отметил: американец говорил вполне искренне и заинтересованно.

Через некоторое время Иван Павлович, прихватив бутылку «Столичной», банку икры, приехал по указанному в визитке адресу.

Хозяин был дома. Он с радостью принял гостя. Достаточно большая квартира напоминала скорее не жилище, а склад радиоэлектронной аппаратуры. Сомнений не было: новый знакомый занимался именно тем, что написал в своей визитке — «свободный торговец радиотоваров».

Они с удовольствием выпили по рюмке водки, и хозяин поведал грустную историю своей жизни. Нет, он не всегда торговал радиоэлектроникой. Прежде занимал ответственные посты, имел влиятельные связи как в правительственных, так и в промышленных кругах (впрочем, как заметил он, связи эти поддерживает и поныне), и был даже знаком с президентом США.

А потом он приобщился к выпивке. Его уволили с работы, от него ушла жена и теперь он торгует радиотоварами.

Иван Павлович, откровенно говоря, не очень поверил рассказу нового знакомого, особенно насчет знакомства с президентом. Мало ли чего наговорит человек под рюмку водки.

Выпили по второй, третьей. Собеседник хмелел. Он стал рассуждать на политические темы. Сказал, что ему вовсе не нравятся коммунисты и завел весьма популярную среди американцев антисоветскую песню. Иван категорически не соглашался с хозяином дома. Не стесняясь заявил, что тот, как и многие в США, зомбирован прессой, которая однобоко и агрессивно пишет об СССР. «Свободный торговец» умолк и внимательно слушал Ивана, потом как-то сразу отрезвел и неожиданно предложил показать документы. Сакулькин показал.

Американец внимательно изучил их и, видимо, убедившись в подлинности, попросил прощения за весь этот спектакль.

— Что делать, меры предосторожности не лишние. Мне очень не хочется, чтобы на вашем месте оказался агент ФБР, — сказал он.

Сакулькин ответил, что очень хорошо его понимает и разлил водку по рюмкам. Новый знакомый вытащил из стола альбом.

— Прошу, — и он открыл нужную страницу, — вот я, а вот президент США. А это госсекретарь. Ведь скажите правду, вы не очень поверили в мои байки.

«В проницательности этому человеку не откажешь», — подумал Иван, разглядывая фото.

— Я был разведчиком. Много лет работал в Европе. Судя по-моему окружению, работал неплохо.

Действительно, фотоархив «свободного торговца» был очень убедителен, и у Ивана не осталось сомнений в том, что все, сказанное ранее, правда.

Последний тост был за дружбу. При расставании хозяин дома вручил Ивану увесистый пакет и сказал:

— Если что-либо из содержимого понравится тебе или твоему начальству, — ион ткнул пальцем вверх, — готов приобрести любую интересующую вас вещь. Поверьте моему опыту, здесь много замечательных поделок.

Возвратившись в аппарат атташе, Сакулькин внимательно изучил подарки «свободного торговца». Он и вправду не обманул. Тут действительно было много «замечательных поделок» и, в первую очередь, каталоги крупнейших американских фирм, поставщиков Пентагона. В дополнение к подаркам его новый знакомый, видимо, в подтверждение полезности их будущего сотрудничества приложил техническое описание новейшей радиолокационной станции.

Конечно, работа советских военных разведчиков в США состояла не только из многочисленных встреч, знакомств, общений, из которых потом вырастали доверительные отношения, дружбы, вербовки. Важнейшей заботой было изучение театра военных действий. Для этого офицеры Вашингтонской резидентуры совершали регулярные поездки по стране.

Делать это было непросто. Ведь режим передвижения сотрудников советских учреждений регламентируется Госдепом США. В каждом штате есть закрытые для посещения районы, вокруг городов Вашингтон, Нью-Йорк и Сан-Франциско установлены 25-мильные зоны. Любой выезд за пределы этой зоны классифицируется как поездка по стране. Необходимо предварительное уведомление.

Словом, американцы устраивали всевозможные препятствия для передвижения советских военных атташе и офицеров их аппаратов по стране. Что ж, приходилось преодолевать эти препятствия.

В апреле 1956 года старший помощник военно-морского атташе подполковник Сергей Федоров и офицер аппарата капитан-лейтенант Иван

Сакулькин, получив разрешение Пентагона, вылетели в город Сиэтл. Там арендовали автомобиль и три недели путешествовали по штатам Вашингтон и Орегон. При этом заявленный маршрут не нарушали и никуда от него не отклонялись. Тем не менее, их поездка наделала много шума и стала причиной для обсуждения в конгрессе США.

Чтобы понять, чем же были возмущены конгрессмены, приведем отрывки из речи сенатора из Вашингтона Уоррена Дж. Магнасона.

*«Господин председатель! — возмущался Магнасон. — Я обращаю внимание конгресса на ситуацию, которую считаю очень необычной...»*

*В моем штате в течение последней недели произошел ряд событий, которые наглядно продемонстрировали вопиющие недостатки в нашей системе безопасности. Двое военных атташе, не обыкновенные русские гости, а военные атташе из посольства СССР, лица, интересующиеся вопросами обороны, появились в северо-западных районах Тихоокеанского побережья США, имея при себе разрешение Госдепартамента. Их имена — подполковник Федоров С. С. и капитан-лейтенант Сакулькин И. П.*

*В ходе поездки русские посетили районы расположения наиболее важных военных объектов США.*

*Сперва они побывали в Сиэтле, где выпускаются стратегические бомбардировщики Б-52 и где можно найти всю техническую документацию и другие данные, связанные с его разработкой и производством... Б-52 является одним из самых современных и секретных американских самолетов.*

*Они прибыли в Сиэтл, объехали завод «Боинг» и другие объекты, которые не мог бы посетить без санкции военных не только обычный американец, но даже сенатор.*

*Далее русские перебрались через залив Бремертон. Этот город, по непонятной причине, для них оказался открытым, хотя здесь находятся крупнейшая в мире военно-морская верфь, основная ремонтная база ВМС США и наибольшее количество кораблей и судов на консервации.*

*В Бремертоне они, по-видимому, взяли лодку и обошли на ней всю акваторию верфи.*

*Затем русские атташе изъявили желание посетить ряд мест в графстве Китсэп, куда не заезжают обычные туристы, а также Бангор и Кипорт. В Бангоре размещен один из крупнейших складов боеприпасов, Кипорт является крупным научным и промышленным центром, где осуществляется разработка и производство торпед.*

*Я не знаю, были ли русские на самих объектах, но они, безусловно, имели возможность изучить все, что с ними связано. Так, по поступившим*

данным, они скупали все карты, которые смогли найти, для чего даже вступили в ассоциацию «ААА», что совсем не обязательно, так как эти карты можно приобрести на любой заправочной станции.

Далее военные атташе арендовали автомашину и направились через графство Кинг на север в графство Снохомиш... Там развернута секретная мощная радиостанция, обеспечивающая связь в пределах всей тихоокеанской зоны.

Понимая, что они не смогут проехать через графство Китсэп на автомашине, русские пересекли его на автобусе, а затем вновь арендовали автомобиль и продолжили путешествие на север. По пути они имели возможность наведаться в район базы ВМС Уйтби Айленд, где проводится обработка секретных методов ведения боевых действий флота и авиации».

Когда в резидентуру доставили текст речи сенатора и офицеры сделали перевод, Сакулькин убедился, что Магнасон, конечно же, не без помощи спецслужб достаточно хорошо отследил маршрут их передвижения.

Действительно, после базы Уйтби Айленд они поехали в Беллингхэм, потом в Колумбию. Там большое количество дамб, плотин, завод по производству алюминия. Далее был полет в Такому, один день в Бремертоне. Что ж, сенатор верно подметил, что «ни один человек, который едет в эту живописную местность, не выберет такого места, как Бремертон, так как кроме нашей крупнейшей военно-морской базы там ничего нет».

Следующим пунктом назначения стал Порт Очард. «Интересно, почему два советских военных атташе захотели посетить маленькое местечко Порт Очард, находящееся в 3000 миль от Вашингтона?» — вопрошал сенатор.

Он еще долго перечислял местечки, городки, острова, через которые пролегал путь советских офицеров. Закончил Магнасон свою речь словами: «Определенно, их поездка была самой вызывающей из когда-либо предпринятых поездок по США этой категорией лиц».

Потом оповестил конгресс, что по поводу инцидента обратился с письмом в Госдепартамент, в Министерство обороны, в Министерство юстиции и, конечно же, в ЦРУ.

Разумеется, выступление Магнасона сопровождалось многочисленными публикациями в прессе. Ситуация была неприятная и по оценкам посольства могла закончиться для Федорова и Сакулькина высылкой из США. Однако ничего этого не случилось. Госдеп все взял на себя, правда, закрыл на длительное время штат Вашингтон для посещения советскими представителями.

Однако эта шумиха не остановила разведчиков. Поездки продолжались. Во всяком случае, Сакулькин успел посетить 30 штатов из 50. Понятно, что совершались они не ради американских красот.

Весной 1958 года завершилась первая зарубежная командировка Ивана Сакулькина. Случилось так, что билетов туристического класса не оказалось, и ему было дозволено совершить возвращение из США в Европу первым классом на знаменитом морском лайнере «Куин Элизабет».

Шесть дней пути и корабль пришвартовался во французском порту Шербур. Оттуда по железной дороге в Москву. В Центре Иван Павлович долго не задержался. Уже через полтора года он — помощник, а потом и старший помощник военного атташе в Великобритании. Это будет его вторая командировка. Потом третья и четвертая, опять в США.

По возвращению из последней командировки контр-адмирал Иван Павлович Сакулькин возглавит управление в ГРУ Генштаба.

В 1991 году уйдет в отставку.

## Хождение за три границы

В кабинете инженера авиабазы «Анадырь» зазвонил телефон.

— Товарищ старший лейтенант, докладывает дежурный по КП.

— Да, слушаю, — ответил инженер Василий Ловчиков.

— На подлете полк Мясищевых.

— Не понял?

— Вы меня слышите? — дежурный надавил на голос, — через десять минут самолеты будут над нашим аэродромом.

— Да, как же это? — выдохнул в трубку Ловчиков. Трубка молчала.

— Начальнику штаба доложили?

— Пытались несколько раз. Телефон не берет. Дежурный по части не знает, где он.

— Твою мать! — выругался Ловчиков.

— Даем посадку? — уточнило КП.

— У нас что, есть выбор?

Через десять минут, как пообещал дежурный по КП, первый бомбардировщик М-3 стал заходить на посадку.

Что-то не сработало в отлаженном армейском механизме, произошел сбой. Обещали одно время прибытия, а на деле вышло другое.

В тот день рано утром командир авиабазы вызвал к себе инженера Ловчикова.

— Значит так, — сказал он. — Остаешься за старшего инженера. За меня будет начштаба. Мы летим в Маркино, проверить запасной аэродром. Остальное ты знаешь.

Командир и старший инженер сели в машину, хлопнули дверьми, укатили. К прилету Мясищевых обещали вернуться. Но теперь, судя по всему, вернуться только к отлету. В лучшем случае.

«Ладно, — подумал Ловчиков, — примем. Не впервой».

Действительно, авиабаза постоянно принимала, обслуживала и отправляла самолеты. В том числе и лайнеры гражданской авиации. Правда, такого количества самолетов одновременно авиабаза не принимала никогда прежде. Впрочем, со времен Второй мировой войны и обстановки такой даже в кошмарном сне присниться не могло. Стоял октябрь 1962. В разгаре Карибский кризис.

В середине мая Генеральный штаб разработал план проведения секретной военно-стратегической операции. Название ей дали «Анадырь».

Почему «Анадырь», теперь уже трудно установить. Возможно, хотели отвлечь внимание главного противника — США — от броски на Кубу. Ведь переместить предстояло крупную группировку войск, оружия, техники. Что, кстати говоря, удалось сделать весьма успешно.

Впрочем, есть и другое мнение. К началу 60-х годов СССР окружили натовскими базами. Только что в Турции, считай, у нас под носом, установили ударные комплексы средней дальности «Юпитер». А чем могли ответить мы? Да, посуществу, ничем. Ведь неспроста на одном из совещаний самого высокого ранга генеральный конструктор Сергей Павлович Королёв сказал: «На случай ядерной войны оружия у нас нет».

В какой-то мере палочкой-выручалочкой могла стать дальняя авиация, а аэродромом подскока авиабаза «Анадырь», с помощью которой мы и могли нанести ответный ядерный удар. Самолеты, стартовавшие с ее взлетной полосы, были способны доставить атомное оружие на территорию противника, и потому у базы была своя исключительно важная задача: принять эти самолеты, подготовить их к дальнейшему полету, осуществить заправку топливом, оснастить ядерными бомбами и отправить в дорогу. И вот теперь флагман авиагруппы заходил на посадку.

«Поскольку на меня были возложены обязанности старшего инженера по авиационно-инженерной службе, — вспоминает Василий Ловчиков, — то за прием, посадку самолетов и дальнейшие работы отвечал я. В подчинении — начальник группы и два инженера: по электрооборудованию и по вооружению. Все трое со средним техническим образованием. У меня — высшее, да к тому же я был секретарем партийной организации.

В общем, первый самолет идет на посадку. А у М-3 авиаконструктора Мясищева шасси велосипедное, размещено под фюзеляжем, а также выдвигается из-под крыльев. И надо же такому случиться, у этой машины не вышло колесо из-под правого крыла. Самолет срезал фонари вдоль взлетно-посадочной полосы и вылетел в тундру. А вес-то огромный, 300 тонн. Прибегает начальник группы обслуживания с круглыми глазами: «Что будем делать, инженер?»

А самолеты уже над аэродромом, ходят по кругу. Топливо кончается, им надо давать посадку, но первая машина перекрыла полосу».

Что тут скажешь? Старший лейтенант Ловчиков в далеком Анадыре попал в поистине фронтową обстановку. Страна на грани третьей мировой. Бомбардировщики должны быть обслужены и подготовлены к взлету с ядерным оружием, поскольку команда стартовать могла прозвучать в любую минуту. Вместо этого они кружат над аэродромом. А перед Ловчиковым стоит испуганный начальник группы, с извечным русским

вопросом «Что делать?»

— Садимся в машину и на взлетку! — решает Ловчиков.

По дороге выясняется, что с техническими возможностями авиабазы тяжелый бомбардировщик удастся вытащить часа через два. И это самый оптимистичный прогноз.

Однако в бочке дегтя была и ложка меда: самолет съехал с полосы уже в конце пробега и перекрыл рулежную дорожку.

— Главное, сесть они смогут? Хватит ВПП до рулежки?

— Должно хватить.

Разговор их прервал резко затормозивший автомобиль. Водитель показал вперед, через переднее стекло. На выезде стоял часовой с автоматом. Он скинул руку и выразительно снял с плеча оружие.

— Ну, ты посмотри, шустряки, — выругался за спиной начальник группы, — уже караул выставили.

— Служба у них такая, — вздохнул Ловчиков, вылезая из «уазика».

Часовой, который перекрыл дорогу, принадлежал подразделению спецвооружения. База, на которой хранились ядерные боеприпасы, находилась рядом, но даже офицеры, прослужившие тут не один год, мало что о ней знали.

Перед посадкой самолетов караул базы перекрывал все подходы к машинам, и ядерные бомбы доставлялись на аэродром. Теперь наступил такой момент.

Ловчиков попросил позвать командира. Когда тот вырос из-за спины часового, коротко сказал:

— Видишь самолеты?

— Вижу.

— У них горючка кончается.

— А тот самолет в конце полосы наблюдаешь? Офицер кивнул.

— Его вытаскивать надо. Ох, тяжелая это работа, из болота тащить бегемота. Понял? Тогда быстро убирай сцепление. Ваше время еще не пришло.

Сцепление убрали. Самолеты пошли на посадку. К счастью, все закончилось благополучно. Бомбардировщики приземлились, и специалисты базы начали их осмотр, фиксировали отказы технических средств, старались устранить их быстро и качественно.

Но, как говорят, беда не приходит одна. Не успел Ловчиков распрощаться с начальником группы обслуживания, как с тем же вопросом прибежал капитан, начальник службы горюче-смазочных материалов.

— У нас заправщики десятитонные?

Василий усмехнулся, ну и вопросы задает ГСМщик. Конечно, десятитонные.

— А в каждый самолет надо закачать по сто тонн топлива. Да мы месяц качать будем!

— За месяц американцы от нас и тряпок не оставят. Ну и какой выход?

— Выход есть. — замялся капитан, — но он, как бы это помягче сказать.

— Говори как есть. Тоже мне, дипломат выискался.

— Я бы его назвал... расстрельным, Вася.

ГСМщик почесал в затылке и начал объяснение. Оказалось, под все стоянки самолетов уже подведен топливопровод, но он не принят в эксплуатацию госкомиссией. То есть запускать его в работу нельзя.

Ситуация, откровенно говоря, была безвыходная: не сумеи он заправить — трибунал. Отдай команду задействовать трубопровод. А если там какая неполадка, недоделка, к примеру, вода попадет в топливо, и дальний бомбардировщик, не дай Бог, потерпит катастрофу. Тоже трибунал. Выходит, куда не кинь, везде трибунал.

— Вот что, капитан, — сказал Ловчиков, — ставь свой десятитонник-заправщик, прокачивай трубопровод, но через каждую тонну снимай отстой. Если увидишь воду, заправлять не будем, если керосин — запускаем трубопровод.

— Без госкомиссии?

Василий взглянул на начальника ГСМ: ну, что ему ответить?

— Я твоя госкомиссия. — сказал он глухо, едва слышно. — Да и еще. На каждый заправочный выход поставь вместо одного два фильтра.

Так и сделали. Трубопровод прокачали. К счастью, воды в топливе не оказалось. Самолеты заправили. И тут нежданно-негаданно появился начальник штаба. Напористый, уверенный. Издали, хорошо поставленным командирским голосом, окликнул Ловчикова.

— Как у нас тут дела, инженер? Все путем?

— Путем! Только без тебя. Где был?

Волна обиды и злости подкатила к горлу. Начштаба, видимо, не ожидал такого напора, в первую минуту растерялся, не зная, что и сказать.

В такие моменты Василий не смотрел ни на звания, ни на должности. Будь ты хоть полковником, хоть генералом, неважно, сколько у тебя звезд на погонах, главное другое — как ты поступил. Бежал со своего капитанского мостика, спрятался от ответственности, переложил ее на чужие плечи, а теперь вылез и решил покомандовать. Именно такой человек стоял сейчас перед ним: облаченный властью, старший по званию,

но трус. И этим все сказано.

У Ловчикова уже встречалось в жизни нечто подобное. Несколько лет назад, во время службы в Быхове, что в Белоруссии, где дислоцировался их гвардейский полк морской авиации, устроили учения. Руководил учениями сам министр обороны.

Незадолго до этих событий командира полка Руденко назначили замом комдива, а часть возглавил подполковник Павловский, кстати говоря, племянник генерала армии Павловского.

*«Руденко был блестящий командир, — вспоминает Ловчиков, — а Павловский не считался ни с чем, рисковал, рвал тельняшку, лишь бы стать генералом. И вот поднимают полк, большие учения, министр. Самое время показать себя.*

*Полку поставлена задача: в определенной точке осуществить бомбометание. Но не простое бомбометание, а сброс, как говорили тогда, изделия, то есть атомной бомбы. Разумеется, бомбы не было, ее заменял имитатор, но ответственность все равно огромная. Кому доверить выполнение? Конечно же, комполка Павловскому. А штурманом у него был Герой Советского Союза майор Капустин.*

*Несмотря на это, бомбу с первого захода они не сбросили, получилось только со второго раза. А признать свой просчет не желают. Духу не хватает. Прилетели, и в докладных пишут, что отказал бомбоприцел. Значит, виноват лейтенант-инженер Ловчиков. Рассчитывали, что я промолчу, утрусь.*

*Я говорю: «Извините, если бы прицел отказал, вы бы и во второй раз не сбросили. Давайте разбираться». Чувствовалось, что разбираться им, ох, как не хочется. Но что поделаешь, пошли на стенд.*

*Пришлось разложить все по полочкам и указать, где и когда ошибся майор Капустин. Да, Герой, да, штурман полка, но ошибся: не отдал рукоятку от себя, не включил сервомотор и все зависло».*

Закончив разбор, лейтенант Василий Ловчиков без тени сомнения подвел итог, глядя на своих командиров Павловского и Капустина. «Извините, но на себя я это брать не буду!» — сказал он.

О, надо было видеть лица начальников. Они резко развернулись и покинули стенд.

Стоявший за спиной у Ловчикова подполковник из штаба авиации военноморского флота только крякнул от удовольствия.

— Однако круто ты с ними, лейтенант. Но поделом им. Потом этот подполковник, вернувшись в Москву, позвонил начальнику Ловчикова в Калининград:

— Вы присмотритесь к парню. Он дело знает и шею не гнет подобострастно перед начальством.

Так что опыт общения с подобными начальниками у Василия Ловчикова был. Тем временем начальник штаба, придя в себя, пошел в атаку:

— В чем дело, товарищ старший лейтенант?

— Да в том, что я принимаю решения, которые должны принимать вы!

Дальше Ловчиков объяснил начштаба и про самолет на взлетной полосе, и про десятитонники-заправщики, и про пущенный по его приказу без госкомиссии трубопровод. Объяснял ясно и четко, хотя и несколько горячо. Майор молчал.

А потом он дождался сообщения, что дальние бомбардировщики с их заправкой благополучно вернулись на свой аэродром и пошел домой. На душе было тяжело и муторно.

Переступив порог, он с трудом стянул с себя сапоги, снял шинель и спросил жену:

— Галя, где-то у нас был спирт.

Командир авиабазы «Анадырь» и начальник штаба за успешно проведенную операцию получили благодарности. Старший лейтенант Василий Ловчиков не получил ничего.

Но вскоре его вызвали в Благовещенск, в штаб корпуса. И то, что случилось с ним дальше, стало лучшей наградой.

## Как обычный специалист Внешторга

Беседовал с ним капитан II ранга. Улыбчивый, интеллигентный. Накануне разговора Василию шепнули, мол, это офицер из Москвы, из Главного разведывательного управления, отбирает кандидатов в дипломатическую академию.

— Давай, Вася! Хоть ты из этой анадырской дыры в дипломаты выберешься, — напутствовали его знакомые штабисты.

Ловчиков слушал и не верил: Москва, дипакадемия, работа за границей. Пока не вмещалось все это в голове. Оказывается, правда. Капитан II ранга задал несколько вопросов, а потом сказал:

— Василий Дмитриевич, мы изучили ваши дела и предлагаем вам обучение в Военно-дипломатической академии.

Ловчиков дал согласие, но, откровенно говоря, его терзали сомнения: ну, какой из него дипломат, разведчик, сможет ли он, осилит ли?

На базе в Анадыре каждый воспринял эту весть по-своему: кто-то радовался, кто-то завидовал.

Начальник строевого отдела капитан Петухов любил подкатить с вопросом:

— Вась, а ты знаешь, что это такое и с чем его едят?

— Знаю, конечно, разведка.

— Да нет, Василий, забросят тебя в Африку и главная задача будет, чтобы тебя не съели аборигены.

Старший инженер авиабазы успокаивал по-своему:

— Да ты особо не трепыхайся. Все равно не сдашь. Там знаешь, какие экзамены? У-у! Три десятка машин покажут на экране и попробуй, запомни номера. Или толпа людей, опиши подробно во что одеты, обуты. Вот то-то!

Такие речи, признаться, было обидно слушать, тем более что Ловчиков твердо знал: он сдаст экзамены и поступит в академию.

И действительно, сдал, и с победой возвращался обратно. Жена потом рассказывала, что когда встречали самолет, на котором прилетал Василий, поспорили. Супруга верила и надеялась, что муж привезет ей цветы, большой, красивый букет. На что офицеры улыбались: «Галина, ну какие цветы! Он водки привезет, московской, вкусной «Зубровочки».

Каждый ждал свое: жена — цветы, сослуживцы — «Зубровку». В Анадыре была и своя местная «Зубровка», но очень уж поганая на вкус. То ли вода здесь была непотребная, то ли местный спиртзавод варил столь

некачественное пойло, но потреблять его было невозможно. И потому всем улетающим в командировку на Запад заказывали качественной водки.

Когда Василий появился на трапе самолета, встречающие расхохотались: в одной руке у него был большой букет цветов, а в другой тяжелая сумка, нагруженная спиртным.

Ох, и сладкая оказалась московская «Зубровка» на проводах инженера Ловчикова.

А вскоре пришел вызов в академию. Василий уже укладывал чемоданы, чтобы отбыть в отпуск, потом приступить к занятиям. И тут его вызвал командир авиабазы. По дороге в штаб Василий терялся в догадках: зачем он понадобился командиру? Может, хочет пожать руку на прощание. Да вроде вчера уже пожал, и не один раз. А больше чего с него возьмешь, как говорят, отрезанный ломоть.

Но, как оказалось, командир думал совсем иначе. На носу у него были учения, которыми руководил Министр обороны, и личному составу авиабазы предстояло принять в них активное участие. Но Ловчикова, знамо дело, заменить не кем.

Командир долго уговаривал его, и в результате Василий провел свой отпуск на аэродроме, на учениях. Зато родная авиабаза не ударила лицом в грязь, показала слаженную, грамотную работу, и получила высокую оценку командования.

А Ловчиков прилетел в Москву из Анадыря накануне начала учебного года в академии. Приняли его на второй факультет, который между собой слушатели называли «крышевым». Это означало, что после обучения предстояло работать за границей под прикрытием какой-либо дипломатической, торгпредовской или корреспондентской должности. Язык ему достался английский. Прежде в школе, в высшем военно-морском радиотехническом инженерном училище он учил немецкий. Так что пришлось начинать с нуля.

Готовился по окончании академии в командировку в Норвегию, но судьба распорядилась по-своему. Уже во время государственных экзаменов его пригласили в 1-е европейское управление ГРУ и предложили поехать в Голландию. Должность прикрытия — инженер торгпредства. Разумеется, он согласился, прошел стажировку в одной из организаций Министерства внешней торговли, и отбыл в Амстердам.

Руководителем разведаппарата в ту пору был Иван Студеникин.

«Иван Яковлевич, — вспоминает Ловчиков, — многому научил. Работать было сложно. Мне дали всего месяц для подготовки «по крыше». Новая область деятельности, заграница. Контрразведка сразу начала

прощупывать.

Студеникин мне говорит: «Давай-ка ты садись на красный “Москвич”». Был такой в торгпредстве, заметный, как светофор. Судя по всему, это сбило с толку контрразведчиков. Ну, что это за разведчик на таком ярком автомобиле?»

Голландия, конечно, потрясла. Едешь, поздняя осень, а трава на лугах зеленая, коровки пасутся. Домики, как игрушечные. Но это внешняя сторона. А на самом деле было очень тяжело. Строить отношения с голландцами трудно. Они же западники, натовская страна. Нас врагами считали. И тем не менее, у меня были на связи источники».

Надо сказать, голландская командировка Василия Ловчикова, оказалась весьма плодотворной, как по крышевой деятельности, так и по добыванию образцов и документации.

Если говорить о его работе в торгпредстве, то ему удалось продать в Голландию наши ЭВМ «Минск-2», а потом и «Минск-22», которые производились в Белоруссии. Хотя мы значительно отставали от Европы в производстве электронных приборов. Достаточно сказать, когда в СССР производили ЭВМ второго поколения на полупроводниках, в Голландии уже всюду работали компьютеры третьего поколения на интегральных схемах.

В те годы в Ловчикове проявился истинный талант импортера. Ну как, например, в тех же Нидерландах развернуть продажу наших фотоаппаратов, часов, которые значительно уступали по качеству местным изделиям? Но это удавалось сделать Василию Дмитриевичу. Прежде в страну из Советского Союза поступало в год около пяти тысяч часов. Он увеличил продажу почти в десять раз.

Однако важно не это. Ловчиков был разведчиком, и профессиональное общение под легендой торгпредского работника помогало ему органично входить в среду местных специалистов-электронщиков, производителей оптических приборов.

А, как известно, подобные приборы всегда имеют двойное назначение: в первую очередь, военное, потом уж гражданское.

Знакомясь с голландцами и иными зарубежными фирмачами, Василий Дмитриевич свято соблюдал совет своего наставника — полковника Василия Денисенко, бывшего военного атташе в Швейцарии, завербовавшего в свое время генерала Жанмера. Василий Константинович вел их группу на выпускном курсе в академии. Так вот, он всегда говорил Ловчикову: «Когда будешь работать за границей, главное, не спеши, не горячись».

И он не спешил. Бывая на выставках, знакомясь со специалистами, никогда даже намеком не проявлял интереса к военным вопросам. Потом, узнавая человека поближе, всесторонне изучив его, взвесив все за и против, приступал к разработке источника. Работа эта была во многом сходна с добычей золота. Огромное количество руды и малые золотники, как результат труда.

Одним из таких золотников стал источник, получивший оперативный псевдоним «Дин». Вот как о работе с ним вспоминает сам Василий Дмитриевич Ловчиков: *«С «Дином» познакомился на выставке. Я рассказал о нашей аппаратуре, он — о своей.*

*«Дин» работал в Амстердаме на одной из фирм, которая занималась электроникой. Узнав его получше, как-то сказал: «Сейчас в Голландии находится наша делегация из Советского Союза. Они просят приобрести кое-что из электроники, но я это сделать не могу». На это «Дин» ответил, что постарается помочь. И помог. Первую оценку «особой важности» в Центре я получил за ценную документацию, как раз полученную от него».*

В справке подписанной начальником управления вице-адмиралом В. Соловьевым в 1972 году говорилось: «От агента «Дина» получено большое количество технической документации, раскрывающей состояние и уровень развития научно-технических работ ведущих капиталистических государств в области производства электронных компонентов.

В частности, полученная от «Дина» техническая документация по технологии производства интегральных схем позволила сэкономить большие материальные средства и наладить производство без предварительных научно-исследовательских работ».

Впрочем, вербовка — это всегда хождение по тонкому льду. И результат может быть совсем не тот, на который надеешься. Об этом никогда не забывал Василий Ловчиков. Да и сама жизнь в Голландии, противостояние контрразведки не давали возможности расслабиться. Еще свежи были в памяти каждого оперативного работника события, когда арестовали и бросили в тюрьму их коллегу Владимира Глухова. Он работал в Нидерландах под крышей компании «Аэрофлот». Его без предъявления обвинений, не представившись, несколько контрразведчиков грубо затолкали в машину и доставили в тюрьму, бросили в камеру. Держали в одиночке семь дней, допрашивали. Однако доказать вину разведчика не смогли, и вынуждены были отпустить на свободу. Теперь, надо понимать, спецслужбы действовали более изощренно, и каждый неверный шаг мог привести в ту же камеру. И доказательства на сей раз найдутся.

А голландец, откровенно говоря, был очень привлекателен. Он работал в одной из фирм, которая специализировалась на разработке лазерного оборудования. Эта тема чрезвычайно интересовала Центр. В те годы ученые Советского Союза активно трудились над созданием отечественного лазера. Нужны были так называемые лампы накачки.

Ловчиков обратился к своему новому знакомому, попросил приобрести парочку образцов. Но тот оказался истинным бизнесменом. «Ну, что это, две лампы? Ими заниматься мне не резон», — произнес он разочарованно.

— А сколько можешь? — спросил Василий.

— Да сколько нужно!

— Хорошо, — согласился Ловчиков, — мы можем сделать и большой заказ, но ты как объяснишь его? Лазером занимаются не так уж много стран, и, думаю, спецслужбы все тщательно отслеживают.

— Брось. Я генеральный директор фирмы, у меня сотни заказчиков. Всегда смогу «закрыть» этот заказ.

Однако не смог. Получилось так, как и предупреждал Василий Дмитриевич. К фирмачу пришли из контрразведки, и дальше он уже работал под их контролем. Но ничего этого не знал инженер торгпредства Ловчиков. Теперь охота началась на него.

Как-то он ехал в Роттердам на встречу с тем же бизнесменом, однако, к счастью, вовремя заметил слежку. Тут же принял решение на встречу не выходить, свернул с маршрута, заехал якобы по делам торгпредства в одну, другую фирмы, обсудил там текущие дела и возвратился домой. Всю дорогу его вели контрразведчики. Слежка повторилась и на следующий день. И так неделю, вторую, месяц.

Василий Дмитриевич, понял: что-то произошло. Но что? Почему его так плотно «пасут»? Вскоре появилась и разгадка. Ловчиков вместе с женой приехал в Роттердам. Однако с бизнесменом видеться не собирался, на встречу его не вызывал. И тут в одном из магазинов случайно (!?) столкнулся с ним лицом к лицу. Фирмач обрадовался, едва не обниматься бросился, стал предлагать различную аппаратуру. Разумеется, в этом списке были и лампы для лазера.

Однако в такие совпадения Василий не верил. Он мило попрощался с фирмачом и сказал, что доложит руководству о его предложениях. На том и расстались. Ловчикову стало ясно: его источник на крючке у спецслужб. Они и организовали им «неожиданное» свидание в супермаркете.

Летом 1971 года Василий Дмитриевич приехал в командировку в Москву. Неожиданно его вызвал к себе начальник управления адмирал Василий Соловьев.

— Знаете, — сказал он, — мы внимательно анализируем обстановку в Голландии и видим, за вами с Любимовым слежка. Но он дипломат, а вам прикрыться нечем. Давайте-ка от греха подальше оставайтесь дома. Вы уже там четыре года, поработали хорошо. Теперь поработаете в Центре».

Что ж, сказано — сделано. Все это, конечно, неожиданно, но, как говорят, начальству виднее. Ловчиков ушел в отпуск, а когда вернулся, его назначили старшим голландского участка.

Через два года повторилась прежняя история, когда он готовился отправиться в Норвегию, а поехал в Голландию. Теперь ему предстояла командировка заместителем резидента в Берн. Василий Дмитриевич начал подготовку, стал «поднимать» порядком подзабытый немецкий язык, сдал экзамены. И тут новый сюрприз. Приглашает его начальник направления генерал Лялин и выдает новость.

— Принято решение направить вас в Женеву. Ловчиков в первую минуту опешил от неожиданности:

— Михаил Амосович! У меня английский, да вот немецкий вспоминаю. Французский — нулевой. Как же я там работать буду?

Генерал словно не заметил горячей тирады подчиненного.

— Там в резидентуре много проблем. Едете заместителем руководителя аппарата. Готовьтесь!

Василий Дмитриевич вышел из кабинета и лишь развел руками: видать, судьба у него такая — получать подобные сюрпризы. Только не знал тогда Ловчиков, что главный его сюрприз впереди, и имя ему — капитан Резун.

## Продажный пес

Перед отъездом генерал Лялин наряду с общими задачами поставил Ловчикову и две персональные. Лично проверить двух агентов, ибо у Центра они вызывали подозрения. Возможно, их уже перевербовала контрразведка.

Один действительно оказался «липовым». А другой был жив, здоров, и даже рвался в бой, желал поработать.

Условные сигналы он получал по радио. Но радиоприемник у него был настроен таким образом, что принимал сигналы только на определенном расстоянии, например, в границах самой Швейцарии.

Когда Ловчиков прибыл в Швейцарию, агента на месте не оказалось. Он уехал в командировку в Испанию. На этом, собственно, и сыграл Василий Дмитриевич. Решил в тайник заложить вызов на встречу, и приказал одновременно послать слабенький сигнал по радио. Если агент выйдет на встречу, значит, сигнал приняла контрразведка, поскольку в Испании он его услышать не мог.

На тайниковую операцию замрезидента Ловчиков взял с собой тогда неизвестного никому молодого оперативного офицера капитана Резуна.

*«Задание у него было самое простое, — вспоминает Василий Дмитриевич. — Я сам все спланировал, подвез его, проверился. В резидентуре дал пустую пачку из-под сигарет, которую он должен был, выйдя из машины, бросить в указанном месте под кусту дороги.*

*Выдели бы вы, что это было! У Резуна губы, руки-ноги тряслись, словно я вез его на расстрел. Из машины чуть ли не пинком выгонял».*

Словом, как и просчитывал Ловчиков, контрразведка сигнал приняла, и агент вышел на встречу. А за ним, естественно, «наружка». Понаблюдав со стороны, Василий Дмитриевич и его коллеги сделали однозначный вывод: агент перевербован и работает под контролем местных спецслужб. Сомнения генерала Лялина подтвердились.

Тем временем резидент Иван Глазков поинтересовался у своего заместителя: «Ну, как первые впечатления о Резуне?»

Ловчиков рассказал в подробностях и подвел итог: «Знаете, Иван Петрович, Резун очень слабый оперативник. Его еще учить и учить. Но самое сложное — он патологически труслив. Боюсь, что в будущем не сможет вести оперативную работу».

Глазков не согласился: «Да, молод. Но у него уже есть выходы на двух

человек: первый секретарь посольства ФРГ и заместитель главного редактора журнала».

— Первого секретаря, пожалуй, можно отбросить сразу. Огромный разрыв и в должностях, и в возрасте. Тут не известно, кто кого перевербует. Да, боюсь, и журналист ему не по зубам.

— Ну, вот ты и займись Резуном, — сказал резидент.

Что ж, приказ есть приказ. Идею выйти на первого секретаря отмели сразу. Оставался журналист Фурлонг. Тогда еще никто не знал, что он опытный сотрудник спецслужб. Стали искать подходы. Резун представил его как заядлого нумизмата. Сказал, что и сам увлекается коллекционированием монет. «Ну, что ж, хорошо. Начинать с нумизматики. Только не торопись, о каждом шаге докладывай и за пределы легенды не выходи». Так напутствовал молодого оперативника Ловчиков.

*«При Глазкове, — вспоминает Василий Дмитриевич, — мы пошагово осторожно начали двигаться вперед. Однако вскоре приехал новый резидент — генерал Борис Александров. Он был родственником помощника Генерального секретаря ЦК КПСС Александрова, и они с женой приехали в Швейцарию отдохнуть. Ему казалось, что резидент только указывает. А тут работать надо...»*

О генерале Борисе Александрове надо сказать отдельно. О нем я много слышал от разных разведчиков. Родственниками высоких руководителей, сынками, зятьями, племянниками, вряд ли кого можно было удивить в ГРУ. Их там водилось не мало. Привлекала их, конечно, не разведработа, а возможность красиво пожить за границей. Обычно представителей громких фамилий старались держать подальше от оперативной деятельности, но это не всегда получалось. Ну, не отправишь же полковника, а тем паче генерала, каковым был Александров, завхозом или шофером. Соответственно званию приехал Борис Михайлович руководителем разведаппарата.

Сразу после появления в Женеве он немало удивил офицеров резидентуры. Сказал, что перед командировкой проанализировал деятельность аппарата и понял: здесь всего один настоящий разведчик — Резун, остальные так себе.

По меньшей мере, странное заявление, тем более что Резун был молодым офицером, приехавшим за рубеж в первую командировку после окончания академии, совершенно не имеющий опыта оперативной работы. Его же коллеги отработали за границей не один год в разных европейских странах, имели немалые заслуги, боевые награды за успешную разведработу, и вдруг услышать такое. Но, как оказалось потом, это были

еще цветочки.

*«Как-то Александров приглашает меня, — рассказывает Ловчиков, — и говорит: «Вы тут, Василий Дмитриевич, явку подготовили. Давайте-ка съездим туда, посмотрим». Не хотелось мне везти Бориса Михайловича, толку от него никакого, только лишний риск засветить явку. Но резидент настаивает, поехали. Показал. Александров удивился, как ребенок. Сам-то он никогда оперативником не был, этой работы не знает. «Значит, я буду сидеть вот здесь, в кафе, там по улице будет идти агент, имея опознавательные признаки. Он зайдет за угол, и я усеку, есть ли за ним слежка. Здорово!»*

Ну, как было по-детски не порадоваться вместе с резидентом? На обратном пути Александров и вовсе преподнес убийственный сюрприз. В автомобиле вдруг заявляет: «И когда у вас назначена встреча с агентом?»

Ловчиков остановил автомобиль, попросил резидента выйти из машины.

— Борис Михайлович! Машину же могут прослушивать. Она в гараже стоит, поставь прослушку — раз плюнуть.

Что тут скажешь, Александров уже в генеральском звании познавал то, чему слушателей академии обучали на первом курсе.

Свои широкие оперативные знания Александров в полной мере обкатывал на Резуне. Видимо, ему было легче и удобнее общаться с неопытным офицером, который не всегда имел достаточно аргументов, чтобы противостоять неверным установкам резидента.

Александров все больше давил на Резуна. «Ты чего ерундой занимаешься, — говорил Борис Михайлович, — делай вербовочное предложение, проси документы».

Но оказалось, что не он, а ему уже сделали вербовочное предложение.

*«Но Резун, — говорит Ловчиков, — об этом мне не доложил. Если бы предупредил, мы бы отправили его благополучно домой. Но он промолчал. А когда я уехал в отпуск в Москву, Александров вновь отправил его к Фурлонгу. И там Резуна добились.*

*Кстати, когда я заменял резидента и отправлял на встречу офицера, бывало, как на гвоздях сидел, пока тот не вернется. Сидишь, ждешь ночь, за полночь. Встретишь, выслушаешь, подскажешь, как лучше отчет написать. А тут Александров его послал, а сам на какой-то прием укатил. Резун вернулся со встречи бледный, опущенный, три часа ждал резидента, но тот не появился. Все это потом в подробностях рассказал шифровальщик, который находился в резидентуре.*

*Это была пятница. Александров не вспомнил о Резуне ни в субботу, ни*

*в воскресенье. Хватился только в понедельник, во второй половине дня. А его уже и след простыл».*

Тем временем Ловчиков, который проводил отпуск с семьей в санатории на Кавказе, возвратился в Москву. В управлении его встретил встревоженный генерал Иван Глазков. «Знаешь, у нас ЧП. Резун пропал вместе с семьей.

Обстоятельства неизвестны. Туда вылетел начальник управления генерал Дубович. Готовься в дорогу. Мы отзываем Александрова, и ты срочно вылетаешь туда».

Так оно и случилось. В Женеве уже работал Дубович. Борис Николаевич встретил Ловчикова словами:

— Вот что, Василий Дмитриевич, сейчас сам понимаешь, из Центра пойдут запреты на работу. Но нам надо рассчитаться с агентами и все законсервировать. Главное — не сжечь офицеров и не провалить источники.

Легко сказать: не сжечь, не провалить, если Резун уже дает показания. Плюс был только в одном — предатель немного-то и знал. Офицеров резидентуры конечно, выдаст, но до источников добраться у него кишка тонка.

Первую операцию по локализации предательских действий Резуна разработал и провел сам генерал Дубович с одним из офицеров резидентуры. Риск был большой, но иного не дано. К счастью, все прошло успешно.

Дубович вскоре улетел в Москву, а задачи по консервации агентуры и отправке оперативных офицеров на Родину были возложены на исполняющего обязанности резидента Ловчикова.

Василий Дмитриевич понимал: в первую очередь надо отправить тех сотрудников, которых лучше других знал Резун. Один из таких, назовем его Николай П., работал под крышей представительства «Аэрофлота». Он чаще других общался с предателем. И хотя Николай утверждал, что не сообщал Резуну никакой оперативной информации, ничего не говорил об агентах, душа у Ловчикова была не спокойна. Ведь офицеру предстояло провести встречу со своим информатором, вручить деньги за выполненную работу, обсудить вопросы консервации. А если он по наводке Резуна уже «под колпаком» у контрразведки? Это неминуемый провал. Еще один провал после бегства Резуна. Чем это могло закончиться для и. о. резидента, думается, объяснять не надо.

Но, как говорят в народе, глаза боятся, а руки делают. Ловчиков пригласил к себе офицера. «*Слушайменя внимательно*, — напутствовал он

оперативника. -

*Контрразведка начинает работу в семь утра. Ты выезжаешь в шесть, останавливаешься невдалеке от дома, где живет агент. Багажник на ключ не закрываешь. Он выходит, перехватываешь его, чтобы не успел доложить в контрразведку, ежели связан с ней. Внезапность в данном случае штука полезная. Спрашиваешь, есть ли что для тебя. Если есть, пусть сам несет, кладет в багажник и сразу забирает деньги. Пакет с деньгами обрабатываешь, чтобы не было отпечатков пальцев. Обговариваешь консервацию и дальнейшую связь в будущем, когда карантин будет снят».*

Таки поступил Николай. Однако это был лишь первый этап операции. Ведь если агент все-таки работал под контролем спецслужб и доложил о раннем визите советского офицера, «контрики» сейчас роют землю носом. Теперь они готовы на любую провокацию. Так что Николаю по-прежнему грозит опасность. Впрочем, Василий Дмитриевич просчитал и такой вариант событий, и продумал второй раунд.

В тот день в Женеву прилетел министр иностранных дел СССР Андрей Громько. Вскоре он улетал обратно в Москву.

Николай как представитель «Аэрофлота» занимался своими обычными служебными заботами, а когда лайнер уже стоял, что называется, под парами, поднялся по трапу, и отбыл на родину. Тем более что ему, как представителю авиакомпании, было дано право такого экстренного отлета. Коим он и воспользовался.

Практически с каждым офицером резидентуры Ловчиков готовил и проводил подобную операцию. Вскоре все они благополучно возвратились домой. Сам он улетал, сдав должность новому резиденту. В последние недели контрразведка водила его плотно и неотступно. В один из дней, когда ехали со сменщиком и зашли в магазин, наружка их потеряла. И, видимо, это стало последней каплей.

На следующее утро его пригласила советский представитель при ООН в Женеве Зоя Васильевна Миронова и сообщила: вчера были люди из МИДа, они просили первого секретаря посольства Ловчикова покинуть страну.

— Что ж, я уже взял билеты на субботу на следующей неделе, — сказал Василий Дмитриевич.

— Да нет, рекомендовали убыть в ближайшую субботу, — сказала Миронова и добавила. — Я спросила, объявляют ли они вас персоной нон-грата. Ответили отрицательно, но настаивали на отлете.

Как и настаивали местные власти, Василий Ловчиков отбыл на родину.

*«Не успел я сесть в самолет, — рассказывает Василий Дмитриевич, — как в эфире одной из радиостанций в Аргентине прозвучало сообщение: первый секретарь советского посольства Ловчиков выслан из страны за шпионскую деятельность. Диктор долго перечислял, чем я занимался в Швейцарии. Создалось такое впечатление, что перед ним лежал учебник, в котором были перечислены все функции разведки. И это оказалось мне одному под силу. Этаким суперразведчик!»*

Однако тогда было совсем не до улыбок. Работа в Европе теперь для него закрыта. Предложили должность в азиатском управлении ГРУ. Однако начинать заново в другом регионе Василий Ловчиков отказался. Знаний, опыта накоплено достаточно, и он попросился в академию.

Руководитель управления генерал Борис Дубович обратился к начальнику Военно-дипломатической академии. Тот дал добро. Вскоре полковник Ловчиков стал старшим преподавателем ВДА.

Работа эта ему нравилась. Он сделал три выпуска, защитил кандидатскую диссертацию. И тут в академии начали разворачивать новую кафедру. Полковнику Ловчикову предложили стать заместителем начальника кафедры.

— Знаете, Василий Дмитриевич, — сказал ему начальник академии генерал-полковник Мещеряков, — там дел непочатый край. Огромный пласт надо поднимать. Впрягайтесь, мы надеемся на вас.

И он впрягся. Сейчас вспоминает, когда пришел, на создаваемой кафедре был всего лишь тощий учебник из шести глав, да единственное пособие. А когда уходил, были уже написаны учебники, пособия, различные разработки, материалы и документы.

После увольнения в запас работал начальником отдела внешних экономических связей ОАО «Фазотрон». Объездил много стран. Ныне является профессором Военного университета.

Много лет Василий Дмитриевич пишет стихи. Из-под его пера вышло несколько поэтических сборников.

## **Примечания**

**1**

Устаз (арабск.) — учитель, наставник.